

Еремей АЙПИН

На Священной Первоземле

Ханты-Мансийскому округу – 90 лет. Это одно короткое мгновение в жизни Вселенской. А в жизни земной, в жизни народной – это многие и многие лета и зимы, долгие и долгие дни и ночи.

Мне кажется, я помню всё. Всё, что нашептали мне остяцкие мифы. Помню времена, когда землю населяли наши боги и богини, наши покровители и покровительницы. Потом они ушли на небеса. Очевидно, незадолго до Всемирного потопа. Сейчас они там, наверху. И с небесной высоты посматривают на меня, ведут меня по земным тропам-дорогам.

Наступил день, когда послышался далёкий гул Большой Воды. Она пришла через семь дней, и вся земля ушла под воду. Священная птица Лули со дна бескрайнего моря-океана в клюве подняла кусочек земли, который начал расти для жизни людей. Так появилась Земля князя Самара, наша высокая Самаровская гора. С неё выросла вся земля нашей планеты.

Помню времена наших богатырей с их славными подвигами во имя жизни людей, народа, человеческого рода на земле.

Помню времена протогосударства обских угров – остяцкие и вогульские княжества от истоков больших и малых рек до встречи Великой Оби со льдами Арктического океана. В прошлой жизни душа моя и души моих сородичей воплощались во многих князьях и вождях угорских земель. Ведь я помню времена Большого князя Самара Белогорского княжества, Кодских князей Алачевых на Средней Оби, князей Бардакова княжества на моей родине на Сургутских землях, остяцких и российских, титулованных при Екатерине II князей рода Тайшиных Обдорского княжества, управлявших Инородческой управой вплоть до начала XX века и многих других больших и малых княжеств на югорских бескрайних просторах.

Потом, как и в пору зарождения земной тверди, пришло время открытия первых месторождений нефти и газа, и наша Югра стала Центром Притяжения, опорой государства благодаря щедрости земных недр, щедрости душевной живущих здесь людей. В моей памяти неизгладимый след оставили Юрий-Рауль Эрвье, Фарман Салманов, Виктор Пархомович, Владимир Богданов, Вагит Алекперов и многие легендарные первооткрыватели кладовых недр нашей земли.

Не могли оставить без внимания и личного прикосновения к духовной и физической опоре страны лидеры Советского Союза и России конца прошлого и начала третьего тысячелетия, начиная с восьмидесятых годов двадцатого века посещавшие наш округ. В самый сложный период в истории страны жители Югры доверили мне представлять их в последнем Верховном Совете Советского Союза, а затем представлять первого президента России в Ханты-Мансийском округе. С этой поры я усвоил одно: основная и главная цель государства – обеспечить благополучие своих жителей, благополучие людей.

Эра в истории – это люди. Эпоха – это люди. Тысячелетие – это люди. 90 лет – это люди, человеки, человек. Человек со своей судьбой, размышлениями, чаяниями. Люди – это клад для писателя, для его книг. В этом плане судьба преподнесла мне почти неподъёмный клад.

Мы живём на Священной Первоземле. Мои герои обустроивают Центр Притяжения, нашу землю и размышляют о том, как сохранить её в первозданности и величии для наших потомков. Об этом я рассказываю и в своих книгах.

2020, декабрь, 10

№ 6 (130), 2020

Этнополитический
и литературно-
художественный
журнал

Учредитель:

редакция газеты «Литературная Россия»

Главный редактор

Вячеслав ОГРЫЗКО

Заместитель главного редактора

Иван КОРОТКОВ

Компьютерный набор

Татьяна ЕГОРОВА

Дизайн/Вёрстка

Ольга ПЕЛЕНКОВА

Подписано в печать

1 декабря 2020 года

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ
по печати. Свидетельство о регистрации
№ 015849 от 14 марта 1997 года.

Тираж 1000 экз.

Адрес редакции:

127051, Москва,

Цветной бульвар, 32, строение 3.

Телефоны: 8 (495) 694-23-24,

8 (495) 694-03-65

www.north.litrossia.ru

E-mail: litrossia@litrossia.ru

Отпечатано в ФГУП

«Издательство «Наука»

(Типография «Наука»)

121099, Москва, Шубинский пер., 6

Заказ 926к-20

СОДЕРЖАНИЕ

Центр притяжения

Еремей АЙПИН

На Священной Первоземле..... 1

Морские странствия

Олег ХИМАНЫЧ

Бухта Варнека. Старик Весако..... 15

Забытая война

Ника БОГАЧЁВА

Морпехи зимней кампании.....32

Герои Арктики

Никита КУЗНЕЦОВ

Полярный капитан Михаил Николаев.....42

Морской волк

Вячеслав ОГРЫЗКО

*Шпильки всесильного партаппарата:
Виктор Конецкий46*

Звёзды эстрады

Диана АРБЕНИНА

*Я – человек северный. Беседу вёл Александр
Рязанцев.....51*

Рассказ

Александр ЛАТКИН

Трава спасёт мир.....54

Бывальщина

Юрий ЛЕОНОВ

Пива хошь?.....58

Драма

Надежда СУСЛОВА

Последняя жертва наркома Ежова.....60

Дневник киномана

Александр РЯЗАНЦЕВ

Кровь, вино и сияние звёзд63

Рассекреченные тайны

Александр ПЕТРУШИН

Запретная история Югры.....68

ОБЕРЕГИ ОТ ГЕННАДИЯ РАЙШЕВА

Сейчас я вхожу в мир Геннадия Райшева медленно, мучительно, с болью. И, войдя, с тихой надеждой взираю на его небесных богинь и земных женщин, хранительниц очага. Как в сказочном лесу, брожу, смотрю, вдыхаю ароматы жизни. И жду, жду одного некогда утраченного мгновения. И жду так терпеливо, что не замечаю, когда оно приходит... Пришло материнское тепло. Пришла материнская ласка. Я ощутил это всем своим существом. Будто попал в пору далёкого-далёкого, ещё досиротского детства, когда сидел на Маминых руках. И вбирал в себя тепло и ласку её ресниц, глаз, рук – и чувствовал себя в самом надёжном и прекрасном мировом пространстве. Мне ничего не грозит. И я всесилен и счастлив. И готов сам осчастливить все земные и небесные миры. И с этим ощущением материнского тепла и материнской ласки, будто воспарив, начинаю плавать по Райшевскому миру...

Только потом, спустя много времени, я начну осознавать, почему так притягателен для меня его мир. Я ищу там тепло, ласку и защиту другого времени, моего досиротского периода жизни. Я ищу там мою рано ушедшую из жизни Маму. И теперь, наконец, я разыскал Её там, в мире, созданном загадочно-необъяснимым художником. Там Она живёт. Там живёт моя Мама. Там живёт Её душа.

И теперь я думаю, что в Мире Райшева живёт не только моя Мама, а ушедшие родичи многих-многих моих сверстников. Ведь такое вполне возможно.

Затем приходит и другая мысль. Точнее, ощущение. В мир Райшева потихоньку перебираются все деревья и травы, реки и озёра, болота и сопки, ягельные боры и черёмуховые гривы, беспощадно погибающие под пятой промышленного Молоха-Колосса. Туда перебираются птицы, звери и рыбы, которым не стало места на нашей нефте-газоносной земле. Ибо всем им становится тепло и уютно в мире Райшева, как в мире современного Спасителя Вселенной.

А раз дело принимает такой оборот, то картина Райшева, как языческий оберег, должна висеть в каждом доме. Начиная с избышки охотника-вогула и остяцкого рыбака и кончая домом Губернатора и, возможно, Президента всея Руси. Каждый штрих его кисти или пера

невольно оборачивается всемогущим и таинственным оберегом для наших угорских народов ханты и манси, усиливая и удлинняя их земное дыхание.

Хотя бы там (в мире Райшева) мы все сохранили себя. Как люди. Как народы. Как истинные обские угры.

Конечно, и в мире Райшева, как и у всякого художника, витает демонический дух. Но он только у Райшева, преобразовываясь, уничтожает демоническое начало в отрицательных персонажах. По-иному и не должно может быть.

Мир Райшева беспределен. Его мир не имеет ни начала, ни конца.

Этот есть мир неосознанный, непостиженный, до конца не признанный и не оценённый современниками. По угорской мифологии, это мир изгоя небес, приспущенного для приращения земной тверди.

18 ноября 1999 года

ТРИ ШТРИХА К ПОРТРЕТУ А.Г. ГРИГОРЬЕВОЙ

В тот год я учился в начальной школе села Варьёган. В середине зимы по селу прокатилась весть: приехала Председатель Сургутского райисполкома Антони-

на Георгиевна познакомиться с жизнью сельчан. Обедать пошла не к председателю колхоза, как делали все важные приезжие чины, а попила чай в бревенчатой избе у бригадира пастухов Кузьмы Казамкина. А потом первым делом она решила навестить оленеводов. Мимо школы-интерната вихрем пронеслись олени упряжки пастухов первого стада колхоза имени Кирова. Было холодно, стояли январские морозы. Жена бригадира Анна Галактионовна впоследствии часто вспоминала: нарядили мы гостью в меховую ягушку и кисы. Но оказалось, что полы ягушки ей пришлись выше колен. Подумала: коротковата шубка, как бы не заморозили гостью.

После неё такого уровня руководители никогда больше не выезжали к оленеводам, особенно в зимнюю стужу.

Штрих второй. В Ханты-Мансийск приехал Юван Шесталов, основоположник мансийской литературы, лауреат Государственной премии РСФСР имени Горького, знаменитый поэт союзного и республиканского уровня. Грудь колесом, шумный, независимый, с авторитетами не считался, с чинами с высокими рангами не церемонился. Я, как журналист и начинающий литератор, попал в группу сопровождающих его лиц. Юван Николаевич говорит нам: «После обеда идём в окрисполком, к Григорьевой, я с ней договорился о встрече». В Доме Советов мы вошли в приёмную Антонины Георгиевны. И тут произошла с ним метаморфоза. Наш знаменитый земляк вдруг притих, стал как бы меньше ростом. И почти шёпотом сказал: «Вы не ходите со

мною, я пойду один, ждите меня здесь». И, когда его пригласили, быстро юркнул в кабинет. Через некоторое время он вышел оттуда с расправленными плечами, улыбающийся, довольный. Сказал: «Хорошо поговорили, я о ней буду писать. Она угостила меня строганиной, из дома принесла». И покачал на руках небольшой свёрток, завернутый в газету. О ней писали, её личность интересовала в то время многих писателей и поэтов: наших земляков из Москвы, известных поэтов Алексея Смольникова и прозаика Ванцетти Чукреева, ханты-мансийца Микуля Шульгина, Андрея Тарханова и многих других деятелей культуры.

Штрих третий. В Ханты-Мансийске золотая осень. Отмечали большой окружной праздник. Гости уже разъезжались. Я проходил мимо гостиницы «Югра». И в группе тюменских ветеранов, ожидавших отъезд, увидел Антонину Георгиевну: в деловом костюме, с высокой причёской, со спокойным, немного грустным выражением строгого лица. Выглядела она не по годам энергичной и собранной. Выглядела хорошо. Она всегда меня интересовала, как личность созидательная, личность легендарная. Я подошёл, поздоровался, и сказал, что хотел бы написать её портрет: всегда интересен и поучителен взгляд личности на время, на эпоху, на настоящее и будущее. Она тепло улыбнулась и сказала: «Приезжай, есть что вспомнить, посидим, не спеша чай попьём». Как всегда, я подумал: «Впереди ещё столько времени...» Оказалось, время-то имеет свои пределы. Через полгода после этой встречи, совер-

шенно неожиданно для меня и многих жителей округа, Антонина Георгиевна ушла из жизни.

Сейчас, когда жители округа и области садятся на Боинг 737, на борту которого начертано имя «Антонина Григорьевна», непременно вспоминают, что при ней было построено, открыто, создано. После себя она оставила нам много добрых дел. Как сказал Маяковский, воплотилась «в пароходы, в строчки и в другие долгие дела». Правда, вместо парохода – авиалайнер компании Ютэйр. Ведь именно в период её руководства наш округ был отмечен самой высокой наградой СССР: орденом Ленина. За высокие достижения в развитии нефтегазовой отрасли, за успехи в культурном строительстве, за мудрость в управлении, за заботу и внимание к каждому жителю края.

Среди мировых лидеров-женщин её имя в моём сознании ассоциируется с именем Маргарет Тэтчер.

Ношу, которая несла Антонина Георгиевна – не каждому богатырю по плечу. В памяти северян она останется вечным президентом Югры. Дай ей штурвал планеты в руки – миром бы правила исправно...

9 июля 2018 года

ТРОПА ВОЖДЯ

Один из самых удивительнейших людей нашей эпохи – Анатолий Прокопьевич Кауртаев. Его жизнь – это целая эпоха. Почти семь десятков лет второго тысячелетия и десятилетия третьего тысячелетия. А вехи этой эпохи – Великая Отечественная война, проводы родичей на войну, похоронка на отца с фронта, работа в тылу, Институт народов Севера в Ленинграде, учитель в школе, открытие нефти на Самотлоре, руководитель в городе и в районе, лидер коренных северян, перестройка, крушение Советского Союза, падение в бездну девяностых...

Директор школы в двадцать четыре года. Затем неспешное движение вверх по служебной лестнице в системе образования и власти в Нижневартовске и в районе.

Он пользовался непререкаемым авторитетом в Нижневартовском районе и у коренных жителей округа. К нему обращались как к родителю, к родному отцу за советом и помощью. Все хорошо знали: если Кауртаев сказал «поможем» – значит, непременно поможет сам или по-

может власть, которую он представлял. Он всё делал основательно, энергично, ничего не откладывая в долгий ящик. Бывало, если в городе его машина попала в пробку, он обычно говорил попутчикам: пошли пешком, дойдём быстрее.

Анатолий Прокопьевич умел дружить. Помнится, многолетняя дружба связывала его с Г.Райшевым в Ханты-Мансийске, с Ю.Шесталовым в Ленинграде, на Конде с А.Тархановым, в Нижневартовске с М.Анисимковой и многими другими известными деятелями литературы и искусства. Его искренне уважали все, с кем он встречался. Ведь он идёт по жизненной тропе с честью, с достоинством, с совестью. Нелёгкая эта ноша – жить по совести. А художники всегда тонко чувствуют природу человека, его душевную организацию...

Я посвятил Анатолию Кауртаеву рассказ «В полёте в бездну», в котором он стал прототипом героя. Было это в самую тяжкую и горькую годину в истории Отечества. В избе осталась одна пара валенок на двоих. На маму и на старшего сына. Надевали их по очереди, кому нужнее. А нужнее они были маме, на работу в колхозе, для помощи фронту. И тут я воочию увидел, как мальчик, крепко награв пятки возле устья дышащей живым огнём русской печи, босиком, по снегу бежит в школу...

8 ноября 2020 года

ПЕРВЫЙ ВРАЧ НАРОДА ХАНТЫ

Елена Михайловна Сагандукова запомнилась мне на всю жизнь человеком удивительно светлым, солнечным и строгим.

В первый раз я увидел её в далёком детстве, в нашем лесном поселении, в солнечный морозный день середины зимы. На оленьих упряжках приехала разъездная бригада врачей, человек шесть-семь. Во главе с Еленой Михайловной: всё крутилось-вертелось вокруг неё. Помню её смуглое чернобровое и строгое лицо, обрамлённое такими же строгими чёрными волосами в короткой, до плеч, стрижке. Как я понял впоследствии: признак сильного характера. В самый большой дом, к дяде Василию, всех пригласили на медосмотр. Сначала осматривали мужскую половину жителей

поселения – детей, мужчин, стариков, а потом женскую. Врачи что-то писали на листах бумаги, часто обращались к Елене Михайловне, что-то спрашивали. Она подсказывала, давала какие-то советы. Я тогда ещё не ходил в школу, не знал русского языка.

Второй раз увидел Елену Михайловну уже в Ханты-Мансийске, будучи студентом педучилища. К ней привела меня моя старшая сестра, с которой она дружила. Мы сидим в её кухне, с окнами на полдень, на первом этаже. Это в двухэтажном доме на улице Комсомольской, недалеко от Окружной больницы, пьём чай. Она спрашивает меня о здоровье жителей и житье-бытье на моей родине, в нашем лесном поселении на реке Аган, в посёлке Варьеган, в Сургутском районе.

Её первый рассказ. Как она ехала учиться в Омск, в мединститут. В годы Великой Отечественной войны уже работала фельдшером. Но было неистребимое желание учиться дальше, стать детским врачом, чтобы прежде всего помогать детям. У врача возможности несоизмеримо большие, чем у фельдшера. Поехала на пароходе. В военные годы не только она, а вся страна была полуголодной и полуодетой. На трудности она старалась не обращать внимания. Запомнилось, как ехали. Когда заканчивалось топливо для парохода, капитан причаливал к лесистому яру Иртыша. Команда и пассажиры брали топоры и пилы и выходили на берег. Одни валили деревья, другие рубили сучья, третьи пили, четвёртые носили чурки на судно. Будущей студентке Елена, выросшей в лесной деревне, была знакома эта работа. Она вместе со всеми женщинами и сучья рубила, и пилила, и чурки, что под силу, носила на пароход. Потом ехали дальше, по следующей остановке, пока топка не запросит очередную порцию дров.

У Елены Михайловны была большая библиотека. Она по-настоящему любила литературу. Помню, она часто вспоминала различные эпизоды из «Песни о Гайавате» Лонгфелло. У неё был том в переводе Ивана Бунина. Меня, как начинающего литератора, особенно интересовали книги – самый большой дефицит в те годы. С благоговением смотрел на золочённые корешки «Саги о Форсайтах», «Человеческой комедии», на бессмертные творения Льва Толстого, Антона Чехова, Фенимора Купера и многих других. Как личность уникальная, само-

бытная, она производила неизгладимое впечатление на всех, с кем общалась. Её образ неизменно завораживал деятелей искусства и литературы. Врач и художник Вадим Савинов всю жизнь пишет её портреты. Помню, известный тюменский писатель-геолог Геннадий Сазонов, который прошёл по всем тропам сурового Приполярного Урала, при встрече всегда расспрашивал меня о Елене Михайловне, ибо её судьба и образ всегда просились на страницы литературного произведения. Тут не надо было ничего придумывать.

Её второй рассказ был об отце. Нужда заставила – и большая семья снялась с насиженного места на реке Васьюган и начала спускаться на вместительной дощатой лодке вниз по течению, по Великой Оби. Так семья Сагандуковых приплыла в наш округ. Сначала остановились на реке Назым, в Самаровском районе. Отец её, Михаил Васильевич, участник Великой Отечественной войны, рано ушёл из жизни при трагических обстоятельствах. Он ездил в Остяко-Вогульск за деньгами общины. На обратном пути в деревню, на месте ночёвки у подножия горы возле устья Назыма на него напали грабители. Он, защищая общественную кассу, погиб. Так семья осталась без кормильца.

Одна из последних моих встреч с Еленой Михайловной состоялась в её новой квартире, на улице Калинина, недалеко от Водолечебницы. Она пригласила меня в гости вместе с моей семьёй. Она интересовалась не только моими литературными делами и работой, но и семьёй и здоровьем детей. Символично, что она всегда жила возле лечебных учреждений. Помню, сидим у окна в полуденную сторону, пьём чай. На её строгом лице играют золотые блики солнца. Когда я приходил к ней, почему-то её всегда освещало яркое солнце. Беседуем, вспоминаем общих знакомых, говорим о здоровье народа, о литературе. Я с гордостью поглядываю на книжные полки. Там рядом с именами многих почитаемых мною писателей стоят и мои книги.

Жизнь её была необыкновенно насыщенной и многотрудной: в заботах о семье, о народе, о государстве. У неё рано умер муж. И она одна растила и воспитывала сына. Прошла путь от рядового фельдшера до руководителя здравоохранения автономного округа, от депутата регионального уровня до депутата Верховного Совета СССР. Безусловно,

Елена Михайловна – личность легендарная. Мало сказать генерал, она была маршалом здравоохранения округа. Она оставила о себе добрую память, как общественный и государственный деятель, у всех, кто её знал, кто общался с ней. Многие вопросы здоровья народа и жителей она решала с известным в округе ветераном, в те годы председателем окрисполкома Антониной Георгиевной Григорьевой, с которой она дружила.

Попили чай. Потом мы тепло прощаемся и уходим. Она провожает нас до порога. И говорит, чтобы без стеснения звонили и проходили в гости. А потом, спустя некоторое время, она ушла из жизни. Я был на учёбе в Москве, и поэтому не успел её проводить в последний путь. Но она, её солнечный образ, её легендарная личность всегда живы в моей памяти.

26 октября 2013 года

В МОЁМ СЕРДЦЕ ВСЯ ПРИРОДА

Мария Кузьминична Вагатова – человек многогранного дарования. Она и поэт, и сказительница, и певец, и музыкант, и публицист, и исполнительница народных танцев, и прекрасный наставник и организатор. Словом, трудно перечислить, ничего не упустив, всё, что ей удалось создать за свою творчески насыщенную жизнь. За что бы она ни бралась – всё у неё получается хорошо, всё ей под силу...

Мария Кузьминична – человек жизнелюбивый и жизнерадостный. Всем своим детям и внукам она вдохнула свои разносторонние способности, каждому передала частицу своего дарования. В её семейном ансамбле «Ешак най» («Огонёк») самые младшие внучата начинают петь и танцевать с того момента, как только начинают говорить и ходить.

Жизнь и творчество поэта нельзя пересказать, нельзя описать. Всё это читатель может найти только в стихах, только в книгах поэта. Поэтесса в своём новом поэтическом сборнике «Моя песня, моя песня...» своё состояние души, мировосприятие ханты, возможно, наиболее полно выразила в двух строках

«В моём сердце вся природа,
Добрый нрав и ум народа...»

Мария Кузьминична, да пусть вечно витает над Югорским краем ваша песня, вселяя в сердца людей доброту и мудрость наших народов!

Январь, 2000

К ВЕЛИЧИЮ ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ

*Эмалевый крестик в петлице
И серой тужурки сукно...
Какие прекрасные лица
И как это было давно.
Какие печальные лица
И как безнадежно бледны -
Наследник, императрица,
Четыре великих княжны.*

Георгий Иванов, 1950

Великая Княжна российского престола Ольга Николаевна, старшая дочь Императора Николая II, 3(16) ноября 1895 года рождения, в возрасте 22 лет, в Ипатьевском доме в Екатеринбурге, накануне расстрела написала «Молитву»:

*Пошли нам, Господи, терпенье
В году бурных мрачных дней
Сносить народное гоненье
И пытки наших палачей.
Дай крепость нам, о, Боже правый,
Злодейство ближнего прощать
И Крест тяжёлый и кровавый
С Твоею кротостью встречать.
И в дни мятежного волнения,
Когда ограбят нас враги,
Терпеть позор и оскорбленье,
Христос Спаситель, помоги.
Владыка мира, Бог вселенной,
Благослови молитвой нас
И дай покой душе смиренной
В невыносимый страшный час.
И у преддверии могилы
Вдохни в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы –
Молиться кротко за врагов».*

Потом, в расстрельной комнате, как всегда, с врождённой изящностью и грациозностью чуть наклонив прелестную головку к Папа, Она подняла взор на палача. И увидела ту незримую и непроступную линию, которая отделяла её от безжалостных разрушителей Российской Империи, разрушителей жизни, преступным путём захвативших власть. Это была полоса, разделившая мир на две неравные части. Она своим существом ощущала эту линию. И знала, что в самую критическую минуту, шагнув к этой линии, она сможет спасти своих близких, себя, Россию. Возможно, ещё не осознанно, по интуиции, в Констанце, в июне 1914 года Она отказала претендовавшему на её руку наследному принцу Карлу Румынско-

му. Не хотелось оставаться на чужбине. Не хотелось быть чужой на своей родине. Слава Богу, Папа не принуждал. Потом Она сказала своему учителю французского: «**Я не хочу покидать Россию... Я русская, и хочу остаться русской!**» Ещё тогда Она смутно улавлила свою миссию, своё предназначение на земле. Спасти в эти мрачные и жуткие дни что возможно. Спасти грацией, светлостью, красотой. Всё это всегда было при Ней. Кроме того, Она ощущала в себе необъяснимую таинственную магическую силу, что накапливалась и в душе, и в теле. И которую, порою, в муках, в просветлении и в унижении, едва сдерживала в себя. Свою половину мира надо было отрезвить от чрезмерного великодушия и милосердия, чрезмерной широты и высоты русской природы. А противоположная сторона нуждается и в любви, и в просветлении. Если нет сил полюбить, то нужно хотя бы чуть облагородить, образумить, очеловечить, осветлить. Осветлить. Осветлить. Господи, дай силы! Так трудно и тяжело прикасаться к грязи, ко всему грубому и мерзкому, ко всему ничтожному, порочному, подлому. Трудно, но ведь это тоже Россия... Палач звереет от слабости духа, слабости тела, слабости ума. И вот, кажется, наступает критическое мгновение. Но шаг – это слишком большая плата. И она ещё немного помедлила. Оглядела всех своих: повела глазами влево, потом вправо. Папа, сёстры Татьяна, Мария, Анастасия, брат Алексей, мама, доктор... Папа, убережь Папа. Папа – и отец, и товарищ, и Царь, и народ, и Россия. Папа – это опора, надежда, идеал. Она лучше всех понимала Его и чувствовала всю тяжесть неподъёмной ноши на Его плечах. Она безошибочно улавливала все порывы Его благороднейшей души. Отрекаясь, Он прежде всего думал о благе народа и величии России. Думал, что народу и России это пойдёт во благо. О себе Он меньше всего беспокоился, меньше всего позаботился. Она остановила глаза на Папа. Господи, помоги!.. И Она подавалась к линии – и тут выстрелил палач. Грянул гром. И свинцовый ливень нахлынул на Ней. И в гаснущем сознании Она ещё долго удерживала мысль, что прикрыла собою, защитила, спасла родных и близких. А спасая Папа, символ русского народа, спасла Россию...

Сознание Её ещё долго не хотело угаснуть насовсем. Она всё ощущала затыл-

ком дыхание Папа, сестёр, брата, мама. Всё чувствовала, всё жила, жила и жила.

Потом душа её улетела в Небо. И там нашла своё пристанище.

А на Земле православная церковь причислила её к лику святых. Святая Ольга. И ей стали преклоняться православные, простые русские люди, простые российские люди. Просили у Ней помощи, защиты, сочувствия, понимания. Ибо верили, что Святая, принявшая мученическую смерть, всегда приемлет чужую радость и боль.

Со дня последнего шага Великой Княжны Ольги Николаевны к черте прошло 83 года. Без малого – век. Одна человеческая жизнь. Одно человеческое поколение. Немало воды утекло с той чёрной ночи подлого и трусливого Цареубийства с лихорадочным замечанием следов злодейского преступления. Чёрная ночь Цареубийства и детоубийства. Преступники-палачи не пожалели даже малых – двое младших детей Царя ещё не достигли совершеннолетия. Но Божья кара настигла всех расстрельщиков. Кого сразу, кого чуть позже. Все до единого, во главе с палачом с наглой ухмылкой и плутоватыми глазками канули в небытие. Канули в небытие и мелкие палачи разных мастей. И, быть может, единственная отрада в том, что всё-таки злодеев стало чуть меньше, чем было их в том роковом 1918 году.

Боль о безвинно убиенных будет жить в россиянах до того дня, пока Россия не вернётся на тот круг, на ту орбиту, с которой сошла за год до кровавого Цареубийства. Ибо тяжело жить в стране, имеющей клеймо страны-детоубийцы, страны-цареубийцы.

Это всеобщая наша боль. Это моя боль. Это твоя боль.

17 июля 2001 года
Вороново

СОВЕСТЬ РОССИИ

Сегодня ушёл из жизни писатель Валентин Распутин. Было ему 78. Всего несколько часов не дожид до своего дня рождения.

В последний раз видел его в Кремле, в 1991 году, незадолго до крушения Советского Союза, роспуска КПСС, падения Советской власти. Было это на заседании в Верховном Совете СССР,

где с докладом выступал Михаил Сергеевич Горбачёв. Сейчас я вспоминаю уроки Распутина. Уроки французского, прощание с Матёрой, последний срок, деньги для Марии... Впереди прощание с Распутиным, прощание с совестью человеческой...

Вместе с уходом Распутина мы окончательно теряем совесть.

Угасла совесть Союза, угасает совесть России, совесть мира.

15 марта 2015 года, утро, 8.30

НАСТОЯЩИЙ ЧЕЛОВЕК

Впервые я встретился с легендарным лётчиком-истребителем, Героем Советского Союза Алексеем Маресьевым на страницах «Повести о настоящем человеке» в школе-восемилетке, в селе Аган, в Сургутском районе. А впервые воочию увидел его в Кремле, во Дворце съездов.

Май 1989 года, перестройка, Москва, Первый Съезд народных депутатов СССР. Здесь – цвет страны, история страны, слава страны. Прикосновение к истории, к живой легенде Отечества всегда вызывает трепет в душе человека, оставляет неизгладимый след. Это были уникальные встречи с уникальными личностями. Моеими коллегами-депутатами были многие известные ветераны Великой Отечественной войны. Один из них – человек-легенда Алексей Маресьев (прототип героя «Повести о настоящем человеке» Бориса Полевого). На его счету 11 немецких стервятников, сбитых в воздушных боях за Родину. 7 из них он сбил после ампутации обеих ног после ранения, когда уже поднял свой истребитель в небо на протезах, в 1943 году. А за год до этого, в конце зимы сорок второго он 18 суток, на грани жизни и смерти, ползком пробирался на восток, к линии фронта.

Беспримерный подвиг, беспримерная воля к жизни, беспримерная любовь к небу и ко всему и ко всем, среди кого он жил, кто поставил его на ноги. Удивительно, что судьбы многих великих героев связаны с нашим суровым Севером, Сибирью, Дальним Востоком. В восемнадцать лет он по комсомольской путёвке приехал и строил город Комсомольск-на-Амуре. Думаю, суровая северная закалка помогала выжить ему в заснеженных лесах в восемнадцати суток пути к линии фронта, к своим, к спасению.

После крушения Советского Союза, в поисках путей сохранения государства, мы с ним вошли в одно Всероссийское общественно-политическое движение, возглавляемое премьером Виктором Черномырдиным – «Наш Дом – Россия». В моей памяти Алексей Петрович, всегда в строгом костюме, в галстуке, сосредоточенный, углублённый в себя, немногословный, остался настоящим воином-богатырём – и по духу, и по росту (казалось, едва я дотягивал до его плеча). И походка у него была уверенная, ровная. Трагическую безысходность тех дней трудно передать одной-двумя штрихами: Великая держава, которую защищал легендарный лётчик без обеих ног – рассыпалась, а что нас всех ждёт впереди – никто тогда не знал...

Родился А.П.Маресьев 7 (20) мая 1916 года в Камышине Саратовской губернии, ушёл из жизни 18 мая 2001 года в Москве.

ПОСЛЕДНИЙ МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Наш земляк-сибиряк, ветеран Великой Отечественной войны, маршал Советского Союза, министр обороны СССР Дмитрий Тимофеевич Язов принимал участие на всех Съездах народных депутатов СССР. Также приглашали его на заседания Верховного Совета при рассмотрении повестки по оборонным вопросам. Дмитрий Тимофеевич, несмотря на свой высокий государственный пост, запомнился мне человеком доброжелательным и по-отечески заботливым: однажды я пообщался с ним в перерыве между заседаниями. В помощи нуждался попавший в трудную жизненную ситуацию майор Л. из Югры, служивший в Западной группе войск. Дмитрий Тимофеевич внимательно выслушал меня и попросил прислать пакет документов на его имя. И вскоре после этого я получил ответ, что вопрос военнослужащего рассмотрен и решён положительно.

Уже после крушения Советского Союза, в последнем интервью последнего маршала мне почему-то врезались в память его слова о том, что всю жизнь прослужив в армии, так и не научился выражаться матерными словами. Подумалось: да, были люди в наше время, которые прошли по жизни с честью, с совестью, с доблестью во имя будущего своего Отечества.

НА СТАРОЙ ПЛОЩАДИ, ВОЗЛЕ КРЕМЛЯ

В период Перестройки Ханты-Мансийский автономный округ возглавлял Валерий Андреевич ЧУРИЛОВ, первый секретарь Окружкома КПСС, затем председатель окружного Совета. Потом его избрали народным депутатом РСФСР. И я был уверен, что он со временем станет политиком и руководителем сначала на российском, а после и на союзном уровне. Он был в то время самым компетентным, перспективным и дальновидным лидером с нестандартным мышлением и со свежими идеями, с системно-аналитическим подходом ко всем проблемам. Мудрость его проявлялось в том, что, прежде чем отрезать, он много раз отмерял. Но зато потом «резал», выражаясь фигурально, решительно, без оглядки. К примеру, чтобы подступиться к решению вопросов недропользования, он начал собирать по крупицам мировой опыт. Его внимание привлёк нефтяной штат Техас в США. Туда он выехал вместе со своим помощником, чтобы всё увидеть своими глазами и заполучить нужный материал. Затем, когда остро встала проблема коренных народов Севера, приступил к поиску справедливого политического решения судьбы ханты и манси в условиях интенсивного нефтегазового освоения их земель. Проводились специальные «Самотлорские практикумы», на которых анализировались и проигрывались результаты опросов учёных и общественности округа. Потом на этой основе

принимались управленческие решения. И они оказывались правильными.

Валерий Андреевич опережал время. Его деловые игры, которые стали первыми в жизни КПСС, позволяли прогнозировать экономические последствия принимаемых политических решений...

Именно при В. Чурилове, в 1992 году окружной Совет принял «Положение о статусе родовых угодий в Ханты-Мансийском автономном округе», которым до сего дня руководствуются все органы власти в округе. С тех пор прошло ровно девять лет. И за эти годы не было принято ни одного самостоятельного специального закона или нормативного акта по вопросам коренных народов Севера в автономном округе. Не удивительно ли?! Деятельность каждого человека я всегда оцениваю результатом его труда. Есть дело или нет дела. Эта оценка объективная. Понимаю и то, что лидеру мало знать проблемы и о них ежедневно рассуждать. Надо иметь ещё политическую волю и смелость, чтобы реализовать идею в дело. На это как раз часто не хватает пороха. А у В. Чурилова эта воля была. И смелость была. И система была. И тем более обидно, что он вынужден был уйти из политики. После известного расстрела Верховного Совета РСФСР в 1993 году.

В последние дни уходящего, теперь уже прошлого столетия я посетил его офис в одном из переулков Старой площади, возле Кремля. Он взглянул на меня грустными всё понимающими глазами и сказал: «Запаздываете...». Сначала я отнёс это к округу. Нас обходит

область. Обходит федеральный центр. В работе головой. Но потом понял, что это относится и ко мне лично. Это ленность мысли, ленность поиска, ленность духа. Я везде и во всём запаздываю. В своё время не захотел заглянуть в будущее, посмотреть вперёд. А ведь мог бы предвидеть и появление этого офиса. Всё здесь напоминало ссылку. Только ссылку московскую. При царе ссылали в Сибирь, а теперь наоборот – из Сибири в Москву. Я смотрел на нашего экс-лидера, и перед глазами всплывало знаменитое полотно Сурикова «Меншиков сидит со своими детьми в крохотной избушке, занесённой снегами. И стены распирает неостребованная энергия мудрого и блестящего государственного деятеля, сподвижника Петра 1, готового всем пожертвовать ради процветания и могущества России.

Тысячи раз подтверждалась истина, что нет пророков в своём Отечестве. Вернее, они есть. Да только чины, олицетворяющие Отечество, не хотят их признавать. Пророк всегда неудобен.

25.05.2002

P.S. Спустя 9 лет.

В 2011 году в Москве вышла книга «Власть в тротиловом эквиваленте. Наследие царя Бориса». Автором является экс-министр печати и информации, зампред правительства РФ Михаил Полторанин, с которым я познакомился в конце восьмидесятых годов. В этой книге я нашёл строки о Валерии Андреевиче. Цитирую:

«Через несколько часов после своей победы Ельцин позвал меня и попросил назвать кандидатуру на пост его первого заместителя. Он плохо знал российских депутатов. Я предложил председателя Ханты-Мансийского окружного Совета Валерия Чурилова – выпускника МВТУ имени Баумана, кандидата технических наук. Человека с широким кругозором и стойких демократических взглядов. Мы с ним проехали по многим нефтепромыслам, и я отметил про себя, что это настоящий хозяин своей земли, которого рабочие глубоко уважали.

Вскоре Борис Николаевич позвал меня ещё раз и сказал, что кандидатура Чурилова не прошла (у кого она «не прошла» – осталась загадкой) и что ему «навязали какого-то» Руслана Хасбулатова. Он его совсем не знал. И я тоже не знал. Жаль, конечно, что Чурилова бортанули – был

бы очень сильным, порядочным работником» (конец цитаты, стр. 134).

Возможно, если бы прошла кандидатура Чурилова, в девяностые страну не кромсали, не резали по живому...

2011 год

НЕИСТОВАЯ ГАЕР

В первый раз я увидел её на I Съезде народных депутатов СССР, в марте 1989 года.

Бурный, неистовый март.

Пламенели знамёна.

Пламенели и горели страсти.

Перестройка. Реформы. Горбачёв.

Съезд неистовствует. Всё можно понять. Представители многомиллионного Союза впервые заговорили в полный голос. О самом главном, о самом наиболее болезненном, о самом сокровенном.

На трибуне хрупкая черноволосая депутат от Дальнего Востока.

Это Евдокия Гаер.

Председательствующий на Съезде Горбачёв останавливает её:

– Евдокия Александровна, вы уже перебрали регламент!

Она поворачивает пышущее живым огнём лицо к председательствующему Горбачёву и гремит на весь зал:

– Михаил Сергеевич, коренные малочисленные народы Севера продолжают вымирать! А вы мне два слова не можете дать!

Горбачёв смотрит в зал. Мол, как решит зал. По залу глухим и мощным валом прокатилась тихоокеанская волна с отдельными яркими всплесками: «Дать слово!» «Пусть говорит!» «Дать слово Гаер!»

И снова зазвенел в зале звонкий голос Евдокии Александровны Гаер.

Зал, кажется, внимал каждому её слову. Ведь сейчас её устами заговорили 26 коренных малочисленных народов, живущих в самых экстремальных условиях жизни Арктики и Субарктики, Сибири и Дальнего Востока. Условия жизни экстремальные, где всё на грани жизни и смерти, а оттуда страна извлекает миллиардные прибыли на всевозможные, порою, на антинародные проекты.

А зал I Съезда народных депутатов СССР был особенным. Здесь собрался весь цвет тогдашнего СССР. Это был последний Парламент Союза Советских Социалистических Республик. Здесь си-

дели известные писатели Залыгин, Белов, Распутин, Айтматов, академики Кудрявцев, Велихов, Сахаров, Яблоков, известные герои Отечественной войны Кожедуб, Маресьев, Язов, военачальники следующего поколения Громов, Семёнов, Родионов, многие известные художники, актёры, общественно-политические деятели, учёные, космонавты. Многие из них уже успели подружиться с энергичной и неистовой Евдокией Гаер. Возможно, поэтому они так близко к сердцу принимали то, что она говорила с высокой трибуны Дворца съездов СССР в Кремле.

А закончила Гаер на высоко звенящей ноте:

– Коренные народы Севера надо немедленно спасать!..

В зале стало тихо.

Горбачёв, выдержав паузу, пошептался с кем-то в Президиуме, потом обвёл взглядом зал и сказал примерно следующее:

– Спасибо, Евдокия Александровна! Вы подняли очень серьёзную проблему. Давайте в резолюциях Съезда запишем следующее: «Правительству СССР, Правительству РСФСР, с участием Верховного Совета СССР, ЦК КПСС и всех заинтересованных министерств и ведомств разработать Программу социально-экономического развития коренных малочисленных народов Севера». И впредь их будем называть малыми, а «малочисленными народами». Поскольку они малы только числом, а не материальной и духовной культурой. Мы все знаем: малочисленные народы велики своим вкладом в сокровищницу мировой цивилизации. Это бесспорная истина.

Раздались аплодисменты.

И Евдокия Гаер уже спускалась в зал под овации своих коллег по 1 Съезду народных депутатов СССР.

Таким мне запомнилось первое выступление Евдокии Гаер в Москве.

С тех самых пор, мне кажется, не угасает искренний интерес российской и мировой общественности к самобытной и древней культуре наших коренных народов Севера – в том числе ханты и манси – к вопросам сохранения территорий их традиционного проживания и традиционного образа жизни и, наконец, к их проблемам физического выживания.

8 октября 2003 года

ПОЭТ В РОССИИ – БОЛЬШЕ, ЧЕМ ПОЭТ

Страна провожает в вечность Евгения Евтушенко, самого знаменитого поэта и человека в России и в мире. Провожает в вечность.

В последний раз я встречался с ним в 1991 году, в Кремле, на Съезде народных депутатов СССР. Ранее он подписал наше Обращение к Президенту о признании правового статуса коренных малочисленных народов Севера. Это положило начало созданию правового пространства для наших северян. Забегая вперёд, скажу, что после этого состоялся Первый съезд коренных народов Севера с участием Президента СССР Михаила Горбачёва и премьера Николая Рыжкова, позднее мы получили статьи 69 и 72 в Конституции России и первые федеральные законы в нашу поддержку, а затем региональные именные законы по правам коренных народов. Помнится, в одном из перерывов в заседании Съезда, в бурном водовороте перестроенных лет Евгений Александрович на мгновение остановился, поставил свою подпись, с сомнением посмотрел на неё, сказал: «Не знаю, поможет ли?..». Но через мгновение вернул мне ручку, ободряюще улыбнулся, добавил: «Удачи!». И растворился в облаке среди других великих и именитых во Дворце Съездов,

ГАБО И МЕЧЕ

собранных со всего Советского Союза. В отличие от некоторых, он не витал в небесах а ходил по земле, был внимателен к человеку, к малым народам с их житейскими заботами, к людям земли с их печальми...

Сейчас, при упоминании его имени, мне сразу же вспоминаются строки из его стихов и песен, его поэмы, его проза. «Хотят ли русские войны», «Вальс о вальсе», «Братская ГЭС», «Ягодные места». За Уралом, на Севере, в Сибири его считают своим. Его имя ассоциируется с белизной и чистотой. Бывая на своей уральской бескрайней и суровой родине, он всегда заезжал к не менее популярному русскому писателю Валентину Распутину в Иркутск.

Вспомнился вечер, когда я впервые увидел его, будучи студентом Литинститута. Было это в Москве, в Театре Маяковского, на улице Герцена, в перерыве между двумя актами спектакля. В светло-сером костюме, с распахнутыми лапами пиджака, в ярко-красном галстуке, с чёрным блестящим ремнём, он, покуривая, сосредоточенно, пружинисто вышагивал по тамбуру парадного подъезда. Он был погружён в себя. Точнее, в мир поэзии. После, где бы я ни встречал его, он всегда был сосредоточенным. Закончив разговор, или фразу, он сразу же уходил в себя.

В пору белых ночей, летом 2007 года он побывал в нашем округе, в Ханты-Мансийске. В Центре одарённых детей Севера встречался с читателями, с жителями нашей столицы. Очень сожалею, что я был в отъезде и поэтому пропустил эту встречу. Тогда казалось, что впереди ещё будет много встреч. Всё впереди.

Всем известна крылатая фраза Евгения Евтушенко: «Поэт в России – больше, чем поэт». Сегодня каждый россиянин, каждый почитатель его таланта может перефразировать его слова: Евтушенко в России – больше, чем поэт. Это эпоха социальной справедливости и социального равенства, эпоха ратных побед и трудовых достижений. Это эпоха с нашими радостями, горестями, с нашей любовью к Отечеству, своему ближнему, к себе. Евтушенко уходит. И вместе с ним уходят вера в Справедливость, в Равенство, в Братство...

Евтушенко – это Эпоха, провожаемая нами в вечность.

Апрель, 2-ой день, 2017

18 апреля. Утро. Печальная весть. Ушёл из жизни Габриэль Гарсиа Маркес. Жаль. Магический реализм. На 88-ом году жизни.

А за окном солнце. Весна.

Ушёл из жизни один из величайших жителей земли.

У каждого человека свои приоритеты на земле. Я когда-то считал на нашей планете трёх человек величайшими писателями: Габриэля Гарсиа Маркеса, Александра Солженицына и Валентина Распутина. Двоих уже нет, остался один лишь наш земляк Распутин.

Когда я ходил в Мексику с писателем и профессором дядюшкой Джо, Габо, как называли его близкие друзья, здоровствовал. Но мой спутник сказал: «Он очень болен, его не будем тревожить». У него была странная болезнь: он никого не узнавал, кроме своей супруги Мерседес. Впрочем, о Мерседес Барча ходили легенды. Она 13 лет ждала дня свадьбы. Потом быстро научилась жить в бедности. В Соединённых Штатах она спасла двоих сыновей и мужа, организовав побег от бешеных антикоммунистов и ку-клукс-клановцев.

Возникает вопрос: кому мы больше благодарны рождению «Ста лет одиночества», «Осени Патриарха», «Полковнику никто не пишет»: Габо или Мече, то есть Мерседес? Наверное, в равной степени: и автору, и его женственной и в то же время не по-женски мужественной подруге. Мерседес, заслужившей высочайшего памятника и высочайшей человеческой памяти!

Воистину, эти великие произведения вырублены двумя авторами в великих трудах и муках.

13 мая 2014.

ЗДРАВСТВУЙ, ФРАНСУАЗА!

Впервые я познакомился с ней в Москве, будучи ещё студентом Литинститута. Вышла её первая книга на русском языке. «Здравствуй, грусть», которая принесла ей бешеную популярность не только во Франции и в Советском Союзе, но, пожалуй, во всём читающем мире. Помню, писательская братия была весьма озадачена, а критики просто шокированы. Глубиной проникновения автора во внутренний мир своих героев. Говори-

ли, что это написала семнадцатилетняя девушка. Многим не верилось. Много о ней писали, спорили. Конечно, талант есть талант. Но может ли столь юная писательница сотворить такое?! Даже имея недюжинный талант. Чтобы написать подобное, нужно иметь совсем, вроде бы незначительное приложение: большой жизненный опыт. Словом, одни были озадачены, другие удивлены, третьи слегка шокированы.

Потом был её второй роман, «Немного солнца в холодной воде». Тут даже само название завораживало. Солнце. Но совсем немного. Вода. Но холодная. Название от Поля Элюара. А у него была муза, русская Галя Дьяконова, впоследствии ставшая пожизненной музой под именем Гала у Сальвадора Дали. Ниточка тянулась из России. Что-то наше, родное, близкое. И это название из поэтической строки «Немного солнца в холодной воде». Интриговало. Что бы это значило? Чтобы узнать, нужно непременно прочитать.

Затем вышли другие её романы. И каждый приносил ей неизменный успех и вызывал у читателей непреходящий интерес. Тема у неё одна – любовь. «Смутная улыбка». Эпиграф к этому роману из Роже Вайана, может быть, в какой-то степени можно отнести ко всем её произведениям: «Любовь – это то, что происходит между двумя людьми, которые любят друг друга».

После, когда я впервые приехал в Париж, она ещё здорововала. Я хотел с ней увидеться, но не получилось, не удалось: как потом выяснилось, она была в отъезде, где-то за пределами страны. К тому же меня замотала светлая жизнь, каждодневная и подчас пустая суета сует. Тем более, что проехал через Лион, её малую родину. Мои парижские друзья, славные французы и француженки, говорили мне: «В следующий раз, организуем встречу в твой следующий приезд».

Но в следующий приезд, когда я оказался во Франции, узнал, что она уже ушла из жизни. Закончился её стремительный – она любила быструю езду – многотрудный, бурный и довольно тяжкий путь по нашей грешной земле. Талант – это всегда тяжкая ноша. И чем он больше – тем тяжелее. Теперь наша встреча невозможна в этом, в среднем мире.

Подумал: всё, что она не успела сказать, она унесла с собой в мир иной. И теперь мы уже никогда не узнаем, что она не успела сказать и какую тайну своего таланта навсегда унесла с собой в мир вечного покоя.

Время летит незаметно. Со дня её ухода прошло уже 10 лет. Прощай, наша современница, блистательная Франсуаза Саган, оставившая нам столько замечательных романов.

1 февраля 2014 года

Бухта Варнека. Старик Весак

*«Здесь можно укрыться от льда,
который обычно дрейфует серединой пролива
Югорский Шар и минует бухту...»*

(Лоция Карского моря)

– Варандей и Варнек... И тут «вар», и там – «вар»... Одного корня, что ли?

Механик наш, Коля Катеринин, – начитанный малый, увлекался топонимикой и теперь смотрел на меня вопросительно. В его представлении я был сведущим во всех местных наименованиях. Происхождение этих двух названий мне и в самом деле было известно – ничего между ними общего... В Варандее заложено ненецкое слово «вар» – край земли, берег, крайний, береговой. А бухту на юге Вайгача в честь Александра Ивановича Варнека назвал его ученик – Георгий Седов. Было это, когда генерал-лейтенант по адмиралтейству Варнек уже отошёл от прямых первопроходческих дел и работал в Петербурге.

... Мы возвращались с промеров близ Варандея, шли проливом Югорский Шар и решили отстояться напротив поселения, с тем же названием, что и бухта, – Варнек.

– Держи чуть левее створа, – сказал рулевому капитан. Тот отрепетовал и взял левее. На руле стоял стажёр, и для него Владимир Александрович, наш капитан, частенько пояснял свои команды:

– Место по лоции рекомендованное, но лет пятнадцать понтон здесь геологи утопили... Станем левее – там глубже, к тому же ил, камешек – якорь надёжнее держит...

Боцман Петров – крепкий осанистый моряк, вытащил из-за отворота робы брезентовые рукавицы и поспешил на бак, к брашпилю.

1.

С берега пообещали мотобот, и мы его ждали, собравшись в рубке. Вахтенный штурман разложил на столе карты пролива с подходами к нему, собирался внести корректуру. Мы с капитаном этим воспользовались. Только вчера был у нас разговор о зонах Ближней Арктики с аномально высокой аварийностью. У пролива Югорский Шар тоже такая репутация.

– Вот здесь, вероятнее всего, и лёг этот самый «Киник», – сказал Владимир Александрович. Стерженьёк его карандаша оставил тоненькую метку на карте Вайгача, у мыса Белый.

Капитан наш, большой аккуратист во всяком деле, отчего-то не любил форменную одежду, предпочитал свободные свитера крупной вязки. В них он, коренастый, широкоплечий, с усталыми глазами и рыжей бородой на смугловатом лице, более походил на геолога или же геодезиста. Когда же склонялся над картой, впечатление усиливалось. И сейчас он выглядел, как полевой изыскатель...

Эстонский пароход «Киник», в другой транскрипции – «Кенник», осенью 1933-го шёл с грузом енисейского леса в Европу. Одни говорили, вёз его десять тысяч тонн, другие – три тысячи, и оказался на камнях у Белого мыса. Опять-таки, кто-то говорил, из-за штурманского просчёта, но в большинстве отчего-то склонялись к тому, что капитан умышленно, по сговору с владельцем парохода засадил этого «Киника», чтобы выгадать на страховке.

Владимиру Александровичу о той аварии рассказывал его дед – соломбаец, до войны ходивший здесь на деревянных парусно-моторных ботах. Я же о «Кини-

Бухта Варнека. Рейдовая выгрузка с парохода «Глеб Бокий», начало 30-х.

ке» вычитал в дневниковых записях покойного архангельского гидрографа Копытова...

Сначала пароход попытались сдёрнуть с камней общими усилиями. Подошёл ледокол «Ленин», буксир «Спасательный-2» и даже грузопассажирский пароход «Вологда». Ничего у них не вышло.

Говорили, что сразу после аварии экипаж эстонского судна был снят нашим «Александром Сибиряковым» и доставлен в Архангельск. У Копытова, к слову, по этому поводу я нашёл пространную ремарку: «Сомнительно, что экипаж принял «Сибиряков». К октябрю 1932 года пароход со Шмидтом и Ворониным пробился на восток по Севморпути, чудом прошёл, потом ремонтировался в Йокогаме до 1 января 1933-го, возвращался в Белое море уже южным околным путём. Мог ли быть осенью 1933-го у Югорского Шара?».

На Белом мысе Вайгача была так называемая «командировка» Вайгачского лагеря ОГПУ – отдельное поселение. Там раскинули умом, и когда прознали, что эстонцы не претендуют на судно и груз, решили пароход «разобрать»: экспортный лес из трюмов и с палубы, 280 тонн угля из ям, паровую машину и корабельное оборудование, какое могло бы пригодиться.

Была уже зима, когда из Варнека на Белый мыс прислали рабочую силу. Аммоналом пробивали подходы к вмёрзшему в лёд судну и взялись за лес, довольно скоро освободили от него палубу и трюмы. Потом началась эпопея с оборудованием и механизмами. Среди заключённых оказались классные спецы.

За десять дней с помощью домкратов они извлекли из чрева судна на палубу 10-тонный паровой котёл диаметром 3 метра. Потом обнаружили в дебрях машинного отделения новейший токарный станок, закреплённый на станине анкерными болтами, но под четырёхметровой толщиной воды. Тогда к обнаруженному на пароходе прорезиненному скафандру смастерили... водолазный шлем. Использовали для этого части... вентиляционной трубы и каютного иллюминатора...

– Если эстонцы и впрямь вознамерились днище пароходу вспороть, то это не самое лучшее место для спектакля со страховкой... – заметил Владимир Александрович. – «Киника» отсюда могли бы и снять, и что тогда? В проливе много мест, где камни острее клыков. У Дровяного мыса или Складчатого, например, – там полная засада, с гарантией...

Мотобот всё не шёл. Мы перекладывали очередную карту, когда в рубке появился электромеханик Сергей Сергеевич – долговязый, седой мужчина с жестковатым взглядом, строгих правил моряк, скупой на слова, но большой охотник вспоминать дела минувших дней. Он сразу понял, о чём речь, и вставил в разговор:

– Историю со «Щорсом» знаете?

История со «Щорсом» была мне знакома – прочёл о ней в монографии Бориса Александровича Вайнера, историка торгового флота: 14 октября 1942 года на выходе из пролива (69.36 N и 60.00 E) мурманский пароход «Щорс» подорвался на mine, выставленной немецкой подлодкой U-592. К счастью, никто не

погиб. Моряки спустили шлюпки и добрались до берега. В трюмах они везли груз экспортного леса и пушнины. На лес махнули рукой, а для подъёма пушнины специально отрядили водолазов – товар считался ценным, им расплачивались за поставки ленд-лиза.

– «Щорс» неглубоко сел, – пояснил Сергей Сергеевич. – Дядька мой матросил на «Селенге», они в ту осень Юшар последними проскочили, уже в ледостав, за «Красиным» и «Литке». Так он видел, как мачты «Щорса» из-под воды торчали...

Там же, в монографии Вайнера, и про спасательный буксир «Шквал» написано: 25 августа 1943 года сгинул почти мгновенно, в точке 69.43 N и 60.33 E. Погибло 46 человек, спасли только пятерых. Буксир возвращался из Обской губы после проводки каравана речных судов и подорвался на донной мине немецкой подлодки U-625.

Уже в семидесятых лесовоз Северного пароходства нарекли «Владимиром Тимофеевым», в память о Владимире Сергеевиче, капитане «Шквала», он в числе погибших....

– Остров Соколий, – Владимир Александрович сделал карандашом ещё одну аккуратную метку. – По осени сорок девятого тут Мстислав Евгеньевич Шадрин свою «Ламу» не уберёт...

– Знали капитана Шадрина? – спросил я.

– Да как сказать? Мстислав Евгеньевич тогда уже известным морячиной был. Дом наш на той же улице, почти по соседству. Он нас, сопливых мальчишек, леденцами угощал, монпансье...

Капитан замолчал, будто осёкся, мо-

жет, и вспоминалось ему что, а, может, просто на миг отвлекся, перевёл взгляд на другую карту и продолжил:

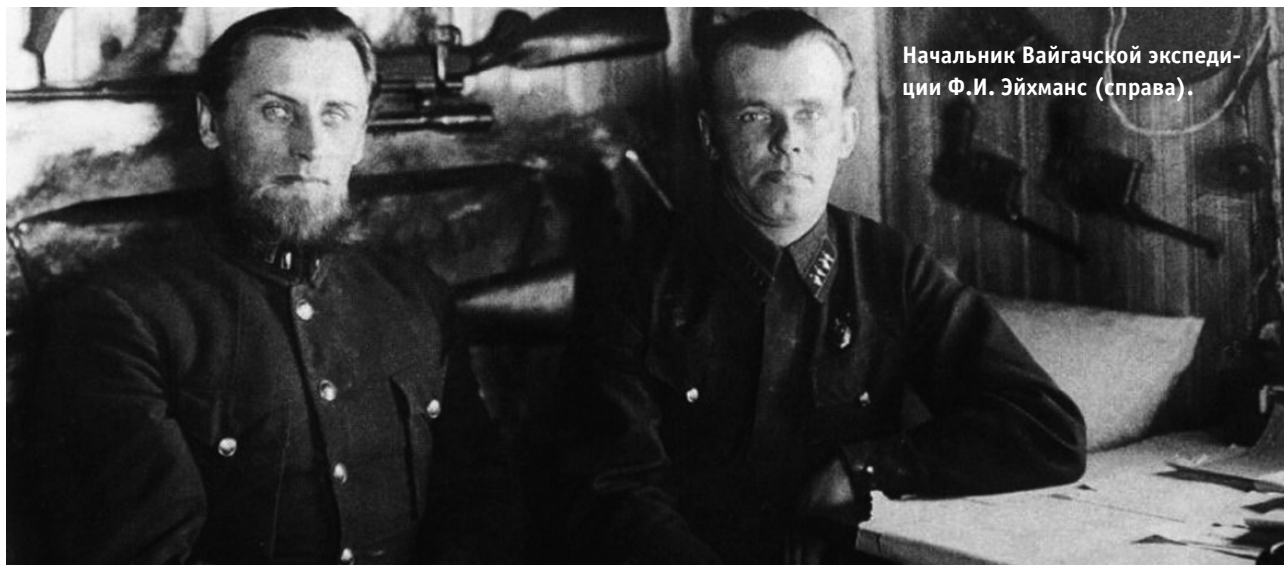
– Железа корабельного в проливе – «Вторчермету» пятилетку работать! Помню, недалеко от Хабарово греческий лесовоз на отмель вынесло. Здоровенный пароход! Я тогда уже практикантом мореходки числился, мы проливом в Дудинку шли, когда грека того сразу тремя буксирами сдёргивали. Да без толку! Солидный лесовоз, с десятков тысяч тонн – так и пропал. Правда, груза на нём не было, в балласте шёл...

– У этого Хабарово на осушках ещё и мотоботов с колхозным добром сгнила тьма-тьмушная, – добавил неместного по адресу становища Сергей Сергеевич. – А баржи, понтоны, которых тащили и не дотащили, с грузом и без, этих никто и не считал. Особенно вояки...

– Когда наша оборона деньги считала? – согласился Владимир Александрович.

Нас держал якорь в бухте Варнека – всего в нескольких милях, по ту и эту сторону Югорского Шара значились места с дурной славой и упреждениями для штурманов – коварные камни и скалы... Да и на карте самой бухты значок затонувшего судна – от мыса Дьяконова к SW в 1,2 мили. Мы потом в бинокль разглядывали это обвехованное место.

Всякий раз, когда вижу места былых корабельных катастроф, даже если следы их уже давно размыты, мне приходит мысль о том, что кораблям, как и людям, – каждому дано прожить свою жизнь. И о том, что у них, кораблей, как и у нас, людей, есть нечто скрытое, непонятное, но предопределяющее их судьбу. Иначе откуда столько легенд, поверий?! При-

Начальник Вайгачской экспедиции Ф.И. Эйхманс (справа).

чём одними простыми совпадениями корень их сюжета не объяснить. Почему одним кораблям уготован долгий, хотя и тяжёлый, полный опасностей, но славный путь, а другие по невразумительному несчастью, злему року или умыслу попадают в беду, гибнут – тонут, сгорают, прочно садятся на камни? На Севере от большинства таких несчастных вскоре ничего и не остаётся...

Течения в Югорском Шаре очень ощутимы. Лоция говорит, что в узкой части пролива при полной воде они достигают 2,8 узла, а скорость ветровых течений при южных ветрах, бывает, превышает скорость приливных. Такие напоры волн, штормовые их удары, а главное – лёд – быстро раскатывают на камнях стальные корпуса тех, кому не повезло.

Нет надгробий у кораблей, что погибли в Югорском Шаре. Все их могилы под водой. Отметки глубин, где море взяло их, как свою дань – 17, 9, 2 и даже 0,4 метра – у материкового берега, ещё 14, 19, 8, 10 – у вайгачского...

Потрескивая, ожил репродуктор, и с берега, наконец, крикнули – вышел мотобот.

– Югорский Шар – чёртово место, – заключил Владимир Александрович.

2.

До того дня Вайгач я видел лишь с моря. Хмурая суша. Лишь раз прошли мы его южным проливом в яркий разгар августа. Но ложились на створы ходко, и разглядывать сам остров некогда было. Остались в памяти лишь плавные зелёные холмы, стекающие к прибрежной черни скал да в паре мест полуразрушенные домики промысловых становищ. С материковой стороны вид намного разнообразнее – постройки Хабарово, устья Ою и Чёрной, две полярные станции...

Чаще мы ходили Карскими воротами, и Вайгач я больше видел оттуда, с северных фарватеров. Сумрачный он, нелюдимый, а с моря, ближе к его берегам всегда небольшие, уже подточенные теплом айсберги. Бродили они, будто сторожевые псы вокруг спящего хозяина. Случалось, выпадали ясные дни, но и тогда, похоже, солнце Вайгач не радовало. Смотрел я на его угрюмые очертания и не верил легендам о некогда процветавшей Гиперборее, мол, Вайгач – это последний осколок из её космоса! Обычный ледовый остров на подступах Арктики.

Александр Иванович Варнек, родил-

ся в 1858-м, по просьбе отца – известного архитектора Ивана Александровича Варнека – зачислен в Морской корпус с любопытной оговоркой – «если сын не выкажет рвения к учёбе, то уйдёт сам». Опасения отца оказались напрасными, дальше в биографии его сына были фрегат «Князь Пожарский», Николаевская Морская академия, кругосветка на клипере «Опричник», служба на фрегате «Минин» и в Главном морском штабе, переход на канонерке «Гремящий» из Владивостока в Петербург. В 1889 году Александр Иванович стал заместителем Андрея Ипполитовича Вилькицкого – главного русского гидрографа конца XIX века, работал с ним в составе Главной экспедиции Северного Ледовитого океана. Позднее командовал учебным крейсером «Вестник», инспектировал, а потом и возглавлял Александровский лицей, был членом Морской академии и Учёного совета по гидрографии, и не терял своей связи с Арктикой даже после выхода в отставку, когда работал в Северном пароходном обществе и в центральном управлении Морского министерства. После Октябрьской революции А.И. Варнек эмигрировал, в последние годы тяжело болел, полностью ослеп, умер в 1930-м. Похоронен на парижском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа...

В этот же год, летом, в бухте, наречённой его именем, высадилась Вайгачская экспедиция ОГПУ. С нею связано много таинственного. Начнём с того, что документы об её формировании не найдены, и потому просто указывают – «организована не позднее 13 июля 1930 года», то есть, по дате назначения первого начальника – Ф.И. Эйхманса.

Между прочим, этот Эйхманс был первым комендантом Соловецкого лагеря особого назначения, и сам организовал экспедицию на Вайгач. Рабочую силу, из заключённых, оттуда же – с Соловков, привезли в трюмах пароходы «Глеб Боккий» и «Метель».

Опять же, из документов: экспедиция сначала подчинялась Управлению Северных лагерей ОГПУ особого назначения, затем ГУЛАГ ОГПУ и последнее время (изыск аббревиатуры тех времён) – ОЛТРИМЗ УНКВД Северного края. А до этого, в августе 1934-го её реорганизовали в Вайгачский отдельный лагерный пункт. Вплоть до расформирования в 1936-м он «обслуживал работы ГУСМП на острове Вайгач и побережье Карского моря на контрагентских началах»...

Что тут скажешь? Эта часть летописи Вайгача отдаёт мрачноватым оттенком.

Истинную задачу экспедиции, говорят, до поры до времени скрывали даже от заместителей Эйхманса. Её раскрыли позже – разработка месторождения полиметаллов. Но и тогда всего не говорили – образцы добытой руды для изучения отправляли в лаборатории на Большой земле либо пароходом, шедшим в Архангельск, либо самолётом – из тех лёгких фанерных бипланов, что прокладывали первые авиалинии в небе Заполярья.

Ещё рудознатцы Ивана IV тщились отыскать на Новой Земле и Вайгаче «самородное серебро», и все они погибли на пути к открытию. В 1757-м Афанасий Юшков, пошедший опять-таки за серебром, обнаружил на островах признаки свинца, который «выжимался на поверхность как некоторая накипь». Первые образцы свинцово-цинковой руды Вайгача в 1778 году якобы доставил в имперскую Берг-коллегию сам губернатор Егор Андреевич Головцын...

В 1921-м месторождение полиметаллов обнаружила на Вайгаче экспедиция Н.А. Киселёва. Ещё через четыре года другая экспедиция, уже от Академии наук СССР, снова взяла пробы и удостоверилась – на острове есть медь, свинец и цинк. На севере, в районе Бухты Долгой – залежи меди. Оказались такие и на полуострове Дыроватом. А близ озера Пайгото нашли цинковую жилу. Всего на карту Вайгача легли 620 рудных точек. Однако организовать добычу в относительно значимых

объёмах удалось только в одном месте – на мысе Раздельный. Пробы здесь показали содержание в руде 20 процентов свинца и цинка...

В первый год на острове зимовало 132 человека, из них – 125 осуждённых! Мне это сразу же показалось странным: что ж получается, всего семь свободных человек на фактически необитаемом острове держали в узде 125 заключённых?

Прочёл у Константина Петровича Гурского, одного из узников Вайгача: в экспедиции числилось более всего осуждённых по 58-й статье. Были и уголовники, но с «политическими» они не конфликтовали. Якобы преступные авторитеты, которые отбывали срок здесь же, на Вайгаче, ещё перед отправкой на остров дали тюремному начальству «честное воровское слово» строго следить за порядком в заполярной колонии.

У того же Гурского: заключённые на острове пользовались по тем временам небывалыми льготами. Работа засчитывалась им как год за два, правда, при выполнении определённых условий. Кормили хорошо, в рационе всегда – картофель, лук, морковь и даже клюквенный экстракт против цинги. Хорошо одевали и обували, выдавали добротное постельное бельё. В самом посёлке построили двухэтажный клуб с актовым залом, учебными классами и богатой библиотекой, был открыт единый для сотрудников ВОХР, прочих вольнонаёмных, а также и заключённых (!) магазин. Для последних лишь один запрет – им не продавали спиртного.

Поселенцы вайгачской командировки Белый мыс, 1934 год.

В сравнении с рассказами узников сталинских застенков в других местах страны, согласитесь, всё это звучит неправдоподобно. Однако свои воспоминания о Вайгаче 30-х, разные по форме, широте и звучанию, кроме Гурского, оставили и другие известные поселенцы острова: магистр отечественной геологии Павел Владимирович Виттенбург, комбриг РККА Константин Григорьевич Архангельский, известный актёр Вацлав Янович Дворжецкий, один из первых русских авиаторов Иван Александрович Лойко... Все они так или иначе подтверждают сказанное Гурским. С чего бы им не доверять?!

Любопытный документ: письмо заместителя председателя ОГПУ, впоследствии главы НКВД Генриха Григорьевича (Еноха Гершеновича) Ягоды ответственным сотрудникам аппарата ОГПУ:

«Вопрос о лагерях надо перевести на другие установки. Сейчас лагерь является только сборищем заключённых, труд которых мы используем, на сегодняшний день, не давая перспективы заключённому, не давая её и себе. Необходимо в условиях заключения сделать труд более добровольным, дав заключённому возможность жить вне работы более свободно. Надо превратить лагерь в колонизационные посёлки, не дожидаясь окончания срока заключения. Филантропический стимул сокращения срока за хорошее поведение не только никуда не годится, но часто даже вреден. Он (этот стимул) даёт ложное представление об «исправлении» заключённого, лицемерное послушание, нужное буржуазному обществу, а не нам. Весь смысл передачи нам заключённых – это уничтожение тюрем, и ясно, что при той системе, которая у нас сейчас, ликвидация их затянется на долгие годы, так как лагерь как таковой хуже тюремного заключения. Нам надо быстрее темпом колонизировать Север. И вот мой проект: всех заключённых перевести на поселковое поселение до отбытия срока наказания... Женщин тоже селить и разрешать жениться. Надо это проделать сейчас же, немедленно. Тут надо найти людей, которые увлекутся этой идеей и поставят на голову всю тюремную систему, которая прогнила до корней...».

Письмо датировано 12 апреля 1930 года.

Труд рабов на самых тяжёлых участках, а Заполярье, Севморпуть к таковым относились, уже не устраивал – не при-

носил нужной отдачи. Главный тюремщик страны Генрих Ягода понимал это и потому пошёл на известные послабления. Они распространились и на Вайгачскую экспедицию ОГПУ.

В некоторых публикациях встречаются строки о якобы массовой гибели заключённых на острове – от непосильного труда, истощения и болезней. Пишут такое, как правило, не бывшие узники, не их современники, но авторы, которые родились уже... после войны. Нет у них ссылок ни на архивы, ни на иные документы, ни даже на устные воспоминания очевидцев! Так откуда же данные?!

Думается, это как раз тот случай, когда общеизвестные и однозначные оценки репрессий 30-х априори подавили объективность исследователей, и в конкретном случае с Вайгачской экспедицией авторы не пошли за истиной до конца. А она такова: в 1933-м на Вайгаче без какой-либо повальной смертности проживало 1060 человек, а спустя три года, когда лагерь на острове ликвидировали, заключённых эвакуировали на материк, чтобы затем отправить этапами – кого в Воркуту, кого в Ухту, вот там они в подавляющем большинстве и сгинули, и в самом деле – от истощения и болезней.

Как тогда назвать узников Вайгача? Если зэками, иному покажется, вроде как не совсем правильно – ведь не было на острове ни бараков за колючей проволокой, ни сторожевых вышек. Подневольные поселенцы? Колонисты? Может быть. Но при любом раскладе – узники!

Узники потому, что царствовало беззаконие. Изначально и далее. Изначально, когда не по правде обвиняли и судили по статье 58 за «всякое контрреволюционное действие, направленное к свержению, подрыву и ослаблению власти рабоче-крестьянских Советов...», и само понятие «контрреволюционное действие» трактовали по-всякому – кому и как заблагорассудится. И далее беззаконие – невольника, уже отбывающего срок, можно было снова и без оснований обвинить: и в контрреволюционном заговоре, и в попытке побега. Так было и на Вайгаче.

А с острова куда бежать?! Если даже хватит на то сил и духа, зимой, по льду, через пролив? Но на материке в три стороны из четырёх – тундра на тысячу вёрст, до ближайшего обжитого места сотня километров, да и там будет отчаянный беглец никому не нужен.

Пытались ли бежать с Вайгача? По

меньшей мере, известен один случай, описывается он Константином Петровичем Гурским.

Отдельный пункт экспедиции, его называли «командировкой», располагался на Белом мысе, то есть в отдалении от Варнека. Работал там смешанный контингент – из вольнонаёмных и заключённых, были даже какие-то зачатки самоуправления, но не было должного контроля, и смешанный контингент часто устраивал совместные пьянки. Во время одной из них участники повздорились, затеяли бузу, в конце концов, схватились за ружья. Заключённые Ануфриев и Кулемин в стычке убили начальника «командировки» Ф.И. Николаенко, механика М.Г. Ровнякова, воспитателя Н.Н. Ивановского, повара В. Швеца. Конечно, душегубы понимали – терять уже нечего, а потому и решились на побег: погрузили на сани оружие и продовольствие, запрягли лучшую лошадь и махнули по льду пролива на материк. За ними погнались, и они отстреливались, убили ещё и вохровца П.А. Лаппо...

Ивановский и Лаппо числились вольнонаёмными, Николаенко, Ровняков и Швец отбывали на острове срок. Однако вот что отмечаешь, памятуя об известных ужасах ГУЛАГа: поселенцам Белого мыса руководство Вайгачской экспедиции доверяло даже оружие (!), и впоследствии хоронили их, зэков, вместе с вольнонаёмными, да ещё и с почестями (!), какие только возможно организовать в ту пору на острове. Гробы с телами убитых устанавливали помещении местного клуба, в траурный караул заступали по четверо вохровцев, да ещё и под широким транспарантом «Вечная память лучшим ударникам – жертвам контрреволюционного бандитизма»...

Лозунг не был случайным. Завершилось ЧП с побегом... очередным беззаконием. Чтобы скрыть факт своего попустительства и пьянок на Белом мысе, начальство экспедиции на скорую руку оформило уголовное дело по той же 58-й статье: якобы Ануфриев и Кулемин возглавляли тайную контрреволюционную террористическую организацию, но просчитались – поспешили поднять восстание на острове. Убийц было двое, а обвинили и спешно расстреляли четверых – ещё двоих «назначили террористами» – из тех, кто на Белом мысе никогда и не бывал... Неволя!

В ясную устойчивую погоду берег материка хорошо виден с Вайгача, и про-

лив тогда кажется не столь уж широким. Наверняка в такие минуты у заточенцев острова рождалась мысль о побеге. Но они знали – это почти невозможно. И потому наверняка – мечталось им взлететь!

Не дано человеку летать – власть земного пересиливает. Летать могли разве что жители загадочной Гипербореи – той, северной мифической страны. Они почитали небесный свод и возносились к нему невероятной силой своего духа! Об этом писал Плиний Старший.

3.

Затариться свежим хлебом в пекарне капитан отрядил боцмана Петрова, артельщика Малыгина и матроса Савушкина. С разрешения Владимира Александровича я отправился с ними, и с борта мы съехали вчетвером. Мотобот был маленький, сильно побитый и очень неопрятный. Им управлял такой же ненец – маленький, зачуханный и, как мне показалось, с крепкого похмелья.

Восточный берег бухты Варнека местами низкий, местами высокий – однако скалы у Хабарова, пожалуй, посolidнее, а к полосе прибоя – везде камень и галечник. Мы высадились, можно сказать, и ног не замочили, потом метров десять карабкались в гору, а поднялись и оказались на... поселковом кладбище.

– Куда нас сусанин завёз самоед? – беззлобно сказал матрос Савушкин.

Боцман с артельщиком молча переглянулись. «Самоед сусанин» уже отчаился, слышно было, как удалялся ровный стук мотоботного движка.

Сверху бухта смотрелась не столь широкой. Ледоколам в ней и мелко, и тесно. Да и редко ледоколы ходят Юшаром, чаще Карскими воротами. Как и машины-рудовозы Дудинской линии. А вот нашему гидрографу, или наподобие него, для стоянки гавань Варнека в самый раз.

Лиловая полоса противоположного берега почти сливалась с небом – на западе оно тоже сгущалось лиловым. Здесь, на возвышенности, больше чувствовалась озлобленность моря – ветер с воды забирал пронзительней, резче и устремлялся в тундру. Недалеко, в низинке, отблёскивало свинцом продолговатое озерко с неровными краями, а дальше – холмы и кочки, беспорядочные травы и залысины глины тоже уходили и пропадали в сглаженном пространстве тундры с её бесчисленными Талейто, Варкулто, Кре-

стяха, Мараяха, прочими озерками, речками, речушками и ручейками.

В посёлок вела не тропка, а что-то похожее на неё. Мы условились через час встретиться у сельсовета – были уверены, что во всяком посёлке должен быть свой сельсовет или нечто его заменяющее. Ребята пошли искать пекарню, я остался среди невысоких холмиков могил, хаотично расставленных самодельных надгробий и памятников.

Кресты в большинстве были из струганного бруса, а памятники сколочены из досок, и я сразу обратил внимание на тот, что из цемента...

25 октября 1932 года на рейде Варнека разгружался последний в навигацию пароход. Внезапно ударили морозы. Пароход ушёл в море, а в цепенеющей от холода бухте остались три карбаса с грузчиками – они просто вмёрзли в шугу. До берега – метров сто, неокрепший лёд ещё не держал человека, и перебраться на берег грузчики не могли. Вскоре грянула метель! Погибли все – 24 заключённых. Через год на их братской могиле установили памятник.

Он походил на детскую постройку из кубиков. В нижней части имелось подобие сквозной арки, средний ряд уже меньше, верхний – совсем маленький, и венчала всё четырёхгранная пирамидка. Ограждением служили столбики с цепью из небольших звеньев. Столбики покоились, цепь провисла, а кресты, камни, колышки и просто холмики забытых захоронений вокруг не добавляли этой братской могиле ни скорби, ни торжественности.

Обычное кладбище на арктическом острове. Из местных жителей сюда некому и незачем прийти, а те, кто хотел бы

поклониться и помянуть, живут далеко за проливом, даже за морями. Примерно такие же захоронения я видел на Диксоне, а потом и на мысе Косистом у бухты Кожевникова Хатангского залива.

Он явился как призрак – ниоткуда и неслышно. Я уже собирался идти в посёлок, стоял у крайней оградки лицом к морю, обернулся и метрах в двенадцати увидел его – рослого, молодого ненца, в глухой, подпоясанной малице и высоких нерпичьих пимах. Он молча смотрел на меня. В правой руке – хорей, за спиной – упряжка и нарты. Олени трясли, мотали головами, и, будто деревяшки, перестукивались их рога.

А бухта молчала, и даже посвисты ветра, кажется, стихли. Как же он так беззвучно оказался рядом?!

Редко встречал я таких высоких, статных ненцев. Да и сильно смуглое, но чистое лицо его, с косым разрезом живых и тёмных глаз, в иные мгновения казалось мне необычным – без остро выраженных азиатских черт... Длинные смоляные волосы не закрывали лицо, возможно ещё и поэтому оно виделось мне очень открытым.

– Здравствуйте...

Он приветливо кивнул. А я уставился на его пояс, с ножнами, чехлом для точильного камня и небольшим, но ярко расшитым мешочком. Это был необычный пояс. Заметно шире тех, какие раньше доводилось видеть, с узорчатыми бронзовыми, латунными колечками, бляшками и шнурочками. Там же и три крупных клыка, скорее всего, медвежьих. А ещё пара до чистой желтизны начищенных бубенцов... Ну, отчего же я их не услышал?!

– Вы, наверное, из Варнека?

Он снова ничего не сказал, едва заметно улыбнулся.

У его малицы был высокий круглый воротник – такие носят на Канине и Тимане. По самому краю – ярко красная оторочка, у шеи – край цветастой тесьмы от капюшона. Откуда же он здесь?! Август – время тундровых перегонов на юг, и обыкновенно маршруты их лежат окрест Амдермы. В тот миг я совершенно забыл – через пролив нет оленьей переправы...

– На материк? В Амдерму?

Тогда только он ответил, показав рукой на восток:

– Хэхэм Саля. Весако...

Добыча руды. В шахте Вайгачской экспедиции.

Я решительно ничего не понимал, оглянулся и увидел холодно-свинцовую воду, наше одинокое судно на якоре, створ Раздельного, и даже разглядел степенно темневшую далеко на западе линию материка. И бухта всё так же молчала...

Когда ж снова повернулся к незнакомцу – упряжка с ним сорвалась в тундру, рассыпая тусклые перезвоны. Были это те бубенцы, другие колокольчики, или перестукивались какие-то железки лёгкой сбруи, но я их отчётливо слышал. Отчего ж не услышал раньше?!

Удивительно!

Наконец нарты исчезли за дальним холмом. И тут меня осенило: Хэхэм Сала – так ненцы называют главное святилище Бога-прародителя Весако! Оно к востоку от Варнека...

Сколько жилых домов в самом посёлке, точно не скажу. Обычных, серых и неухоженных домов вразброс стояло от силы пятнадцать. Между ними кое-где были настланы полусгнившие мостки, но больше – мокрый песок, серая глина да болотная жижа вперемешку с художочной травкой. То тут, то там бурые от ржавчины пустые бочки из-под ГСМ, в кучах и вразброс – жестяные и стеклянные консервные банки, обрывки бумаги. Около иных домов колыхалось на верёвках бельё, лежали вверх дном лодки-дюральки, на примитивных сушилах висели зеленоватые рыбацкие сети. Но даже дымок из печных труб не вился. Только и бродили по посёлку большие, лохматые, казалось, безразличные ко всему собаки...

Боцман Петров явился мне вдруг, вывернул из-за ближнего угла невзрачной постройки, остановился и молча недоумённо развёл руками...

– Фильм «Сталкер» видел? – спросил я. – Вот, вот – необитаемая зона... Или – Герберт Уэллс «Война миров»... Марсиане прилетали, всех людишек похватили...

Он тоже удивился безлюдью:

– Вообще-то второй круг нарезаю, и ни души! Нет, вру... Встретили женщину – пекарню нам показала. Ребята там остались, я уж с полчаса плутаю, вообще-то...

Мы снова огляделись. Никого! Но ведь кто-то же откликнулся по радио, когда вызывали мотобот?! Боцман хмыкнул и громко бросил в сторону:

– Где вы, братья по разуму? Люди, ау!

Едва произнёс он это своё «ау», как с берега, будто в ответ, донеслась громкая, крепкая брань. Мы переглянулись – не наши ли Малыгин и Савушкин схлестнулись с местными? – свернули и зашагали к воде...

Корпус старого плашкоута более чем наполовину сидел на осушке. Берег держал его растяжками из тросов. Местная пристань – так мы решили. Недалеко от неё на мелководе покачивались на якорях два мотобота, а третий, на котором мы переправлялись, целиком лежал на камнях. Мужчин рядом с ним тоже было трое. Сухощавый, темноглазый, с чёрной шевелюрой и бородкой смахивал на испанского конкистадора, он грубо распекал низенького ненца. В ненце мы узнали «самоеда сусанина». Третий, вероятно механик, – невысокий, круглый дядька, с большой лохматой головой, обильной щетинкой и маленькими блёклыми глазами, спокойно, скорее даже апатично, осматривал мотобот изнутри:

– Серёга! В двух местах зашивать надо...

«Конкистадор» Серёга завёлся с новой силой и нервно зашагал вокруг ненца. На тёмном лице его искрило нечто от инквизитора. «Самоед сусанин» стоял никакой – не ясно, долетают ли до него страшные ругательства.

Боцман Петров сразу сунулся к механику. Тот уже перешёл к движку и открыл подсумок – собирался снять кожух валопровода. Я тоже решил помочь. За этим занятием и выяснили, что случилось...

С вечера ненцы в посёлке ударились в запой. Пили много, всю ночь. К полудню мы стали на рейде и запросили мотобот. Из всех местных растолкать смогли только «самоеда сусанина». Он и переправил нас на берег, потом непонятно зачем покрутил на мотоботе кругалей по бухте и уж возвращался, когда заснул. Так с полного хода и влетел на камни. Борт треснул, винт срезало, точнее – из трёх лопастей на валу теперь уродливо выгибалась одна.

Мы крутили винты и гайки. Серёга ругался. Виновник происшествия слегка и безучастно покачивался на кривоватых ногах, помалкивая.

Мотобот был арендован на время у колхозников в Хабарово. Вернуть долг красным платежом теперь, понятно, не получалось. Оттого и психовал Серёга.

– Валопровод, кажись, цел, – равнодушно сообщил ему механик. – Редук-

тор надо бы ещё посмотреть, послушать на ходу... А винту, сам видишь, капец...

Серёга тут же распалился, с руганью отшагал очередной круг, задиристо подступил к ненцу и почти замахнулся...

– Эй, охолонь! – осёк его боцман Петров. По жизни слыл он добряком, но, если за дело, мог показать и свой крепкий кулак. – Не стоит вообще-то...

Серёга выдохнул и отступил.

– Зуботычина разве поможет? – примиряюще спросил его боцман и сам же ответил. – Не поможет вообще-то... Зачем тогда? Борт можно скрепить, а винт... Главное – вал не погнут, а винт насадить несложно. Есть запасной? Нет? У нас со списанных вельботов имеются. Найдём, вообще-то...

Серёга ему ничего не ответил, отвернулся.

Полноватый механик, разглядывая что-то в движке, раскраснелся и пыхтел. Я поднял голову и внимательно посмотрел на «самоеда сусанина».

Его всё так же покачивало. Широкая, изрядно заляпанная соляркой суконная роба, штаны и резиновые сапоги, испятнанные глиной и морской солью. В них он казался даже чересчур маленьким и худым, на тело – как подросток. Торчком стоял мятый воротник клетчатой рубашки из грубого полотна, и на ней не было двух верхних пуговиц. Нелепая вязаная шапочка с помпоном, нечёсанные чёрные волосы, по-женски округлое, очень неряшливое смуглое лицо, на скулах заветренная кожа, узкие воспалённые глаза с припухшими веками. Он то ли виновато и пьяно улыбался, то ли на самом деле не сознавал, с чего вдруг суетятся рядом стоящие люди и злится начальник по имени Серёга. Невесть о чём он думал...

А я вдруг подумал: до чего ж не похож на того, что встретился мне на окраине Варнека!

Мы с боцманом вернули кожух на место, закрепили его, сложили инструмент и спрыгнули с борта.

– Вчера к нам летуны подсаживались, – неожиданно заговорил Серёга, на нас он не смотрел. – То ли с вахтой на Колгуев, то ли с вояками из Рогачёво... Они ж без водки не летают... А туземцам хлеба не надо – спирт давай! Видать, тогда пойло выклянчили... Или на гольца сменяли...

– Хреново вообще-то, – согласился боцман – Мне говорили, на Вайгаче сухой закон...

– С весны от них водку, вино под замком держим... – Серёга опять заискрился. – Да разве ж за ними уследишь?! Туземный народец...

– Тема закрыта, – мягко осадил его боцман и кивнул на мотобот. – Не совсем же гроб... Ты давай решай с винтом... Мы на берегу ещё пару часов задержимся вообще-то...

На том и разошлись. Серёга с механиком – в посёлок, мы – на мыс Раздельный. Ненец остался...

Мы шли по берегу из ровного твёрдого песка, тёмно-серых полос гальки и камней. Сначала крупный плавник почти не попадался, больше – мелкая щепка вперемешку с высохшими водорослями. Не выходило из головы – «туземный народец»... Понятно, сгоряча, в сердцах Серёга слова бросил, вряд ли хотел оскорбить, а прозвучали уничижительно. И обыденно. Что уж говорить, мы давно смотрим на ненцев свысока...

Самоеды, а по-летописному – самоедь. Так русские, оттолкнувшись от саамского «самэемне» (земля саамов), дважды исказив фонетику, ещё в XVIII веке стали называть все малочисленные народы Севера. И хотя ясно, что повинно определённое созвучие, в слове «самоед» зачастую тоже слышится уничижение. Глеет оно и в самом понятии «малые народы». А у этих народов, между прочим, издревле отсутствовали многие национальные понятия из тех, что веками кроваво раскалывали мир, именующий себя цивилизованным. И слово «ненец» у них означает не национальность, а общее – человек.

Отчего-то миссионеры, пришедшие сюда с юга, были уверены, что именно их образ жизни и мыслей облегчит ненцам бытие, привнесёт в него комфорт. Но доброты забыли спросить у самих «самоедов» – насколько важны эти бытовые удобства. Возможно, они для них и не столь значимы, чтобы считать самым главным, а «цивилизация», пусть даже из самых лучших побуждений, бесцеремонно, со своими представлениями и укладом вторглась в неведомый для нас, но сотворённый для них Создателем мир. И лишь разрушила его!

Всего два века назад ненцы, охотники и кочевники, жили в первобытье только тем, что могли взять у природы. Стены своих жилищ они покрывали шкурами и берестой, обогревались костром, одежду тачали оленьими сухожилиями, не

Павел Владимирович Виттенбург. Вайгач, 1933 год.

знали простых лекарств, обычного мыла, да и много чего другого у них не было. Когда с юга дотянулась «цивилизация», пушнину и шкуры, мясо и рыбу ненцы меняли у заезжих купцов на металлы: домашнюю утварь, украшения, промысловое снаряжение. Лишь во второй половине XIX века у них появились кремниевые и пистонные ружья, железные капканы. До этого охотились луком со стрелами, в ход шли костяные ножи, морского зверя били гарпунами с наконечником из точёного камня. И позднее охотничий винчестер для добытчика ценился вполовину всего хозяйства, а в схватке со зверем, а то и с обозлённой природой уповать приходилось лишь на крепкую сталь ножа. До прихода русских у ненцев не было своей письменности. Теперь и она есть, и в основе её наша кириллица...

Так что ж с того, если с благами и достижениями привиты и пороки?! Пьянство, например. Наше, российское, стало особенно губительным, злейшим ядом для генетического кода «малых народов Севера», ведь они беззащитны перед ним. Об этом не любят говорить, но так оно и есть. Явление даже научно объяснили – «отсутствие в организме монголоидов дегидрогеназы – фермента, расщепляющего алкоголь»...

Никто не знает, зачем Создатель прогнал их предков на край света, в вечные мерзлоту и холода. За какие грехи? И почему обратно, к теплу, к прежней жизни они не потянулись, остались здесь? Их древние праотцы уверяли: нет такой земли, на которой нельзя было бы жить! И жили из века в век – там, где не смог бы жить ни один другой народ! Какой силой, мужеством и терпением нужно обладать, чтобы уцелеть на этих нескончаемых ветрах?! И чтобы

душа не заледенела в беспросветной ночи?!

Мы шли и шли берегом, то по вязкой глине, то по россыпям камней, теперь уже кое-где переступали через крупные стволы выбеленного плавника. И скупой тундровый берег, обделённый теплом с неба, и само море, неясное и безучастное, и крики птиц, которых что-то крепко держало в этих местах, наполнились отзвуками некой тайны.

Снова вспомнился облик странного незнакомца, его неожиданное явление и его неведомый путь, и слова его – «Хэхэм Саля. Весако»... И я всё размышлял об этом. А потом вдруг перестал об этом думать...

Артельщика Малыгина и матроса Савушкина мы встретили не у сельсовета, а у большого, но изрядно обветшалого дома, точнее – у его развалин. Этот дом давно уже не помнил тёплых запахов жилья, забыл людские голоса, скрипы дверей, ступеней и половиц, окна его, какие не заколотили досками, зияли обречённой пустотой.

Всегда жаль старых, заброшенных зданий. Мне они напоминают стариков, которых оставили нерадивые дети, и даже внуки, с которыми они, старики, бережно нянчились, о них позабыли.

– Бывший клуб, – пояснил Савушкин, он уже кого-то расспросил о доме.

Клуб в посёлке построили в лагерные времена. Говорят, из бесхозного плавника, выброшенного морем на вайгачский берег. А может, даже из того енисейского леса, что извлекли из трюмов застывшего во льдах эстонского парохода «Киник».

Заключённый Вацлав Янович Дворжецкий руководил самодеятельным театром в клубе Вайгачского лагерного пункта. Потомок польских дворян, недоучившийся кадет, с девятнадцати лет прошёл он ГУЛАГ, в два круга – общий срок четырнадцать годков. Котлас, Пинега, Тулома, Соловки, Медвежьегорск. И в этом списке Вайгач тоже был. Из ада свинцового рудника, из мира лжи, грязи и произвола он уходил в свой сокровенный мир театра, пусть даже убогого лагерного масштаба.

В Варнеке, говорят, он поставил «Ревизора», «На дне», «Дядю Ваню», мечтал о постановке «Принцессы Грё-

зы» Эдмона Ростана, и читал в бараке униженным и озлобленным людям:

«Давно уж я знаком с её улыбкой.
В моей душе давно она живёт!
А милый голос утоляет жажду,
Как в летний зной студёная струя.
Смотрю в глаза и больше уж не стражду,
Смотрю в глаза ей и тону в ней я».

Их судьбы были безжалостно растерзаны. Но они оставались людьми даже здесь, среди недоброго острова, на студёных ветрах, под неприветливым небом. Остыть, не окаменеть их сердцам не дала Любовь!

Поднявшись из подземелий к свету Божьему, они наверняка видели и другой Вайгач. Они не могли не радоваться полуденному июньскому солнцу, не восхищаться сверкающими льдами, размаху и фантазиям северных сияний, души их теплели по весне с прилётом бесчисленных птиц и тосковали, когда по осени те свободно устремлялись на юг...

Человеку дано любить такой мир и в неволе!

Диодор Сицилийский: «Гиперборейцы – люди светлые, сияющие и прекрасные. Они жили без отягощений кармы и относились к неизбежным определениям судьбы с разумной терпеливостью»....

Театралы подсчитали: на сцене Народный артист РСФСР Вацлав Дворжецкий сыграл сто двадцать две роли. В кино он пришёл поздно, уже в 50-х, но снялся в более чем шестидесяти картинах. Мне запомнился его аббат Шелан в «Красном и чёрном» и Пастор в «Письмах мёртвого человека»...

Пишут, его девизом по жизни было: «Человек всё может – надо работать!». Он и трудился до своего последнего смертного часа.

Я смотрел на руины старого, обветшалого клуба. Само собой он был обречён и незащищён под недобрым арктическим небом. Но, как мог, стоял!

Шторма и метели давно уже выбелили его брёвна и доски, и местами они отсвечивали сединой. Умей стены говорить, сколь много рассказали бы?

И я спросил, с сожалением:

– Куда его теперь, как думаешь?

– На дрова, – уверенно ответил матрос Савушкин. – Куда же ещё?!

На борт мы вернулись ближе к вече-

ру на пригодном к ходу экспедиторском мотоботе. Правил им Серёга. Недалей от дороги до судна он молчал.

Теперь уже беспокойный отлив ворочал нас на якоре в бухте Варнека. Узкая полоса её западного берега вдавалась в Югорский Шар и заканчивалась мысом Раздельный. Невысокие и плавные холмы тундры, глинистых слоёв и песчаника открывались взору, если глядеть с воды...

Были мы с боцманом Петровым на мысе Раздельном, протопали к нему километра полтора – к заброшенному руднику. Так же, как делали это вайгачские заключённые: они тоже ходили берегом, если в бухте штормило, и пересечь её на карбасе опасались. Зимой добирались тропой по льду, по вмороженным в лёд столбикам и натянутой меж ними верёвкой: если в пургу отцепишься, считай – пропал!

Всего было пять шахт. Вертикальные шурфы уходили вниз метров на сорок. Рудокопы спускались и поднимались не на лифте, а самым примитивным образом – «в бадье», как в колодце. Один штрек, говорят, шёл вниз по наклонной – для выкатки вагонеток. Компрессор с поверхности тундры подавал сжатый воздух вниз – отбойным молоткам. Ими, а то и просто кирками, заключённые крушили породу. Забои поначалу освещались самодельными лампами-коптилками, позже появились шахтёрские каски с лампочками подсветки. Руду вручную грузили на тележки и выкатывали из шахты наверх, тоже вручную. Уровень механизации минимальный! За экспедицией на Вайгаче числились грузовики-полуторки, даже с десятком тракторов ХТЗ «Коммунар», но в шахтах люди работали вручную.

Не совсем ясно, а в мемуарах бывших заключённых не сказано, где располагалась так называемая обогатительная фабрика, вообще, что она из себя представляла? В документах она упоминается, да и фотоснимок из архива областного УВД помнится – «Сортировка свинцово-цинковой руды на Вайгаче».

Причала в Варнеке так и не построили, и добытое с тех же карбасов перегружали в трюмы пароходов, что становилось на рейде бухты. Сколько тонн руды увозил каждый из них одним рейсом – неизвестно...

Геолог Павел Виттенбург оказался пророком – предрекал вайгачским шахтам недолгую эксплуатацию. Иначе и

не могло быть на острове, закованном вечной мерзлотой, в тундре, перенасыщенной влагой. Уже вскоре после начала подземных работ на Раздельном вода стала просачиваться, а затем и затапливать забои. Судьба рудника, а вместе с ним и всей Вайгачской экспедиции, была предрешена...

Жаль, затерялась моя рукописная сноска, а на память уж и не восстановить, из чьих воспоминаний, о том времени: «Мыс Раздельный лежал развороченный, как тело какого-то чудовища на операционном столе. С него содрали наносной слой глины, суглинков, известняка и обнажили продольные жилы свинца и цинка с пучками тонких прожилков...»

Часа полтора бродили мы с боцманом Петровым по прибрежной тундре Раздельного. И не находили ничего похожего на эту картину: поверхность кое-где истерзанная рвами и одиночными рытвинами, скудные травы и мхи. В одном месте увидели торчащий из земли монорельс или похожую на него металлическую балку, в другом – разбросанные, изъеденные ржавчиной бочки из-под ГСМ, истлевший брус, лежащие в беспорядке обрезки труб и детали каких-то механизмов. Однако здесь их могли оставить и рабочие позднего времени. Практически никаких следов рудника. Скудная полярная природа, как могла, залечила раны «чудовища на операционном столе»...

Павел Владимирович Виттенбург – учёный, доктор естествознания, полярник, Учитель и подвижник. Талантище! В 1930-м его арестовали и судили по «делу Академии наук». На Вайгаче он – главный геолог.

Три крови в роду Виттенбургов – немецкая, шведская, польская. Он же, сын политического ссыльного, выпускник Тюбингенского университета, считал себя русским. Потому, что всю жизнь служил России...

В Арктику его тянуло с тех пор, как в 1913-м он оказался на Шпицбергене с экспедицией Рудольфа Самойловича. В том же году русские на «Вайгаче» и «Таймыре» открыли Северную Землю. Жадный до всего нового и неизведанного Виттенбург мечтал исследовать и её. Но путь к тем берегам занял годы и пролёг через Новую Землю, Мурман и Вайгач...

Ему скостили срок, выдали справку об освобождении, вообще сняли нелепую судимость, а он устремился обратно в ледовитые моря и земли.

«Неужели снега и тундра не надоели?! – в недоумении спрашивали друзья. – Зачем ты едешь туда? По своей воле...»

А он отвечал, поражая многих: «Если надо, то хочу...»

Плиний-старший о гиперборейцах: «Были преисполнены жизненной силой и наделены великой душой».

4.

С вечера море Баренца заштормило, под 10 баллов. Как и обещал прогноз. Уже в сумерках невесть откуда в бухту Варнека привернул номерной вояка-ГС, тонн на 700 водоизмещением – из тех, что обычно шарят в самых глухих «дырах» у Новой Земли. Кому-то пришла в голову мысль нанести его обозначения чёрной краской на сером фальшборте, к тому же так мелко, что и с биноклем к ним не продрасться. От кого они так старательно хоронятся в этих пустынных морях, и не сказать.

На палубе «номерника», с брезентом у шлюпок и лебёдок оживлённо суетились матросы. Видимо, разгонявшийся шторм зацепил их на переходе и хорошенько повалил. Безымянный военный гидрограф ещё и притащил за собой зыбь. Мы были крупнее его, но и нас, стоявших на якоре, започакивало...

Пароход, который доставил на Вайгач первую партию экспедиции ОГПУ назывался «Глеб Бокий» – по имени одного из главных создателей ГУЛАГа.

«В трюме тесном и глубоком
Мы плывём на «Глебе Боком»...

Были такие строки в одной из лагерных песен тридцатых. Заключение Глебу Ивановичу, так сказать, пароходу и человеку, слагали и другие поэтические строки:

«Шептали все... Кто мог поверить?!
Казался всем тот слух нелеп:
Нас разгружать сюда приедет
На «Глебе Боком» – Бокий Глеб...»

Иными словами, имелся на Севере такой тюремный пароход, а до того, как стал таковым, возил паломников, праведных и неправедных, из Архангельска на Соловки и обратно. Собственно, для того монахи и купили его в Финляндии ещё в 1881-м. А после революции старый пароход национализировали, позже от-

дали Управлению северными лагерями ОГПУ, а там поменяли ему название – «Глеб Бокий».

Глеб Иванович Бокий – до 1917-го таких, как он, называли профессиональными революционерами, после – чекист – сотрудник ВЧК, ОГПУ, НКВД, комиссар государственной безопасности III ранга. Историки считают его активным создателем ГУЛАГа. Одни, правда, утверждают, что после подавления Кронштадтского мятежа и особенно после смерти Ленина, он якобы отстранился от политики и всерьёз увлёкся мистицизмом, а потом буддизмом и легендой Шамбалы. Якобы существовала в Тибете, упоминалась в древних текстах такая страна. Современные исследователи эзотерических учений пишут про неё: «В Шамбале находится станция имплантации, в которую попадают после смерти человеческие души»...

Другие исследователи настаивают – к мистицизму Глеб Бокий пришёл ещё до революции, вращался в кругу петербургских медиумов и прорицателей, даже учился у них чему-то, а позже водил тесную дружбу с Александром Барченко – известным писателем-мистиком.

Фёдор Иванович Эйхманс – бывший латышский стрелок, первый комендант Соловецкого лагеря особого назначения, а потом и начальник всего ГУЛАГа. Позже возглавлял сверхсекретный отдел НКВД, ведавший шифровальным делом и криптографией...

Много тайн, реальных и надуманных, вращается ныне вокруг этих личностей. Особенно вокруг чекиста Бокия. Пишут, например, якобы в самых дальних и тёмных коридорах НКВД существовала тайная парапсихологическая лаборатория. Организовал её Глеб Бокий, он же и руководил секретными экспериментами по выходу на пути-дороги в Шамбалу.

С чего бы комиссару госбезопасности влезать в теософические дебри? Оказывается, чтобы постичь сверхчувственные силы человека, объяснить таинственные явления в природе, наукой не разгаданные, а в конечном итоге – привлечь так называемых хранителей Сокровенных знаний на службу пролетариата...

Не верится в такое. Однако пишут, говорят об этом настойчиво. И Фёдора Эйхманса, ближайшего заместителя Глеба Бокия, упоминают в той же связи. Мол, вовсе не геологические разработки полиметаллов привели его на Вайгач, а некие артефакты в пользу существования на

острове следов мифической Гипербореи. Строятся такие гипотезы...

5.

Шторм ночью не утихал, напротив, ещё больше разошёлся. Не спалось. В мой иллюминатор краешком заглядывал один из палубных прожекторов, и занавеска не помогала – свет её пробила. Судно наше качало, и вместе с палубой, грузовыми стрелами и мачтами в загадочном танце раскачивались тени и блики на переборке, дверцах шкафа, полке каюты. Меня это не раздражало, но чувство тревоги, забредшее ещё вечером, не ослабевало. Я не понимал отчего.

Опять вспомнился незнакомец на берегу. Кто он? Загадочно появился и так же загадочно скрылся на востоке. Ведь для чего-то он остановил упряжку за моей спиной? Но так ничего и не сказал!

Включил ночник, взял томик Герцена. Всякий час беру его, если хочу заснуть (простите, Александр Иванович!). Прочёл страниц десять, уловка не работала – сон не шёл. Я встал, оделся и пошёл в «чайную». Так ребята прозвали выгородку на камбузе – от слова «China». Здесь в любое время грелся небольшой китайский титан, были столик, тумбочка и опять же – китайского производства диванчик. Застал на нём механика Колю Катерина – молодого, ровного нрава моряка, сероглазого, с задумчивым лицом, оттого порой казалось, занят он более своими мыслями. Коля чаёвничал.

Кивнули друг другу:

– Не спится?

– Не спится.

Тут я вспомнил:

– Николай, у тебя же вахта до 20...

– Жихарева подменял. Занемог Лёшка...

Я удивился: Жихарев – парень богатыйрского сложения. Катеринин опередил мой вопрос:

– Лёшка только на вид здоровяк. Лет пять назад тонул он у Каратайки – на рейдовой выгрузке сорвался с плашкоутного трапа. Октябрь, вода – плюс два. Хорошо, днём – увидели. Минут через пять вытащили, но и того хватило. Ему теперь такая погода кости ломает, с хрящами выворачивает...

В иллюминатор летели пригоршни воды. Море швыряло их с гневной силой. Каютный ночник «чайной» находился не на подволоке, как обычно, а на перебор-

ке, и на жёлтый свет его лампы стекло иллюминатора с живыми струйками и каплями заборной воды откликалось неясными бликами. Чудилось в них нечто призрачное, загадочное и тревожное. Я невольно потянулся к иллюминатору – тьма металась в нём.

Шторм не редкость в этих широтах. Но и всякое другое здесь случается. Иногда необъяснимое. На здешние капризы радиоволн сетовали мне многие, а то и матом поминали их. Тот же Валя Постников, наш радист рассказывал, как однажды убежали они от шторма в вайгачскую губу Долгую, и будто занесло их в аномальную зону:

– Миль 30 до Карских ворот оставалось, решили определиться по радиомаякам. Меншикова, Чирачьего чётко слышали. Всего-то с полчаса дальше прошли, как разом туман пал, да плотный такой – своего бака не разглядеть. Мы тогда «Наяду» уже сменили на «Океан» – неплохой, в общем-то, локатор. Но тут и он берега не цепляет. Сбавили ход, прошли ещё сколько-то. Старпом: нужно подвернуться. Включились, а маяков нет – будто и не бывало. Во дела! Ещё обороты сбавили, идём почти наугад. Глухо! На подходах к Карским всегда кто-нибудь да есть – ледоколы или дудинские линейщики. Аукнули их. Ответа не слышим. Стоп, машина! Капитан поднялся не в духе, сразу запсиховал, мол, аппаратура скисла. Ничего подобного, в порядке аппаратура! Запаниковали тут, забегали. Наконец, высветился на «Океане» Вайгач, слабенько так высветился, хотя совсем немного до него оставалось. Местная полярка голос подала, мы чертыхнулись и снова пошли. Туман порвало, уж и берег в бинокль видно, шарообразную антенну на станции, как снова – приёмник исправен, а в наушниках – ни звука! Передатчик работает, а никто нас не слышит. Гроб без музыки!

– Что ж, и локатор тогда отказал? – я переспросил.

– «Океан» наш пошаливал, – согласился Валя и добавил, – ещё мне ребята с «Альбанова» жаловались на магнитные компаса. Они в тот год бродили в Карских воротах с учеными из Ленинграда. У тех тоже приборы из штата выбивало...

– Может, горнорудная аномалия? – осторожно предположил я. – Залежи полиметаллов на острове есть. Воз-

можно, и железо имеется, да геологи недосмотрели...

– Может быть, – снова согласился Валя, – от них или по другой причине, но аномалия. Знакомые лётчики, они тут в Амдерме полком стоят, рассказывали: при глиссадах над Вайгачом иногда бортовая электроника глючит, а то и высотомеры... Чудеса, да и только!

Наш правый борт принимал удары коротких озлобленных волн – мелко и часто подрагивала переборка. Когда же вдруг била волна покрепче, ложечки и подстаканники в посудном шкафу дружно, но негромко звякали.

Мы допили чай. Коля собрал со стола, старательно ополоснул чашки, расставил их на поддоне сушилки и, снова поглядев в иллюминатор, вспомнил из Пушкина:

– Почернело синее море. Стал он кликать Золотую рыбку. Приплыла к нему рыбка. «Чего тебе надобно, старче?» – Смилуйся, государыня рыбка. Что мне делать с проклятой... погодой?

Коля Катеринин быстрее хотел уйти от Вайгача, вернуться в Архангельск...

О Вайгаче слышал, как об острове, куда далеко не каждый жаждет вернуться. Говорили, дескать, аура у него сильная и особенная – он может привечать, но это редко, чаще – отторгать человека. Остров будто бережёт некую заповедную тайну, и на того, кто ему не по нраву, обрушивает из смутного потусторонья мощный гнетущий поток тоски и уныния.

Ненецкое название Вайгача – Хэбидя-Я – переводится на русский, как «Святая земля», а у любой святыни есть своя тайна.

В X-XI веках, как считается, на Вайгач впервые пришли ненцы, и для них он

Посёлок Варнек. Местное кладбище. В центре памятник погибшим при разгрузке на местном рейде.

стал особым, исключительно сакральным островом, где ненцы не селились, не вели привычных промыслов, а лишь общались со своими языческими боже-ствами. Отсюда на Вайгаче и языческие святилища, за последние века изрядно поредевшие числом.

Англичанин Стифен Барроу, которого в 1556-м страсть первопроходца занесла на Вайгач, будто бы на самом севере острова находится более трёхсот идолов. Сохранились и описания этих грубо вытесанных каменных и деревянных фигур, в которых, меж тем, угадываются черты человека. Утверждают, что Барроу узрел это святилище на одном из самых приметных мысов Вайгача, который впоследствии русские промысловики так и нарекли – Болванский Нос.

Без трёх дней ровно через сорок лет после Стефена Барроу голландец Виллем Баренц насчитал на острове уже 400 идолов и нанёс на свою карту – мыс Идолов.

В просторечии и фольклоре ненцев сохранилось – Хэхэм Салая, святилище Весако, оно на юге Вайгача. Уже в советское время на картах этот мыс обозначили, как Дьяконова.

Несколько мест, названий, имён, а главная примета одна – святилища прародителей всех ненцев. На севере – Святилище Хэдако, старухи, праматери, на юге – Святилище Весако, праотца, а между ними, где-то на затерянной тверди острова – утёс Нюхех – святилище их сына.

Уничтожать места языческих поклонений ненцев принялись христианские миссионеры. Чаще других при этом упо-

минают имя архимандрита Вениамина, посетившего Вайгач в 1827-м – он тогда рьяно обращал «самоедов» в православную веру. Часть святилищ тогда же перекочевала в самые отдалённые и труднодоступные места острова. Вот отчего отыскать их считается большой археологической удачей. Впрочем, бытует молва: неладное сотворится с теми, кто заберёт находки себе. И о таких случаях я тоже слышал...

Экстрасенсов, медиумов и всякого рода контактёров с внеземным разумом, существами из иных измерений и цивилизаций сегодня предостаточно. Третий глаз и шестое чувство у них в будничном обиходе. Тайны Атлантиды, Бермудского треугольника, египетских пирамид и всего такого прочего, как им кажется, уже разгаданы, а иные уверенно сводят их к единой гипотезе.

Вайгач, сталинские репрессии они тоже увязали с текстами доэллинической мифологии – слышал и такое. Дескать, Бокий и Эйхманс пытались взять богатства из недр священного гиперборейского острова, и потому оба стали жертвами своего же детища – ГУЛАГа...

Глеба Бокия действительно расстреляли 15 ноября 1937 года, Эйхманса – 3 сентября 1938-го. По документам, к слову, оба они реабилитированы в 1956-м, на том основании, что не участвовали «в контрреволюционном заговоре против НКВД». К слову, в том же году пароход «Глеб Бокий» списали на металл. А за тюремно-лагерное беззаконие с Глеба Ивановича и Фёдора Ивановича так никто и не спросил. Если только Господь...

Мы живём в материальном мире. Когда нет артефактов, а в ходу эзотерические понятия, прения не имеют смысла – они беспредметны, так мне кажется. Связи между теософическими образами и беззаконием 30-х я не вижу...

Однако же есть в Вайгаче некая скрытая суть, почти осязаемая, но необъяснимая причастность к древнему таинству, что порой висит на душе тяжким камнем. Она и в обманчивой бесконечности тундры, и в равнодушной воде её озёр, и в ветре, который, кажется, дует ниоткуда и в никуда, и никогда не кончается, и в низком небе, под которым молчат и молчат равнодушные скалы и камни. Быть может, это молчание завещано Вайгачу языческими богами или же античными героями Гипербореи?!

И под самое утро меня сон не взял. Я оделся и поднялся в рубку. В коридоре встретил обычно весёлого радиста Валю Постникова. На этот раз без шуток.

– Намаялся, пока до Амдермы докричался, – устало пожаловался он. – Фронт прямо над нами, всё задавил...

Ветер порой забрасывал на крыло мостика брызги с верхушек волн. Под их седыми барашками море стремилось в бухту, а небо казалось угрюмым, нависшим и лохматым. Как стариковские брови колдуна. Вдруг подумалось: «Гневается старик Весако»...

Горизонт на востоке время от времени томительно и протяжно мерцал. Не то сполохи дальней грозы это были, не то в низких облаках приоткрывалась брешь,

и в неё устремлялись слабые, смутные отсветы ещё не взошедшего солнца. На рейде, справа от нас, тоже на якоре, под стояночными огнями покачивался номерник-гидрограф. Тускло светились редкие пятнышки его иллюминаторов. С ближнего берега им что-то пытались рассказать сонные лампы створов. Сам же остров под тяжестью неба молчал.

Вайгач сегодня остался единственным сакральным островом на Земле – так пишут, якобы здесь оставила след цивилизация Гипербореи – легендарной страны блаженного народа. У Силия Родосского сказано, будто бы гиперборейцы выросли из крови древнейших титанов и жили, не зная раздоров и болезней, с беззаботным сердцем. Они были удалены от всякого зла, среди них не жил человек жестокий, бесчувственный и беззаконный, и вся жизнь их текла в бесконечных увеселениях и пирах. Даже смерть приходила к ним, как избавление от пресыщения жизнью, и умирали гиперборейцы, будто охваченные сном. Они обладали великой духовной силой, а потому не ведали тяги земного, и могли летать...

На фото и в кинохронике я видел идолов острова Пасхи, что в Тихом океане. Они глядят в небо. Куда устремили свои взоры выжившие языческие боги Вайгача, я не знаю.

Олег ХИМАНЫЧ

г. СЕВЕРОДВИНСК

Баренцево море – Варнек – Северодвинск

Вход в одну из бывших шахт ныне затопленных вайгачских рудников.

Морпехи Зимней кампании

Это была жестокая, кровопролитная, морозная и позорная для СССР история. О Советско–Финляндской войне 1939–1940 гг. почти не писали и совсем забыли. 10 лет назад часть архивов рассекретили...

Колыбелью советской морской пехоты считается Балтийский флот. Летом 1939 года была сформирована 1–я отдельная бригада морской пехоты КБФ. Сразу после мощного артобстрела финских островов Сескар и Лавенсаари 30 ноября 1939 года, туда был направлен наш десант. Вместе с морскими пехотинцами 1ОБМП на острова высадились и моряки–сапёры отдельного сапёрного батальона Западного укрепрайона береговой обороны Балтфлота. В числе сапёров был и мой отец Михаил Чёрный.

От берега Чёрного к берегу Балтийского

Пять дней они тряслись на бронетранспортёре, следовавшем по железной дороге из Николаева в Ленинград. Незадолго до этого в Николаеве на кораблестроительном заводе были построены две отдельные железнодорожные артбатареи – 9-я и 17-я. Сюда и прибыли новобранцы, чтобы вместе с батареями отправиться к побережью Финского залива. Призывники и не догадывались, что через месяц с небольшим они превратятся в бойцов неизвестной зимней Финской войны. Две артбатареи шархнут по двум финским островам Сескар и Лавенсаари. Новобранцы – сапёры береговой обороны КБФ в 45-градусный мороз будут мёрзнуть на льду в обледенелых укрытиях, под снарядами финской артиллерии и пулями «кукушек» оборудовать командные пункты на островах, будут прокладывать ледяные дороги по Финскому заливу, строить ДОТы, ДЗОТы, землянки, рыть окопы в болотистой почве. Это будет двухмесячная война 1939–1940 гг. О ней позже забудут. Вме-

сте с тысячами советских солдат «странная» война будет «похоронена» в архивах. Но тайное станет явным и ожившие архивы донесут до нас эхо той забытой войны.

...Две железнодорожные артбатареи прибыли на военно-морскую базу Мукково в Кингисеппский район Ленинградской области. Здесь ещё с 1935 года замышлялось грандиозное строительство.

Мукково – один из более 4000 небольших населённых пунктов Ленинградской области, разграбленных и сожжённых в годы Великой Отечественной войны. Это будет потом. А пока идёт 1939 год. 22 деревенских дома стоят на высоком берегу Бабинского озера. Одна-единственная улица спускается к воде. Деревня славится пивоварами, их домашнее пиво ни с чем не сравнимо. Местные работают в колхозе «Авангард». Справлять требы ходят в церковь в соседнюю деревню Валговицы.

Бок о бок с деревней расположился военно-морской гарнизон Мукково. Там есть клуб, куда деревенских пускают смотреть кино или концерт. Есть хорошая столовая и буфет, где морские офицеры угощают местную ребятню.

С 1935 года части Балтфлота начали здесь строить военно-морскую базу. В лесах стали прорубать просеки и укладывать рельсы. Замыслы были грандиозные – построить здесь военный город, по масштабам не уступающий Кронштадту. О планах будущего строительства мы узнаём из архивных материалов Государственного архива военно-морского флота в Санкт-Петербурге. Военно-морская база Мукково относилась к Западному укрепленному району береговой обороны КБФ (ЗУР БО КБФ).

Отдельный сапёрный батальон ЗУР'а поначалу входил в состав 17 артбатареи. Штаб будет располагаться на берегу Бабинского озера – в воинской части 8003 (Бабинский военный сапёрный городок). Осенью 1939 года в батальон вольются новобранцы, состав увеличится почти втрое. Через полтора месяца сапёры окажутся участниками Финской войны. А пока их направляют для подготовки в школы учебных отрядов.

Мукково. Маскировка

Командование уже разработало план быстрой Зимней войны с Финляндией. В Мукково в это время продолжается военное строительство. Его легко заметить с воздуха в случае военных действий. Поэтому на базе начались широким фронтом маскировочные работы. Главные исполнители – квалифицированные сапёры-инструктора. Маскировали под фон леса и кустарников орудийные дворники, амбразуры капонира, ходы сообщения, окопы зимней обороны. От командования поступали приказания «вести непрерывно наблюдение – поддерживать маскировку, подкрашивая матчасть под фон снежного покрова, убирать валежник, делать растительную маскировку: декоративно высаживать свежесрубленные деревья и кустарники на территории новой батареи». Шли приказы «залужать весной обнажённые почвы площадью в два гектара, засаживая их клевером, маскировать батареи путём крупнопятнистой окраски под фон леса в три цвета». Кроме артбатарей надо было замаскировать 21 000 погонных метров железнодорожных путей, окрашивая рельсы в защитный цвет. Командование приказывало «закрывать тупики естественными масками из свежесрубленных веток, рогож, покрашенных под фон снега; маскировать тыловые объекты дымо-

вой завесой, как дешёвое маскировочное средство на случай налёта авиации противника». Требовалось замаскировать железнодорожные позиции общей площадью 529 000 кв. м. Во всех этих работах самое непосредственное и активное участие принимали сапёры отдельного сапёрного батальона.

Удары артбатарей. Начало

На момент начала Советско-Финляндской войны комендантом ЗУР'а был полковник В.А. Пешков. Штаб находился в Мукково. Береговая артиллерия взаимодействовала с частями 7-й армии, наступавшей на Карельском перешейке.

Как же разворачивались военные действия со стороны Западного укрепления? В документах на боевую операцию на островах Сескар и Лавенсаари находим «Наставления по ведению боевых действий частями (октябрь 1939)» и «Наставления по взятию о. о. Сескар и Лавенсаари (ноябрь-декабрь 1939) – островная десантная операция по захвату островов». В «Отчёте о боевых действиях частей ЗУР'а от 12.12.39 г.» узнаём об операции и – начале Советско-Финляндской войны 1939–1940 годов.

Артиллерийским огнём 17-й и 9-й железнодорожных артбатарей планируется нанести удар по островам, а затем высадить десант и завоевать их. 17-я ж/д батарея стреляет по о. Сескар, 9-я ж/д батарея ведёт огонь по о. Лавенсаари. Указание – бомбить деревню, посёлок, кирку, постройки, магазин. После этого начнётся островная десантная операция.

«Сигнал о начале военных действий получен штабом ЗУР» в 00 ч. 38 м. 30.11.39. В 00 ч.57 мин. части приняли боевую готовность. В 1ч.10 мин. получили указания командующего КБФ произвести обстрел островов с 11ч. до 12 ч. 30.11.39 года. В 01 ч.39 мин от командира отряда особого назначения получен сигнал «Начало операции». В 10 час. 05 мин. 30.11.39. выходит приказание командующего КБФ открыть огонь по островам Сескар и Лавенсаари. 10 час.30 мин. комендант района объявил всем частям боевую готовность №1.

В 10 часов 30 мин. 30. 11. 39 батареи начали обстрел островов. 9-я ж/д батарея капитана Л.М. Тундера стреляет с позиции «700» по о. Сескар (выпустила 9 снарядов, продолжительность стрельбы – 19 минут). По донесениям наблю-

дателей ЗУР'а первый залп батареи лёг у береговой кромки, остальные в центре о. Сескар. 17 ж/д батарея капитана Н.Н. Крайнева с позиции «600» выпустила с 10 ч. 30м. до 11 ч. 15м. 12 фугасных снарядов по о. Лавенсаари. «Снаряды легли на цели. На островах – пожары». Всего с 1 по 9 декабря 1939 года береговые батареи Балтфлота выпустили 489 снарядов. Командование объявило личному составу благодарность.

Время для начала войны было выбрано идеально. Погода сопутствовала нашим бойцам. 30 ноября – в первый день войны температура была +3 градуса, до 20 декабря она не опускалась ниже -7 градусов.

Моряки-сапёры высадились на финские острова Сескар и Лавенсаари первыми – ночью при сильном шторме – и смогли взять 11 пленных. Они произвели инженерную разведку побережья, обезвредили мины на берегу и в домах. 6 декабря морпехи-сапёры высадились на о. Гогланд. Там они устанавливали зенитные, противокатерные и артбатареи, начали строить убежища, прокладывать дороги в скалистом грунте, строить ДЗОТЫ, обносить территорию острова проволочным ограждением в три кола. Ещё они ремонтировали пристани, дамбы, жилые дома. Командование острова ставило наших сапёров всем в пример.

21 декабря 1939 года по приказанию командующего КБФ десант из 72 сапёров высадился в тыл противника под пулёмётным огнём белофиннов. Они должны были обезвредить финские мины. На мостах и дороге мины выглядели как небольшие бугорки, припорошенные снегом. Порой морпехи оказывались на гладком как зеркало льду и были видны из всех финских укрытий. Финны вели по ним ожесточённый огонь. Своим наступлением морпехи на время оттянули внимание финского командования на себя. Они ошибочно приняли их за часть главных сил Северо-Западного фронта. Даже Маннергейм впоследствии признавал, что морпехи «очень обеспокоили» финнов.

Декабрь 1939. Зимняя оборона

Задача наших – удержать захваченные острова и не дать противнику возможности вернуться сюда. Со второй половины декабря температура стала

опускаться до минус 40 градусов. Многие тысячи русских солдат живьём замёрзли в окопах, на снегу, на льду, в лесах, вдоль дорог. Маннергейм писал: «Вскоре начались исключительно жестокие морозы, поставив как нападающие, так и обороняющиеся стороны перед самыми тяжёлыми испытаниями».

Финский залив покрылся льдом, изменилась обстановка на побережье. Это потребовало организовать Зимнюю оборону. Наши сапёры прокладывали дороги, связывали ими острова, обеспечивая продвижение вперёд армейских частей, танков, автотранспорта вместе с боеприпасами и продовольствием. С 20 февраля по 8 марта по льду Финского залива было переправлено около 10 тысяч боевых и транспортных машин и 40 тысяч бойцов. Не всегда всё было гладко. Там, где сильное течение, тонкий лёд ломался, буксовали трактора, техника уходила под лёд, бойцы оказывались в ледяной воде. Так случилось и с одним из сапёров нашего батальона. У других были обморожения, ранения... Но в целом за время Зимней войны все сапёры-моряки отдельного сапёрного батальона ЗУР'а вышли из боёв живыми.

По плану Зимней обороны на 1940 г. командование КБФ даёт указание ЗУР'у срочно провести работы по инженерной обороне островного Курголовского и Сойкинского побережья. Комендант ЗУР'а полковник Пешков направляет Командующему КБФ заявку на инженерное имущество. Требуются 100 маскировочных халатов, 100 чехлов к лопатам малым, 20 ломов, 60 деревянных лопат. Имущество крайне необходимо для выполнения указаний командования. Задумываясь над этой заявкой, диву даёшься! Все работы сапёры производили вручную, никакой механизации. Для выполнения сложнейших работ по обороне побережья не хватало малого – маскхалатов, деревянных лопат, ломов, чехлов к сапёрным лопаткам! По окончании Зимней войны невостребованные 100 чехлов к сапёрным лопатам будут валяться на складе батальона.

Декабрь 1939 г. Гарнизон Мукково. Боевой приказ начальника гарнизона полковника Савельева: «В связи с военными действиями на Балтийском театре и установлением ледостава возможно нападение сухопутных войск противника на территорию гарнизона и боевые объекты». Приказываю: (...) Командиру сапёрного батальона организовать оборону

2-го оборонительного участка – Хутор Грецкий и далее по берегу озера Бабинское до военного городка Бабино, до перекрёстка дорог Хаболово-Великино.

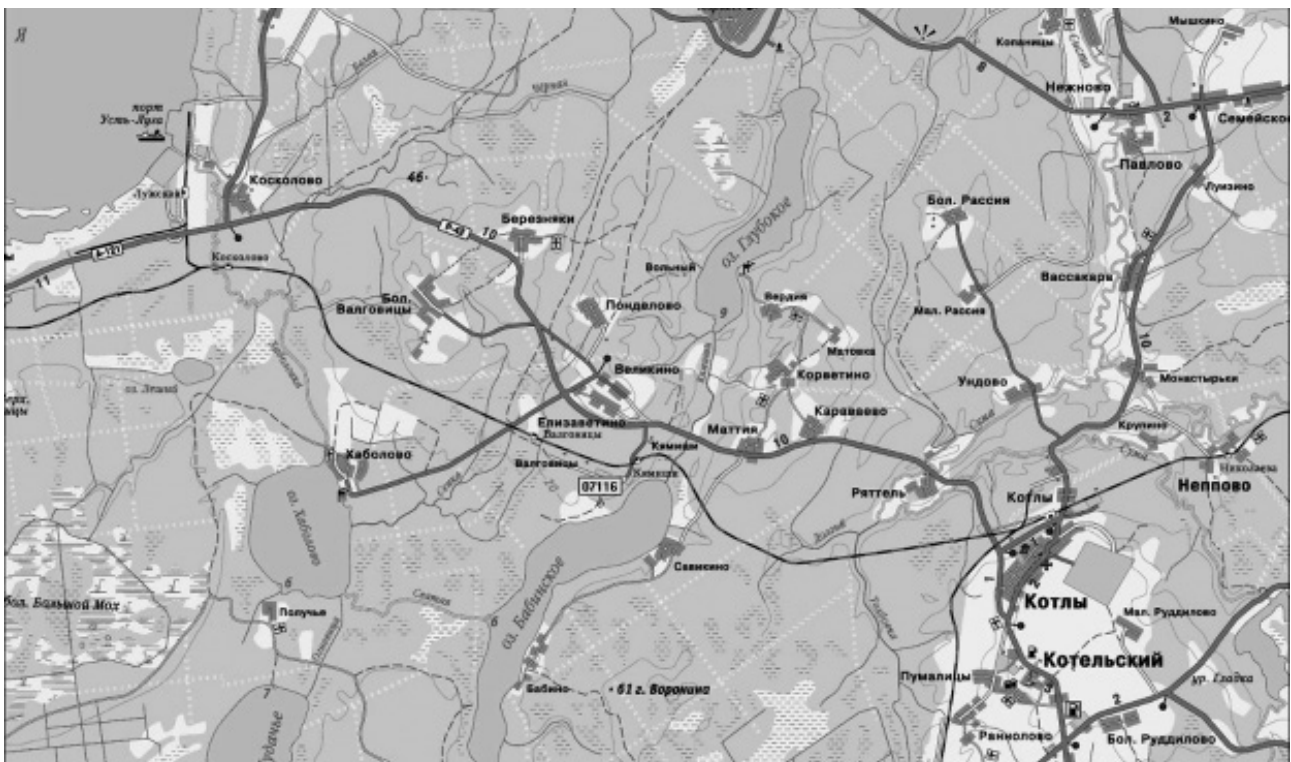
Для организации разведки сапёрному батальону приказано направить на участок обороны № 2 одну роту в составе 270 человек. Из них – комначсостав – 5 человек, младший комсостав – 10 чел., рядовой – 255 чел. Роте выделяют 265 винтовок, 5 револьверов, два станковых пулемёта, четыре ручных, 270 противогазов и один автомобиль. Дальняя разведка батальона – 6–8 километров. При появлении противника сапёры должны оповещать другие части базы сигналом тревоги: частыми ударами в колокол в течение 1–2 минут, дублируя сигнал по телефону голосом: «Сухопутная тревога». Командиру сапёрного батальона приказано силами сапёров вести «разведку – за мост через реку Святая в направлении – Красный посёлок. Весь личный состав обеспечивается тёплым обмундированием и обувью. На каждого стрелка – по 60 шт. патронов». Как мы узнаем позже из Отчёта комбата Мельникова, тёплой одеждой батальон не был обеспечен.

По Плану зимней обороны перед отдельным сапёрным батальоном в городке «Бабинский» были поставлены боевые задачи: «1. Создать непреодолимую оборону военного городка. 2. Ликвидировать возможность высадки воздушного десанта в районе озера Бабинское.

3. Ликвидировать диверсионные группы в случаях их обнаружения. 3. Сохранять полный порядок на территории военного городка». Соседи сапёров – «слева – железнодорожный батальон ЗУР'а, справа – соседа нет. Оповещение по телефону со стороны оперативного дежурного».

«Действия при объявлении боевой тревоги: подразделения батальона выстраиваются ночью около казармы, днём в тылу тех. склада. Подносчики патронов по указанию командира подразделения идут в склад за получением патронов. Тех. рота, за исключением шофёров (...), также выстраивается с другими подразделениями».

«Взвод молодого пополнения (учебный взвод) занимает оборону в южной части городка, слева – боеклад включительно, справа – дорога на Красный посёлок исключительно. Высылает разведку по дороге на Красный посёлок к мосту через р. Святая. 2-ая сапёрная рота занимает оборону в западной стороне военного городка, слева – дорога на Красный посёлок включительно, справа – дорога на Мукково включительно. Выставляет разведку по дороге на Великино до Хаболовского шоссе. Хоз. рота занимает оборону со стороны озера, слева домик Ивкова включительно, справа – колодец включительно. Тех. Рота (кроме шофёров) занимает оборону по озеру, слева – колодец, включительно, справа – боеклад включительно. Спецвзвод боепи-

тания находится в резерве». Командованию батальона приказано «подготовить ватники и ватные брюки, и всё необходимое обмундирование для обеспечения бойцов на оборонительных участках». В это время командует отдельным сапёрным батальоном старший лейтенант Половинкин, начальник штаба – будущий комбат лейтенант Мельников, военком – Зудин. Располагается батальон в военгородке Бабино.

Оборона Западного укрепрайона ведётся на широком фронте шести оборонительных участков. Главные задачи – «не допускать захвата островов противником, иметь в готовности к действию на льду ударные группы. Передний край обороны – Нарви, Сомерс, р-н Курголово, Лужская губа, Колгомпя, Горколово, Косколово, Кирьямо, Выбья, Усть-Луга, м. Дубровский, оз. Копенское, мост через р. Систа».

6-ой оборонительный район в составе гарнизона Мукково. Сюда входит одна рота ОСАПб. Задача – оборонять железнодорожную базу Мукково, включая Кямиши, военный городок Бабино, не допускать проникновения противника на объекты.

«Боевые охранения высылаются на лёд с наступлением темноты и в плохую

видимость на расстояние 2–2,5 км от берега. От начала маршрута устанавливается будка, оборудованная телефонной связью с берегом. Разведка льда ежедневно на ледовых дорогах Сескар, Кургалово-Лавенсаари, Лавенсаари – Сомерс, Сескар, Нарви. Разведка льда – днём».

Из «Указаний по инженерной обороне островов», 1940 г.: (...) 9. Для постоянного наблюдения за состоянием зимней дороги Кургалово-Лавенсаари и Колгомпя-Сейскар и на случай усиления льда с привлечением сапёр производить периодическую разведку льда. 10. Работы по инженерной части и заграждению выполнять своими силами. Для сложных работ будут выделены сапёры.

Январь 1940.

Зимняя сухопутная оборона

В состав Зимней обороны Восточной части Финского залива вошёл Военный городок Бабино, где располагается на этот момент отдельный сапёрный батальон ЗУР'а. Состав батальона: старший и средний комначсостав: 30 чел., младший комначсостав – 33 чел., рядовой состав – 529 чел., всего – 592 чел. Винтовок – 402. У 190 сапёров винтовок нет! Но есть в распоряжении батальона – 64 пистолетных револьвера, 15 – ручных револьверов, 280 ручных гранат, две однотонные и три трёхтонные автомашины. Пулемётов как зенитных, так и станковых – не числится. В период военных действий численность батальона увеличилась почти в три раза по сравнению с мирным.

1 января 1940 г. КБФ. Войсковая часть № 8022 (сапёрный городок Бабино). В сапёрном батальоне партсобрание. Комбату Мельникову поручено проверить знания комендантов и провести специальные занятия по зимнему плану сухопутной обороны. Всем комендантам приказано хорошо освоить все объекты и на отлично овладеть присвоенным оружием.

На сапёров ложились важнейшие задачи по Зимней обороне Балтфлота. Они прокладывали дороги от материка к островам и от острова к острову, устанавливали связь, разведывали толщину льда, устраивали переправы через фарватер, перебрасывали грузы с материка на острова, причём, не было ни единой задержки. Сапёры разведывали ледяные пространства, чтобы по ним потом могли

0462707

ОТЧЕТНАЯ КАРТОЧКА № 5697857 *

на П/б

По заполнении подлежит обязательному возвращению в ЦК ВКП (б)

Заполняется разборчиво чернилами исключительно на русском языке

Фамилия Черный

Имя и отчество Михаил Маркович

Год рождения 1920

Время вступления в партию Июль 1943.

Наименование организации, выдавшей билет Полк.

отдел Спецслужб Ленинградского Фронта

Личная подпись М. Черный

Р.М. П. Иван Иванович
Секретарь Райкома

5* сентябрь 1943.

продвинуться войска регулярной армии вместе с тяжёлой техникой и вооружением. В сутки преодолевали по 60–70 км, показывая нечеловеческую выносливость. Все работы проходили под непрерывным присмотром укрывшихся финских частей. Вражеские самолёты сбрасывали на объекты бомбы. Из Журнала боевых действий ЗУР'а мы узнаем, что 28 января самолёт противника произвёл налёт на о. Лавенсаари.

«Работали в сапогах и в шинелях в открытом море при морозе свыше 30 градусов», – отчитывался после войны комбат Мельников. В своих приказах командование требовало выделить морским десантам и разведгруппам, в том числе из числа сапёров тёплое обмундирование, но сапёрный батальон не получил ни полушубков, ни ватников, ни валенок. Инструменты, которыми выполняли работы моряки-сапёры, не выдерживали никакой критики: «...топоры, долота, стамески, не пригодные при работе с мёрзлой породой, крошатся и выходят из строя».

4 января 1940 года. Партсобрание в сапёрном батальоне отмечает, что «разбросанность части по объектам не давала возможности вести нормальную партийную работу, большинство бойцов – малограмотные, в ротах нет досок и столов, тетрадей и карандашей. «О нас, сапёрах, много говорят, особенно о технической роте, где много есть бойцов грубых, невежливых, обладают большим зазнайством своей технической грамотностью. Командованию техроты нужно обратить особенное внимание на культурное воспитание своих бойцов ...». Партсобрание отмечает: «А люди у нас замечательные. Это показало при занятии острова Гогланд и последующие работы на острове», (стилистика, как в оригинале/ – Н.Б).

Зимняя оборона, продолжение...

9 января 1940 года из штаба береговой обороны восточной части Финского залива (г. Кронштадт) в Мукково поступает Боевой приказ № 001. Перед ЗУР ставятся задачи «оборонять укрепрайон, острова Сескар, Пенинсаари, Лавенсаари, Нерва, Сомерс и подступить к базе Лужская губа и Копорский залив до Керново в соответствии с планом Зимней обороны».

В этот же день выходят в свет «Дополнительные рекомендации Штаба Зимней обороны восточной части Финского залива». Коменданту ЗУР'а приказано: «а) навести дорогу Колгомпя-Сескар-Курголово-Лавенсаари. Дороги тщательно обставить ёлками и световыми сигналами; б) иметь надёжную связь между островами и командованием. Дальние подвижные дозоры осуществлять пулемётными отделениями на автомобилях «Пикап», особенно тщательно разведывать лыжные и пешеходные следы. Укрепрайоны усилить инженерными сооружениями и заграждениями. Передний край и районы обороны должны быть оборудованы окопами для стрелков. Перед передним краем обороны – проволочная сеть, организация заграждений перед островами». Весомая часть этой работы ляжет на плечи сапёров.

17.01.40 г. заместитель командира Зимней обороны полковник Парафило выпускает распоряжение о распределении сил с 14 января 1940 г. на 3-ем оборонительном участке Мукково – в районе гарнизона, включая пос. Кямиши и в/городок Бабино. Этот участок защищает 2-й отд. ж/д артдивизион. Сюда кроме других подразделений входит отдельный сапёрный батальон.

24 января 1940 г. с 9.20 до 11.15 у сапёров прошли учения по сухопутной обороне: «противник с фронта», поставлена задача: зарядить винтовки и открыть ружейный огонь». Комбат Мельников отмечает: «Некоторые товарищи плохо умеют заряжать винтовку и в период заряжения не маскируются, а становятся в окопе во весь рост». Это объяснимо: половина состава батальона – необстрелянные новобранцы, как и мой отец – третий месяц на службе и второй из них – на войне!

С 25 января 1940 года согласно приказу Военного Совета КБФ взвод сапёр был направлен в район Ладожского озера с задачами построить и установить береговые батареи, разминировать финские мины, заминировать правое побережье озера, обустроить ДЗОТы, сделать проволочные заграждения вокруг боевых объектов. Все работы были выполнены в срок. Сапёры получили здесь своё первое боевое крещение, работая «под градом пуль и снарядов».

26 января 1940 г., Мукково. Приказом по ЗУР'у № 005 начальником гарнизона 6-го оборонительного участка назначается начальник гарнизона Мук-

ково полковник Савельев с подчинением ему ряда подразделений, в том числе сапёрного батальона. Приказано также, чтобы боевые охранения выслались «на лёд с наступлением темноты и в плохую видимость на расстояние 2–2,5 км от берега. От начала маршрута устанавливается будка, оборудованная телефонной связью с берегом. Разведка льда ежедневно на ледовых дорогах Сескар, Кургалово–Лавенсаари – Сомерс, Сескар – Нарве. Разведка льда днём». В «Указаниях по инженерной обороне островов» сапёрам приказано следить за состоянием льда и зимних ледовых дорог, выполнять сложные инженерные работы по заграждению.

В этот же день в ОСАПб проходит партийное собрание. Отмечается, что в зимний период «к нам в тыл могут быть заброшены диверсионные группы финнов. Необходимо держать личный состав всегда в боевой готовности. (...) На территории части (городка) за последнее время появляется много посторонних гражданских лиц. Вызывает подозрение поведение и личность красноармейца Осипова. Имея судимость, он знает финский и эстонский, собирает газеты, внимательно читает их, слушает новости, делает самовольные отлучки».

В разгар Зимней войны в зоне расположения ОСАПб началось срочное строительство. 29 января 1940 г. инженерный отдел КБФ направляет письмо Коменданту ЗУР'а с резолюцией командующего КБФ Трибуца по поводу постройки в сапёрном батальоне силами ж/д батальона хранилища ВВ (взрывеществ/ – Н.Б). Речь идёт о постройке хранилища взрывеществ ОБЩЕФЛОТСКОГО запаса «из расчёта хранения 25 тонн и соответствующих принадлежностей для взрывания (капсюлей, электродетонаторов, шнуров, электрозапалов). Срок готовности хранилища – 10 февраля 1940 г. Выполнение задания весьма срочное. Финансирование и материалы обеспечивает инженерный отдел КБФ».

Капитальное хранилище взрывеществ общешлотского запаса Балтфлота приказано построить за 10 дней! Но на это уходит чуть больше месяца. 13 марта 1940 г. командир железнодорожного батальона ст. л-т Павлов доложит коменданту ЗУР'а: «Склад для взрывчатых веществ ёмкостью на 15 тонн и принадлежностей подрывания в райо-

не сапёрного батальона построен». Есть, правда, одна недоработка «двери в склад остались не навешенными за отсутствием петель».

Строительство в Мукково

Февраль 1940 года. Зимняя война продолжается. Несмотря на многотысячные потери Красной Армии, уже забрезжила Победа. Планы Балтфлота по строительству базы Мукково выходят на одно из первых мест.

Ещё задолго до начала войны был разработан глобальный перспективный «План капитального строительства базы Мукково на 1941–42 гг.». Среди построек – три казармы на 269 человек с центральным отоплением, канализацией и электроснабжением; строительство 12-квартирных двухэтажных кирпичных жилых домов с электроснабжением, общежития, кино-клуба; кают-компания на 500 человек с центральным отоплением, канализацией, водопроводом, электроснабжением, столовой с камбузом; двухэтажной кирпичной школы 10-летки на 280 человек, кирпичного здания детских яслей на 60 детей, детсада на 114 детей. Предполагалось строительство кирпичной бани на 75 человек, военного лазарета на 50 коек с амбулаторией на 50 человек, ледника на 1 тонну для лазарета, гражданской амбулатории с родильным отделением на 5 коек, хлебопекарни на 5 печей, универмага, ледника для него на три тонны. Планировалось построить: склад керосина на 10 тонн, мастерские бытового обслуживания, склад боеприпасов для гранат и патронов, склад для ручного оружия, тёплые склады для фуража, овощехранилище, ледник на 10 000 тонн, склад горючего на 6 цистерн, склад смазочного материала, нефтехранилище на 60 тонн, пожарное депо, механические мастерские, гараж на 33 машины, 13 мотоциклов, 84 самоката; гараж для 17 спецмашин, 9 тракторов ЧТЗ; конюшни на 42 лошади, карантин на 30 повозок; авторемонтные мастерские, убежище на 350 человек (железобетонное, 2-этажное, защищённое от 250 кг бомбы с водопроводом, канализацией, электроснабжением); склад средств противохимической защиты. Намечалось строительство 2400 пог. м. жел/дор путей, дорог, центральной котельной, дизельной электростанции, водопроводной и канализационной сетей.

Строительные планы намечалось осуществить на позициях: «200», «300», «700», «800», «500». На позиции «800» предполагалась постройка запасного командного пункта для командиров батарей, зенитно-пулемётных вышек и убежища тяжёлого типа на 60 человек, а также заграждения в три кола. На позиции «500» предполагалась постройка запасного командного пункта.

Кроме того на базе Мукково намечается глобальное капитальное строительство: «постройка кирпичного гаража на 24 машины, деревянной казармы для личного состава ж/д базы на 270 чел., прачечной на 100 чел., двухэтажных 8-квартирных домов с водопроводом и канализацией; устройство мощного шоссе из военного городка Мукково на государственный склад, постройка рубленого колодца». На очереди – ремонт котельных и даже крестьянских домов деревни Мукково.

Планируется мощное береговое строительство. По «позиции «200»: «устройство улучшенной грунтовой дороги от государственного тракта до объекта. Устройство рубленого колодца, убежища на 60 человек, 3 зенитно-пулемётных вышки, запасного командного пункта, убежища тяжёлого типа на 60 человек, заграждения в три кола. Постройка зенитно-пулемётных вышек».

Сапёрный городок Бабино

Одна из позиций по капитальному строительству относилась к военному сапёрному городку Бабино, где располагался наш отдельный сапёрный батальон. В план «Бабинского строительства» (сапёрный городок) входили: возведение кирпичного склада для хранения переправочного и химического имущества: строительство электростанции с двигателем 75HP; кирпичного гаража на 24 машины; клуба на 400 мест с каменной будкой для стационарной установки; деревянного навеса для 24 тракторов и 10 прицепов. В планах также обустройство 2,5 км грунтовых дорог». В Бабинском городке планируется «капремонт казармы на 110 чел. и ремонт здания столовой на 250 чел.».

25 января 1940 года партсобрание батальона поручает партийцам на февраль 1940 г.: «Мобилизовать весь личный состав на улучшение несения караульной службы. Главная задача – организация зимней обороны. Проводить занятия с

бойцами по ориентированию, умению маскироваться, быстро заряжать винтовки, не теряя с поля зрения противника; боевой разведке, сообщать сведения о настроении населения».

В этот же день рота сапёр (41 чел.) по приказанию коменданта района выслана на Финский залив. При сорокаградусном морозе и сальном ветре сапёры показали большую выносливость: они строили переправу (мост) через фарватер и усиливали лёд для прохода тяжёлой техники и грузов. Задачу выполнили на отлично. Ни один боец не обморозился.

Из журнала боевых действий штаба ЗУР КБФ мы узнаём, что 27 февраля 1940 года приказано «сапёрный взвод оставить на Сескар и Лавенсаари для обустройства дорог». В этот же день самолёты противника во время налёта бомбят остров Лавенсаари.

11 февраля 1940 года выходит Приказ военного Совета КБФ № 003 «О создании зимних дорог и организации их обслуживания». Выполнение задачи ложится на отдельный сапёрный батальон. Приказано: «...а) дороги прокладывать шириной 10 м., обхватывая их с двух сторон полосу шириной 20 м; б) производить расчистку дорог от торосов и снега; в) установить отопляемые будки через каждые 5 км дороги; г) следить за исправностью дорог; д) производить ремонт дорог». По приказу командования «комендантов дорог № 2, 3, 8 и 12 подчинить непосредственно командиру сапёрного батальона ЗУР'а».

На партсобрании сапёрного батальона 14 февраля 1940 г. комбат Мельников докладывает на тему: «Об организации сухопутной обороны». Мы узнаем, что Зимняя оборона для батальона началась с сооружения зимних окопов, продолжается строительством ДЗОТов (...). Комбат отмечает недостатки: «занятие оборонительных рубежей происходило без достаточной маскировки, (...) окружающее население не внушает нам доверия». Его поддерживает Зудин: «ДЗОТы строятся отвратительно плохо. Поставлено по 3 красноармейца, и никто ими не руководит. Люди в ротах не знают, что они будут делать при тревогах. Сейчас у нас имеется только один вариант обороны, а если обстановка изменится, то мы не имеем других рубежей». Отмечается также, что при организации сухопутной обороны «со стороны озера Бабинское ДЗОТы строятся медленно потому, что командир роты выделяет недостаточное

Фотография С. Четверикова

количество людей. Амбразуры в окопах плохо замаскированы (...). Пулемётчики нам потребуются, а мы их до сего времени не учим. Капониры строятся на болотистом месте и заполняются водой». Вместе с тем батальоном проделана огромная работа: вырыты и оборудованы окопы, расчищены линии обстрела, приступили к постройке ДЗОТов.

В начале марта части Зимней обороны, в том числе и наш батальон вели усиленную разведку. Огонь противника был метким и мощным. Но части Зимней обороны КБФ за период операции понесли значительно меньшие потери, нежели части регулярной армии.

В марте 1940 года штаб батальона дислоцируется на берегу Бабинского озера в военном сапёрном городке «Бабинский» (в/ч 8003). Часть сапёров занята строительными работами на островах Сескар и Лавенсаари. С 10 марта один взвод сапёр переброшен на о. Койвисто обезвреживать финские мины. Несмотря на то, что многие сапёры пришли из запаса, были плохо подготовлены, они быстро обучались обезвреживать не только финские, но и английские мины.

13 марта 1940 года в 4.00 утра во все части поступает сообщение: «Военные действия с Финляндией с 12.00. 13.03.40 г. прекращаются». Конец тяжёлой, мучительной, позорной для Советского Союза Зимней войны с Финляндией. Одно радует – наш отдельный

сапёрный батальон во время Зимней войны не понёс ни одной потери.

Из Протокола партсобрания ОСАПб 13.03.40 г. Бабинский городок: «В связи с заключением Договора с Финляндией усилить агитационную работу в батальоне, выделить агитаторов, развернуть работу среди молодых комсомольцев на оперативных работах, для чего секретарю бюро Маркову выехать на острова».

Бабинский городок. Мукково. Партсобрание ОСАПб 20 марта 1940 г. отмечает, что сапёрный батальон прожил в Бабинском городке базы Мукково 8 месяцев, с сентября 1939 года. «Некоторые бойцы умеют читать, а писать не умеют. Поэтому наша задача научить бойцов, и тогда наши никогда не пропадут».

Группы сапёр продолжают направлять на разные объекты для разведки льда и разминирования побережья Курголово, о. Киускери. Комбат Мельников отмечает, что: «во время боевых действий сапёры выполняли не только сапёрную работу, но в то же время были и стрелками. Поэтому начинать изучать не только сапёрное дело, но и стрелковое».

6 апреля 1940 г. комбат Мельников и военком Зудин направляют отчёт Коменданту ЗУР'а (исх. № 092): «Настоящим доношу, что строительство оборонительных объектов на острове Лавенсаари в основном закончено. Работы первой очереди закончены на 10 дней раньше. Работа, по заключению

командования, «выполнена на отлично». Взвод сапёр вернулся в батальон, за исключением 5 сапёр, которые остались до окончания работ. При выполнении строительства нижепоименованные командиры и красноармейцы показали образцы работы. Командир взвода Волков С., командиры отделений Кобенко, Брейман, Диденко, красноармейцы Цветков, Воробьёв, Журавлёв, Шайхов, Ткаченко, Кравченко, Романенко, Синельников. Данным командирам и красноармейцам и всему составу 3-го взвода 1-й сапёрной роты за образцовое выполнение задания Военного Совета и командования ЗУР'а по строительству оборонительных сооружений на островах, прошу вынести от Вашего имени благодарности или другой вид поощрения».

23 апреля 1940 года Комендант ЗУР'а Лаковников и военком Мещеряков докладывают Военному Совету КБФ, что «на основании приказа установление береговых батарей на островах Лавенсаари и Сескар закончено. Личный состав батарей и приданной команды сапёр показали высокие темпы в работе». Далее следует заключение (стилистика, как в оригинале – Н.Б.): «Отношение личного состава к работе было исключительно любовное, что чувствовалось везде и всюду, люди работали с полным сознанием того, что ихняя работа идёт на укрепление подступов к г. Ленинграду. В результате задача, поставленная перед личным составом, им выполнена досрочно».

После войны в Отчёте комбат Мельников пишет, что машины батальона все вернулись с фронта. Они перевозили грузы с материка на острова; вывозили раненых с фронта, боеприпасы, перебрасывали личный состав и обмундирование. Участвовали в войне и батальонные лошади: перевозили гидрографов на острова.

17 мая 1940 г. Бабинский военный городок. Закрытое партсоборание батальона. «Недостаток работы парторганизации состоит в том, что во время боевых действий посылали на фронт и оперативные работы подразделения без политработников, а политработники оставались в батальоне». Вот тебе и политруки! Должны были вести краснофлотцев за собой, а они отсиживались в тылу! Рядовые же «сапёры во время боевых действий показывали пример дисциплинированности, и не останавливались ни перед какими трудностями для выполнения

боевых задач. Мельников отмечает, что «Военные действия показали, что сапёр морских нельзя никак приравнять к сухопутным сапёрам».

Мукково после Финской войны

Суровая Зимняя война окончена. Она сделала новобранцев «стариками», закалёнными в болотах, ледяной воде и на мёрзлом льду среди торосов Финского залива под вражескими пулями. Отдохнуть бы! С девчонками на лодке покататься по глади волн залива после всех этих жутких событий! Но служба продолжается. Из Бабинского военного городка ОСАПб переброшен в Усть-Лугу, оттуда – в июле 1940 года – в Выборг в состав Выборгского укрепленного сектора береговой обороны КВМБ КБФ.

Для моего отца это было продолжение срочной службы и короткий промежуток перед Великой Отечественной войной, ленинградской блокадой и героической защитой города.

Вскоре после окончания Советско-Финляндской войны Западный укрепрайон был переформирован в Бьеркский, затем – в Выборгский. Части сменили места дислокации. ОСАПб перебрався в Выборг, в воинскую часть на Крепостную улицу, 26. Сегодня здесь располагается частный Военный музей Карельского перешейка. Большая часть его экспозиции посвящена Советско-Финляндской войне.

В сентябре 1940 года военно-морская база Мукково относится к Лужскому сектору береговой обороны. Здесь же находится школа по подготовке младшего начальствующего состава и некоторые службы БО КБФ.

Последние сведения о Мукково как действующей базе КБФ есть и в начале ВОВ. Когда части Красной Армии отступали, военные объекты Мукково были взорваны. В 1944 году, фашисты, отступая, взорвали и подожгли здесь всё, что ещё оставалось, в том числе и деревню. На месте базы и деревни среди леса стоит табличка с надписью «МУККОВО». Те, кто попадает в эти места, могут найти поросшие лесом бетонные колодцы, подземные коммуникации, взорванные блиндажи, паровозные ямы... Грандиозный военный город Мукково так и остался проектом в пыльных архивах и бродит призраком в лесах Ленинградской области.

Никита КУЗНЕЦОВ,
КАНДИДАТ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

Полярный капитан Михаил Николаев

В петербургском издательстве «ЛеКо» выходит книга историка флота Никиты Анатольевича Кузнецова – «Ледорез «Фёдор Литке» – «белый лебедь» ледокольного флота». Она посвящена истории одного из самых известных судов – первопроходцев полярных трасс. Построенный для Канады под именем «Earl Grey» и прозванный за свой изящный корпус «белым лебедем ледокольного флота», ледорез в 1914 году был приобретён Россией, служил на Севере, Чёрном море и Дальнем Востоке, участвовал в четырёх войнах и оставался в составе флота 44 года. В советский период «Фёдор Литке» (так судно стало называться с 1921 года) совершил целый ряд исторических плаваний, среди которых поход к острову Врангеля в 1929 году, сквозной переход Северным Морским путём с востока на запад в 1934 году и другие.

Михаил Васильевич Николаев родился 23 октября 1870 года в деревне Липняки Рыбинского уезда Ярославской губернии. Его предки были бурлаками, а о своём происхождении он писал следующее: «сын учёного мастера Ярославской губернии Мологского уезда, ни к какому обществу не приписан». У М.В. Николаева было двое старших братьев, которые стали моряками – Модест (плавал матросом, погиб в море) и Николай (прошёл путь от матроса до капитана, отдав морю около 50 лет жизни).

Михаил Николаев окончил Ры-

бинское реальное училище, а затем выдержал экзамен на звание шкипера дальнего плавания в комиссии при Министерстве финансов Департамента торговли и мануфактур Отдела торгового мореплавания. 25 октября 1893 года его зачислили в запас флота (как имеющего звание шкипера каботажного плавания). Затем он служил учеником лоцмана и лоцманом в Санкт-Петербургском порту (в 1897 году – лоцман 1-го разряда Общества Санкт-Петербургских лоцманов).

24 января 1896 года состоялось венчание М.В. Николаева с *«мещанскою девицею города Корсуна Симбирской губернии»* Марией Дмитриевной Фёдоровой. 4 марта 1897 года у них родился сын Николай, ставший впоследствии известным советским полярным капитаном. Его биография тесно связана с «Фёдором Литке», которым он командовал в конце 1920-х – первой половине 1930-х годов). Николай Михайлович Николаев скончался в 1958 году. Сегодня его имя носит ледокол, приписанный к Санкт-Петербургу.

В 1899 году адмирал С.О. Макаров пригласил М.В. Николаева принять участие в плаваниях ледокола «Ермак» в качестве штурмана. Первый в мире линейный ледокол строился в Великобритании, куда и отправился Николаев. *«Штурманов вольных я взял из разных мест. Старшего штурмана г-на Тульского я выписал из Каспийского моря; второго штурмана Николаева взял из петербургских лоцманов и третьего штурмана Эльзенгера – из Мурманского пароходства. Все трое оказались прекрасными людьми, я ими был вполне доволен»*, – писал Макаров в книге ««Ермак» во льдах». Николаев принял участие в плаваниях в районе Шпицбергена в 1899 году. Он, вместе с двумя своими коллегами не только выполнял обязанности судоводителя, но и занимался исследовательской деятельностью. *«Было бы несправедливо не упомянуть тут же о трёх штурманах ледокола: Тульском, Николаеве и Эльзенгере, которые, неся судовую службу, в то же время прилагали все старания к выполнению всех учёных работ»*, – отметил Макаров. М.В. Николаев прослужил на «Ермаке» 13,5 месяцев.

15 апреля 1900 года Михаил Васильевич выдержал экзамен на звание шки-

пера дальнего плавания, а ровно через три года – экзамен (с общим средним баллом 9,10) при Морском кадетском корпусе на чин подпоручика запаса флота (производство состоялось 6 октября 1903 года). Перед этим он в течение шести недель плавал на миноносце «Бодрый» и крейсере 1 ранга «Аврора» и, по отзывам командиров этих кораблей, был вполне достоин производства в офицеры. 25 января 1904 года он получил звание капитана 1 разряда. 12 апреля 1904 года, после начала Русско-японской войны 1904–1905 гг., Михаила Васильевича определили на действительную службу и зачислили в 8-й флотский экипаж, но уже 20 апреля его перевели на Невский завод. 17 мая 1904 года М.В. Николаева произвели в поручики по Адмиралтейству (по экзамену). 14 ноября 1905 года его уволили от службы «за окончанием военных действий», а 28 ноября наградили чином штабс-капитана с оставлением в отставке. В его послужном списке числятся серебряная медаль «За спасение погибавших» (дата и причина получения неизвестны) и медаль в память Священного Коронования Государя Императора Николая II (получена в 1897 году).

Выйдя в отставку, Михаил Васильевич до 1915 года служил сдаточным капитаном на Невском судостроительном заводе, а затем перешёл на Петербургский металлический завод, где занимал ту же должность. В 1916 году Николаева командировали в Великобританию, в качестве наблюдающего за постройкой ледоколов, заказанных Россией.

В сентябре 1918 года М.В. Николаев прибыл в Мурманск, а оттуда на ледоколе «Илья Муромец» (ставшем на некоторое время его местом службы) – в Архангельск. В 1919 году он принял участие в Карской экспедиции в качестве начальника хозяйственной части. Основной задачей плавания, организованного по инициативе капитана 1 ранга Б.А. Вилькицкого, было осуществление экспортно-импортных операций в устье Оби (эти страницы истории Арктики освещались мною, в том числе и в «Мире Севера» № 3, 2019).

4 ноября 1919 года приказом командующего Морскими силами и главного командира портов Северной области М.В. Николаева зачислили на службу прежним чином штабс-капитана

по Адмиралтейству с назначением начальником Охраны водного района Архангельского порта. Постановлением Временного правительства Северной области от 17 ноября 1919 года Николаев произвели в чин капитана по Адмиралтейству «за труды и блестящее выполнение работы по организации морской экспедиции в Сибирь». 13 декабря М.В. Николаев вошёл в состав комиссии, созданной для урегулирования вопросов о службе, найме и комплектации ледоколов и ледокольных судов, возвращающихся из Англии в Северную область. Комиссию возглавил соплавател Михаил Васильевича по «Ермаку» А.А. Эльзенгер.

После того, как Архангельск был захвачен Красной армией, Николаев остался на своём посту. Его должность стала именоваться – начальник охраны Архангельского водного района и морского транспорта. В 1920 году он возглавил проведённую во многом по его инициативе Сибирскую морскую экспедицию (в литературе часто именуется Сибирской хлебной), проходившую с 7 августа по 6 октября 1920 года. Несмотря на непростые условия её проведения, основную задачу – доставку зерна в Архангельск экспедиция выполнила. По материалам, собранным во время плавания Николаев написал руководство – «Указание для плавания во льдах Белого моря», изданное в 1922 году.

В 1921 году М.В. Николаев вновь отправился знакомым ему путём в качестве заместителя начальника Карской товарообменной экспедиции и капитана парохода «Обь».

С 5 октября 1921 года по 4 апреля

1922 года он командовал ледорезом «Фёдор Литке». Это был непростой период в истории судна. Из-за плохого технического состояния оно не имело возможности работать во льдах. Но Николаев верил в блестящее будущее «белого лебедя ледокольного флота» и его надежды оправдались (в том числе и благодаря его сыну – Н.М. Николаеву).

31 декабря 1921 года капитан ледореза направил рапорт начальнику Мурманского торгового порта, в котором аргументировано отстаивал необходимость скорейшего ремонта «Фёдора Литке» и ввода его в эксплуатацию. Строки официального документа, кажется, так и дышат любовью моряка к своему судну и тревогой за его судьбу.

«Ледокол «Фёдор Литке» может быть использован и для перевозки грузов и пассажиров, одновременно с исполнением своих прямых функций по проводке судов во льду.

Имеющиеся спасательные средства дают возможность откачивать до 850 тонн воды в час с гибнущего другого судна. В случае же получения аварии самим ледоколом, его водоотливные средства способны выбросить за борт до 3000 тонн воды в час.

Ледокол разделён 9-ю капитальными водонепроницаемыми переборками и имеет гидравлическую систему для задривания дверей в переборках непосредственно с мостика самим командиром. Это устройство даёт колоссальные преимущества вверенному мне ледоколу перед всеми прочими ледоколами и судами РСФСР, так как на них имеются лишь обыкновенные механические приспособления для задривания дверей, весьма медленные, требующие много людей и времени для выполнения действия, не говоря уже о том, что очень часто в минуту аварии растерявшаяся или новая команда будет неспособна совершенно задрать двери, а из-за этого возможна потеря самого судна.

Что же касается ледокольных качеств, то в этом отношении л/к «Фёдор Литке» смело может конкурировать с лучшими ледоколами: «Ленин» и «Святогор», а при проходе в битом льду, торосах и ледяной каше не имеет соперников. Незаменимое качество этого ледокола [заключается] в том, что он не застрекает ни в каких льдах и моментально сходит назад, тогда как другим ледоколам для этого при-

ходится прибегать к перекачке воды с носа на корму и с борта на борт, т. е. раскачиванию ледокола и заводу ледяных якорей – работе очень затруднительной и сопряжённой с большой потерей времени.

Будучи одним из наиболее мощных и удобных ледоколов, «Фёдор Литке» обладает в то же время хорошими мореходными качествами, отличаясь этим от прочих ледоколов, каковые, как известно, очень плохо держатся на волне.

Эти ценные преимущества вверенного мне ледокола перед всеми существующими судами этого типа говорят за то, что он с большой пользой может быть утилизирован в любом из замёрзших морей нашей Республики. Для экстренных и срочных поручений в зимнее время «Фёдор Литке» незаменим.

В летнее время он, имеющий автоматическую буксирную лебёдку и все необходимые технические устройства, мог бы быть назначаем в Сибирскую морскую экспедицию, так как, благодаря своей быстроходности и несравненной способности продвижения в торосах и плавучих льдах является лучшим разведчиком и лидером для судов, идущих в Карское море.

Полагаю, что сказанного достаточно, чтобы видеть, какую огромную пользу для Республики может принести вверенный мне ледокол при правильной его эксплуатации, а посему прошу Вас довести об этом до сведения ЦУМОРА и ходатайствовать о скорейшей постановке ледокола в ремонт, каковой, в крайнем случае, мог бы быть ограничен переключкой ледяного пояса, осмотром и, в случае необходимости, сменой правого кронштейна гребного вала и частичной сменой и конопаткой верхней палубы, что потребует лишь небольших денежных затрат и незначительной потери времени.

В настоящее время, хотя «Фёдор Литке», лишённый комиссией Беломортрана [Беломорского областного управления водного транспорта] права плавания во льдах и поставлен на зимовку в порту, но я не сомневаюсь, что через две недели с момента получения приказа начать кампанию, ледокол ещё сможет выйти по назначению и работать там, где это понадобится в течение ледокольного периода 1922 года, до

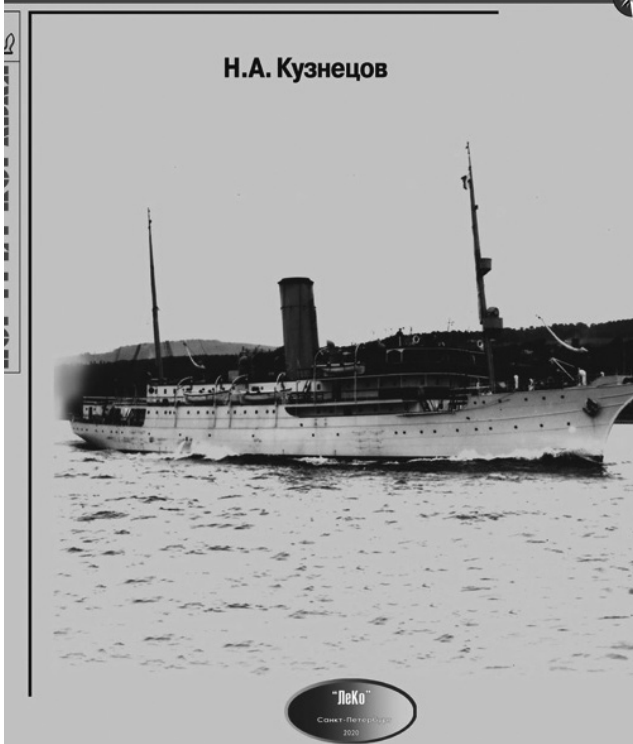
Выпуск

2

2020

Ледорез «Федор Литке» – «белый лебедь» ледокольного флота

Н.А. Кузнецов

наступления навигации и постановки его в ремонт».

В 1922 году Михаил Васильевич возглавил очередную Карскую экспедицию (будучи одновременно капитаном ледокола «Ленин»). После её завершения его назначили начальником Ледокольной флотилии Балтийского моря. До мая 1924 года под его руководством обеспечивалась проводка судов (прежде всего иностранных) в Петроградский порт. В 1925 году он вновь возглавил Карскую товарообменную экспедицию, а затем, командуя ледоколом «Ленин», руководил ледокольной компанией на Балтике. Предполагалось, что в 1926 году Михаил Васильевич вновь отправится в плавание в устье сибирских рек, но напряжённая работа подорвала его здоровье и 18 апреля 1926 года М.В. Николаев скоропостижно скончался на борту ледокола «Ленин».

По вопросам приобретения книги Никиты Кузнецова можно обращаться непосредственно к автору по электронной почте: nikita-k1978@yandex.ru.

Шпильки всесильного партаппарата: Виктор Конецкий

У Виктора Конецкого была блестящая анкета. Судите сами: член партии, дипломированный штурман дальнего плавания, литератор... Таким людям партаппаратчики обычно покровительствовали. Но не в случае Конецкого. Партфункционеры каким-то чутьём сразу уловили в нём что-то чужое и стали ему всячески пакостить. И это несмотря на то, что опытному моряку-рассказчику благоволил адмирал советской литературы Леонид Соболев. Именно Соболев помог Конецкому вступить в Союз писателей, хотя рекомендации молодому автору дали люди, с которыми наш адмирал имел много идейных и творческих расхождений, – Леонид Рахманин, Вера Панова и Михаил Светлов.

15 апреля 1958 года Леонид Соболев как председатель Оргкомитета Союза писателей России и ответственный секретарь этого оргкомитета В.Архангельский обратились в ЦК КПСС. Они писали:

«Оргкомитет Союза Писателей РСФСР ходатайствует перед Вами о разрешении члену КПСС, члену Союза писателей СССР т. Конецкому Виктору Викторовичу совершить заграничное плавание на одном из судов Советского морского транспортного флота.

т. Конецкий В.В. является писателем-маринистом. В настоящее время он работает над книгой о людях Советского транспортного флота. Главная тема книги – повседневный труд наших моряков в тяжёлых условиях длительного отрыва от Родины, часто в окружении капиталистического мира.

Для непосредственного изучения материала – жизни и труда героев будущей книги т. Конецкому В.В. необходимо принять самому участие в каком-либо трудном и долгом рейсе.

Согласие Министерства Морского флота на пребывание т. Конецкого В.В. на судах Министерства нами получено от начальника управления кадров М.М.Ф. т. Санеко Г.А., а Балтийское Государственное Морское пароходство в лице начальника пароходства т. Логинова Н.П. готово, по получении т. Конецким В.В. заграничного допуска, оформить его дублёром помощника капитана (т. Конецкий В.В. имеет судоводительский диплом капитана малого плавания) в рейс на порты острова Куба или Народного Китая.

Считая своим основным принципом укрепление связей писателей с жизнью героев их книг, Оргкомитет Союза Писателей РСФСР просит Вас дать разрешение на выезд в заграничное плавание члену ССП СССР т. Конецкому В.В.

Приложение: Анкетная справка на т. Конецкого В.В. в одном экземпляре» (РГАНИ, ф. 5, оп. 37, д. 49, л. 24).

Обычно всё, что просил Соболев, партаппаратом удовлетворялось немедленно. Ибо партфункционеры знали, что Соболева в своё время ценил сам Сталин, а потом этого писателя возвысил новый советский лидер Никита Хрущёв. Но в этом случае партийная бюрократия взбрыкну-

ла. А что вы хотели? Ведь Конецкий был для неё чужаком.

2 июня 1958 года заместитель заведующего отделом науки, школ и культуры ЦК КПСС по РСФСР Зоя Туманова и инструктор этого отдела Михаил Колядич направили руководству свои возражения. Они сообщили:

«Оргкомитет Союза писателей РСФСР просит разрешить молодому литератору тов. Конецкому В.В. совершить заграничное плавание на одном из судов Советского морского транспортного флота для написания книги о советских морях».

В.Конецкий 1929 года рождения, русский, член КПСС, 28 марта 1958 года принят в члены Союза писателей СССР. Профессиональным литературным трудом занимается с 1956 года, до этого находился на военной службе. Он является автором двух небольших книжечек рассказов и очерков: «Сквозняк» и «Заиндевелые провода», ранее печатавшихся в периодической печати.

Отдел науки, школ и культуры ЦК КПСС по РСФСР не поддерживает просьбу Оргкомитета Союза писателей РСФСР о разрешении выезда Конецкому В.В. в заграничное плавание, считает её преждевременной, поскольку он ещё недостаточно проявил себя как литератор.

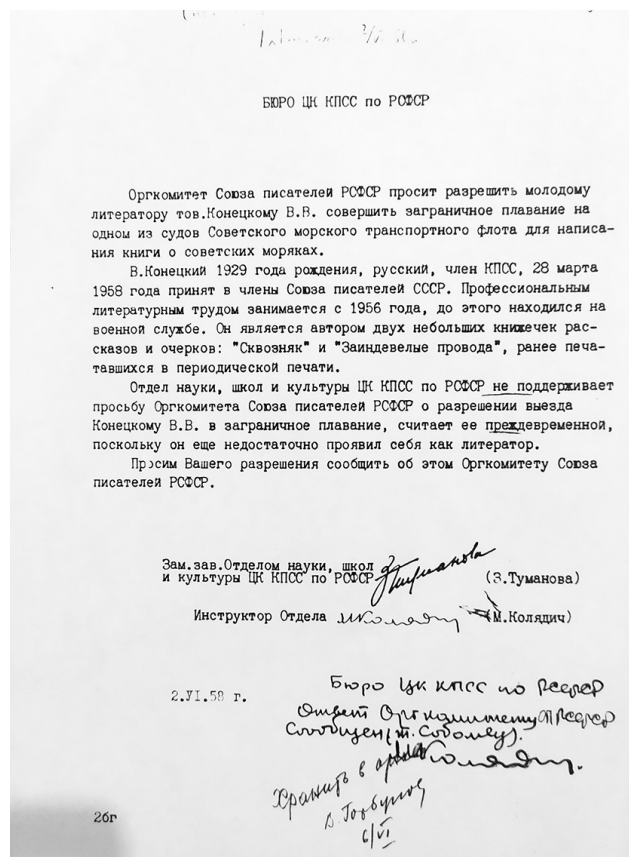
Просим Вашего разрешения сообщить об этом Оргкомитету Союза писателей РСФСР» (РГАНИ, ф. 5, оп. 37, д. 49, л. 25).

На записке Тумановой и Колядича осталась помета секретаря ЦК КПСС Петра Поспелова: «Согласиться».

Сам Конецкий, ещё не зная, что партаппарат зарубил ему заграничное плавание, пребывал в благодушном настроении. Ему неплохо писалось. 23 мая 1958 года он одну из новых своих вещей – «После дождя» – направил в только что созданную писательскую газету «Литература и жизнь».

«Уважаемая редакция! – писал Конецкий. – Посылаю Вам маленький то ли рассказик, то ли этюд. Ей богу, сам не знаю, что это за жанр.

Коротко о себе: родился в 29, по специальности – морской штурман. Первая книжка – сборник рассказов «Сквозняк» вышла в Лен. отд. «Сов. Писателя» в пошлом году. Всероссийский семинар молодых прозаиков рекомендовал меня в Союз. Куда и принят в марте этого года. Вот и всё.

Мой адрес: Ленинград, центр, канал Крунштейна д. 9 кв. 19, Конецкий Виктор Викторович» (РГАЛИ, ф. 1572, оп. 1, д. 25, л. 109).

В редакции присланную рукопись рассмотрел Андрей Фесенко, который прежде работал в отделе литературы в газете «Известия». Но ему сочинение молодого автора не понравилось. 30 июня 1958 года он коротко ответил:

«Уважаемый тов. Конецкий!

Ваш рассказ «После дождя» напечатать не сможем. Надеемся, Вы пришлёте нам серьёзный и более простой, не столь «изящный» рассказ» (РГАЛИ, ф. 1572, оп. 1, д. 25, л. 114).

Конецкий, хотя и обиделся, но полностью, надо отдать ему должное, порываться с редакцией недавно созданной газеты не стал. К тому же он не знал, куда пристроить другую свою вещицу «К причалу» – о приключениях пятнадцатилетнего паренька, попавшего на спасательного буксире в Арктику.

Одной из первых эту вещицу прочитала Вера Панова. Именитой писательнице очень хотелось помочь молодому авто-

ру. Тут как раз в «Новый мир» вернулся Твардовский. И Панова под каким-то предлогом порекомендовала Твардовскому рассказ Конецкого.

Ответ пришёл быстро. Уже 22 июля 1958 года Твардовский сообщил Пановой:

«Рассказ В.Конецкого прочёл. Спору нет, это человек способный, и рассказ вполне грамотный литературно, более того, он обладает известным запасом занимательности, способной удерживать некоторое время внимание читателя. Но рассказ этот не для «Нового мира», скорее для «Юности», «Огонька», «Вокруг света» и т.п. Дело в том, что это не более как чтение, – то, что рассказ написан, не забываешь ни на одну минуту. И написан он от чтения подобных историй на море и на суше, а не от иных побудительных причин. Ни одним краем он не смыкается, не соприкасается с подлинной жизнью, он скорее уводит от неё, от скучной и обыденной жизни в область занятого, сладостно-страшного, взятого издалека, без непосредственного риска для читателя самому соприкоснуться с испытаниями, выпавшими на долю отважной четвёрки, погибающей вместе со своей «посудиной» в штормовом северном море. Мне невольно пришла на память история гибели «Руслана», рассказанная Соколовым-Микитовым в очерке о спасении «Малыгина». Там я не мог читать без слёз, и дело не только в фактической подлинности страданий и гибели тех людей примерно в этих же северных водах. А в том, что писатель попросту заставил меня предварительно полюбить их, привыкнуть к ним житейски. А тут, по совести, мне никого не жаль из гибнущих, они для меня не люди, а герои рассказа, предназначенного взволновать меня, читателя, крайней остротой ситуации, жертвенной лихостью боцмана Росомахи, обрубавшего трос, связывавший до сих пор его посудину с буксиром и дававший ещё надежду на спасение. И автор знает, что мне их не жаль, он, например, озаботился тем, чтобы придумать боцману Росомахе сентиментально-пошловатую историю сближения с некой условной Машей, которая теперь ждёт его на берегу. Но Маша, как и некая Галка для другого члена экипажа погибающей «Даго», – она мне тоже не близка и не дорога, ибо её нет на самом деле, она освобождена от примет живого лица, каким может и должно быть лицо вымышленное. Так что они гибнут, а я буду чай пить, и я прав: не по кому мне здесь плакать.

Но может быть, общая идея морского долга взволнует меня? Нет, потому что всё это так, чтобы только наскипидарить читателя, всё для эффекта, для того, чтобы было как можно красивее. Ну те-ка сравните «жертвенность» «Звезды» Казакевича с этой: сразу станет ясно, что там жизнь, там боль, а здесь, повторяю, чтение для читателя невзыскательного вкуса.

Скажу прямо, не будь это Ваша рекомендация, я не дочитал бы рассказа до конца, поручил бы кому-нибудь из редакции. Словом, для нас эта вещь не подходит, хотя скажу и то, что не вижу в ней ничего, что могло бы быть предметом «осуждения» в смысле идейной направленности, – вообще такие мерки к этому рассказу неприложимы.

Однако всё вышесказанное не противоречит тому, что я очень благодарю Вас, Вера Фёдоровна, за рекомендацию рукописей и прошу впредь направлять нам всё, что Вы будете считать подходящим. Конечно, Вы можете показать это письмо автору рассказа, отдельно я ему не пишу, так как рассказ получил не от него, а от Вас. Читать рассказ кому-нибудь ещё в редакции не даю, имея в виду, что Вы хотели знать моё личное мнение».

Панова оказалась в сложной ситуации. Она уже знала, что Конецкий этим рассказом собирался открыть свою вторую книгу. Но после негативного отзыва Твардовского возникли сомнения: может, действительно, от «Причала...» молодому писателю следовало воздержаться.

В общем, вскоре Панова от этой вещицы Конецкого отступилась. 12 сентября 1958 года она во внутренней рецензии на рукопись второй книги Конецкого предложила автору ещё раз вернуться к тексту и «сделать несколько тоньше и тактичней размышления Росомахи о героизме», а главное – отказаться от идеи открыть «Причалом...» сборник.

Но Конецкий, не зная о критических оценках Твардовского, продолжал упорствовать и искать способы протолкнуть свою Росомаху в печать. Попочь ему в этом вызвался московский друг Юрий Казаков. Тот пообещал переговорить с редактором журнала «Знамя» Вадимом Кожевниковым. Но и в «Знамени» к «Причалу» отнеслись прохладно.

А согласилась опубликовать рассказ редакция новой писательской газеты «Литература и жизнь». Номер с «Причалом» Конецкого вышел 29 октября 1958 года.

За этот рассказ потом ухватилась киностудия «Мосфильм». Возможно, москов-

ские киношники хотели переплюнуть ленинградских коллег, которые в то время по сценарию Конецкого снимали фильм «Полосатый рейс».

В 1960 году киношное начальство предложило рассказ «К причалу» экранизировать Георгию Данелия, который только-только выпустил по мотивам повести Веры Пановой свой первый фильм «Серёжа». Одновременно в Москву для переговоров был вызван Конецкий.

«Конецкий, – вспоминал Данелия, – невзлюбил меня сразу: я встретил его босой и с перевёрнутыми штанами. Был приготовлен обед, на кухне был накрыт стол... Но я обещал маме натереть пол и не рассчитал время. А Виктор Викторович решил, что это пренебрежение зазнавшегося столичного киношника к неизвестному (тогда) автору. Но это ещё не всё. Ещё больше он меня возненавидел, когда мы заговорили о сценарии и я сказал, что боцман Росомаха мне не очень интересен. И что меня больше интересует атмосфера и настроение».

Данелия не знал, что этого боцмана Конецкий взял из жизни (в 1952–1953 годах писатель с ним плывал на одном спасательном судне) и что писатель в чём-то равнялся на него.

В начале осени 1960 года у писателя и режиссёра появилась возможность вместе пройти по Северному Ледовитому океану на сухогрузе «Леваневский» из Тикси до Мурманска. Данелия и Конецкий жили в одной каюте. Времени обсудить сценарий и детали будущего фильма у них оказалось предостаточно: два с половиной месяца. К концу маршрута они были готовы друг друга удавить.

Но родные Конецкого этого-то не знали. Мать молодого писателя очень переживала за сына. Она ждала от него радиотелеграмм. А Конецкий первый месяц молчал. Не вытерпев, мать писателя деликатно обратилась за помощью к Пановой.

Что произошло дальше, позже реконструировал Конецкий. Он писал:

«На ту беду, Вера Фёдоровна хватанула на мизере пару взяток и на деликатный вопрос моей мамы, швырнув карты на стол, рывкнула:

– Какого чёрта! От них, видите ли, нет телеграмм! Неужели вам непонятно, что если ваш сын и грузин Данелия сошлись где-то во льдах, то это означает, что они запили не только всерьёз, но и надолго?

Мама очень обиделась. Заревела. И дол-

го рисовала на Веру Фёдоровну свой женский зуб.

Но!..

2. Она отлично знала психологию своего режиссёра и его сценариста.

3. Всё это не помешало ей рекомендовать меня в Союз писателей СССР. Её рекомендация была ужасно длинной.

Вторую рекомендацию мне дал Рахманов. Третью я попросил у Михаила Светлова».

Вернусь в арктическому путешествию режиссёра и писателя. Какое-то время Данелия думал, что Конецкий только к нему предьявлял претензии творческого порядка. Нет: в вопросах творчества Конецкий был суров со всеми. Он не терпел ни фальши, ни халтуры, ни разгильдяйства. На этой почве он весной 1959 года разругался с редакцией журнала «Москва». А из-за чего? Из-за необязательности сотрудников издания. Почитайте, что Конецкий 6 мая написал заведующему отделом прозы «Москвы».

«Ровно два месяца назад я выслал на Ваше имя рассказ об А.П. Чехове под названием «Две осени». Объём рассказа меньше авторского листа.

Считаю, что прошедшего времени вполне достаточно для прочтения рукописи членами даже десяти редколлегий.

Прошу срочно сообщить мне о судьбе рассказа с объяснением причин такой задержки. Как человек порядочный, я всё это время рассказ никуда не давал и не показывал, поэтому потеря шестидесяти дней меня отнюдь не радует.

Ленинград

В.Конецкий» (РГАЛИ, ф. 2931, оп. 1, д. 25, л. 29).

Тут что важно отметить! Конецкому этот рассказ был очень дорог. Работа над ним, по словам писателя, началась ещё в 1954 году, когда Конецкий ждал рейсовый катер из посёлка Дровяное в Мурманск, а продолжилась на спасательном судне «Вайгач».

«Я помню, – рассказывал Конецкий в январе 1961 года во время своего выступления по Ленинградскому телевидению, – как, сидя в своей каюте на спасательном судне «Вайгач», читал о Чехове и удивлялся непонятности Антона Павловича как человека. Противоречивости его. Вероятно, не многие знают о том, что Чехов был великолепный прыгун в воду. С самого детства

ва на лбу его, скрытый под волосами, был шрам – след неудачного прыжка в воду, когда камень раскроил голову. А когда Чехов возвращался с Сахалина, он развлекался тем, что прыгал за борт с носа идущего полным ходом океанского судна, а потом ловил трос, свисающий с кормы, и по этому тросу забирался назад. Для такого трюка мало быть смелым и ловким. Нужно ещё где-то быть и озорником. Как-то совсем не вяжется строгая внешность Антона Павловича, его близорукость, пенсне, с таким озорством».

Конецкий считал, что у Чехова была какая-то несчастная любовь. Он связывал личную трагедию писателя с подругой Маши Чеховой – Ликой Мизиновой, которая послужила прототипом главной героини «Чайки» – Нины Заречной.

«Я, – вспоминал Конецкий в 1961 году, – уже начал работать над рассказом, когда узнал, что Бунин считал, что никакого увлечения Ликой у Чехова не было. Только она была влюблена в него. Но не мне было спорить с Иваном Буниным. Вообще-то, что я – молодой писатель – взялся писать о Чехове – это большое нахальство. Больше того – где-то это безобразие. Но только сегодня, когда вышла книга («Камни под водой». – Ред.), я понял это. Писатель Нагибин недавно сказал мне, что он несколько удивлён моей бесцеремонностью. Он прав. Оправдываться можно только тем, что я люблю Чехова больше всех других русских классиков.

Я ни разу не назвал в рассказе имени Лики Мизиновой, хотя цитировал её письма. Я написал только про то, как Чехов работал над «Чайкой», как «Чайка» провалилась на первом представлении в Александрийском театре и как невыносимо плохо было в ту ночь Чехову. Как он ходил по мокрому осеннему Петербургу и думал о том, что не всегда талант помогает жить тому, кто имеет его. Зато он, талант, всегда светит для многих помогает так, как сегодня помогают нам книги Чехова».

Уже под занавес 1960 года в Мурманске начались съёмки фильма «Путь к причалу».

На роль боцмана Росомахи Дanelия пригласил Бориса Андреева, а роль 15-летнего Васьки он доверил Александру Метёлкину. В картине были задействованы также Любовь Соколова, Георгий Вицин, Людмила Иванова, Сергей Никонен-

ко, другие актёры, которые потом стали звёздами советского кино.

Проблемы с фильмом у Дanelия возникали чуть ли не на каждом шагу. Он хотел, чтобы в картине прозвучала хорошая музыка. Но где было найти нужного композитора? Музыкальный редактор «Мосфильма» порекомендовал режиссёру ленинградского композитора Андрея Петрова. Но ту музыку, которую предложил маэстро, некоторые начальники встретили в штыки. Она показалась им несоветской.

Не всё просто оказалось и со стихами, которые должен был переложить на музыку Петров. Дanelия отдал предпочтение текстам бывшего моряка Григория Поженяна. А у того в оригинале было всего два текста. Петров же сочинил мелодию, рассчитанную на три акта. Поэт потребовал выкинуть из музыки лишнее, по его мнению, текст. А композитор стоял на своём.

В фильме заглавную песню – она получила название «Песня о друге» – исполнили Валентин Никулин и Бруно Оя. Но народ запомнил её в исполнениях Эдуарда Хилия и Олега Анофриева.

Да, на экраны картина под названием «Путь к причалу» вышла в 1962 году.

Конецкий уже стал широко печатаемым автором. Его полюбили в журналах. Так, «Знамя» дал рассказ молодого автора «Ещё о войне». Но ему по-прежнему был закрыт ход в заграничье. Для инстанций он оставался подозрительным элементом.

Осенью 1962 года Конецкий вынужден был обратиться в отдел культуры ЦК КПСС.

«Черноуцан [завсектором литературы ЦК. – В.О.] – сообщил писателю 8 ноября 1962 года Александр Борщаговский, – говорил мне, что получил Ваше письмо. Он очень сочувственно отнёсся к Вашей идее заграничье. Вероятно, нужно напомнить ему о письме, дел у него сейчас по горло. Желаю Вам успехов и всяческого добра!».

Но с успехами не сложилось. Вскоре с Конецким приключилась большая беда. Частые пьяные загулы в конце 1963 года привели его в пятое наркологическое отделение Бехтеровской больницы. Из него он выкарабкался лишь чудом. Но стоило Конецкому оклематься, он сразу стал проситься в море.

Вячеслав ОГРЫЗКО

Диана АРБЕНИНА

Я – человек северный

«А что же прожито, а что же понято? Какие истины открыла для себя? Правил тысячи, а истин множество, и всё же исповедь – вот первая звезда». Для Дианы Арбениной эта звезда – северная, и о ней она исповедалась в ходе нашей беседы о музыке, поэзии и прозе. Становление знаменитой рокерши, холод русского Севера, бриллианты, зола и револьвер у виска – в беседе Дианы Арбениной с Александром Рязанцевым.

– Вы родились в Белоруссии, но детство провели на русском Севере. Какой регион – Магаданская область, Чукотка или Колыма, – запомнился вам сильнее всего? Какая между ними разница, что можете про них рассказать?

– На Чукотке прошло моё раннее детство, на Колыме – его подростковая часть. К Чукотке я отношусь очень нежно. К Колыме – как к месту своего становления. Что касается Магадана, то там были написаны первые песни, но этот город не казался мне родным. Кстати, я там и не задержалась надолго, жила там всего лишь два с половиной года, пока училась.

– Повлиял ли Север на ваше творчество? Чем он отличается от Центра или Юга?

– Я не раз уже говорила о том, что на Колыме всё определяет погода. Действительно, когда при шквальном ветре вас ведут в садик, и на улице всего минус 15 – это одно состояние, а когда минус 60, нет ветра, и мороз стоит, то ты чувствуешь себя иначе. Потому, когда тебя окружают сопки и наст, как это было на Чукотке, то ты впитываешь в себя совершенно конкретную философию природы, а с ней, как это ни странно, и философию жизни. Колыма вообще сродни Орегону, если говорить про Америку, или Корсику, если представить Европу, там более привычная для нас природа. Что касается Чукотки, то это вообще какое-то заповедное место.

Второго такого я не встречала, за исключением, возможно, Каймановых островов.

Так что да, Север не просто повлиял на моё творчество, он меня воспитал. Во мне нет ничего от средней полосы России, нет ничего от юга. Всё, что я делала и в творчестве, и в созидании себя как человека, было напрямую связано с местами, где прошло моё детство.

Могу сказать совершенно точно, что я северный человек. Не человек Москвы, не человек средней полосы, не человек Краснодарского края... Мне близок Санкт-Петербург, он своей сдержанностью напоминает Чукотку моего детства, но нет ни одной точки на карте мира, кроме Чукотки и Колымы, о которой я могла бы смело сказать, что здесь мой родной дом.

– Есть ли разница между стихотворением и песней?

– Между ними нет ничего общего. Для меня это абсолютно разные жанры, не близкие ни по состоянию, в которых пишутся, ни по видимому результату. При том, что и в том, и в другом случае я действую, разумеется, лишь по вдохновению, когда я пишу песню, я всегда чувствую, какой она будет в конечном итоге. С прозой всё иначе.

– Вы предпочитаете писать от лица мужчины или женщины?

– Я не пишу от лица мужчины или женщины. Гендер определяет главный герой повествования, к которому я отношусь опосредованно, только как автор, человек, который водит рукой по листу бумаги, придумывая сюжет. Я

не идентифицирую себя с героями моих рассказов. Я их люблю, жалею, иногда ненавижу, но это не я. В противном случае мне было бы не слабо назвать всё это «автобиографическими историями».

– Я часто слушаю русский рок и всем сердцем люблю многие тексты знаменитых групп. Но, когда пытаюсь читать эти тексты глазами, в отрыве от песни, то не испытываю того удовольствия, что при прослушивании. Может ли текст существовать без песни?

– Вы сами ответили на этот вопрос. Текст, написанный специально для песни, не самостоятелен без мелодии. Что касается стихотворения, то в нём мы можем найти только ритмическую основу, которая к музыкальной фразе имеет опосредованное отношение. То есть, текст песни может быть абсолютно корявым, неярким и невразумительным, но как только он ложится на музыкальную фразу, то становится бриллиантом. Стихотворение же – либо бриллиант, либо зола.

И я, в отличие от вас, нечасто слушаю русский рок. Честнее сказать, я его вообще не слушаю. Для меня он остался в 90-х. Тогда были личности, теперь я их не вижу. Кстати, и Гребенщиков, и Цой, и Майк тоже писали в общем-то не стихотворения, а тексты песен, но они были самодостаточны и имели мистический шарм. Что касается современных текстов, то я очень часто жалею, что у меня нет метафорического револьвера, который я могла бы

приставить к своему виску и нажать на курок, потому что то, что я вынуждена слышать, не поддаётся никакой критике, и уж точно мой мозг отказывается соглашаться с тем, что он слышит.

– Расскажите о ваших творческих планах. Вы планируете работать с большим прицелом на музыку или литературу?

– Моя жизнь довольно хаотична. Я живу и делаю, по большому счёту, то, что мне нравится в определённый момент. Конечно, прежде всего, я музыкант. Музыка определяет мою профессиональную жизнь и то, чем я занимаюсь. Что касается литературы, то она уже, к сожалению, не может стать основным делом моей жизни, но я с большим наслаждением ей отдаю, когда это возможно.

– Какие у вас любимые поэты и прозаики? Кого сейчас читаете?

– Поэт – был и остаётся Бродский. И его «Часть речи» всегда лежит у меня на дне гастрольного чемодана. Что касается прозы, то читаю я довольно много – из последнего современного читала Степнову, Рэнд, Тартт, Уильямса, Курниавана. Недавно перечитала «Братьев Карамазовых» Достоевского. Я перечитываю редко, но метко, – только любимых авторов. Никогда не устаю от Набокова.

– У Вас есть альбом «Выживут только влюблённые». Такое название – дань уважения Джиму Джармушу? Какие у него фильмы любите?

– У Джармуша люблю «Мертвеца», «Ночь на Земле» и «Пёс-призрак». А «Выживут

только любовники» – для меня мрачный фильм, какой-то утрированный. И даже марокканские тёмные ночные интерьеры наводят на меня тоску. Мне ближе более радостная, красивая и сочная картинка, как, например, у Бертолуччи, которого люблю всего, от начала до конца.

– Вы сотрудничаете с театрами? Не хотели бы написать пьесу или рок-оперу? Какие постановки столичных театров готовы посоветовать?

– Я люблю «Гоголь-центр», бываю там регулярно и смотрю практически все постановки. Кирилл Серебренников – несомненно, европейский режиссёр, и, мне кажется, ему вообще не знакома конъюнктура и такой, знаете, околотеатральный хайп. Давно не была в театре Петра Фоменко, последний раз смотрела там «Письмовник» Шишкина, и меня пробрало до костей. Собираюсь в Театр Наций на спектакль «Горбачёв» с прекрасным дуэтом Евгения Миронова и Чулпан Хаматовой. Если же говорить о том, хотела бы я написать пьесу или рок-оперу – никогда не думала об этом, мне скорее интересно написать сценарий.

– Что изменилось в Вас за последние 15 лет? А что осталось прежним?

– Да ничего не изменилось, я просто начала курить... Всё остальное – без изменений (улыбается).

Беседу вёл Александр РЯЗАНЦЕВ

Кадр из к/ф "Ночь на Земле", реж. Д. Джармуш

ТРАВА СПАСЁТ МИР

*За последние годы в России убито более
20 миллионов не рождённых детей.*

1.

«Хлещущий пульсирующий гул. Продирался через толпы снующих туда-сюда мёртвых и умирающих мира сего. Где он?! Где он?! – Вопили тысячи тысяч тварей. Где он?! – громогласно стонало Чудовище, жаждущее испить воду зародыша. Твари упорно ползали по осклизлым чёрным стенам подземелий, падали, вопя тонюсенькими голосами, подпрыгивали снизу, просачивались сквозь толщи стен из тьмы бесконечности, тащили на себе сотни вредных существ, погибали под ногами живых «мертвецов». Отталкивая трупы, пробирался вперёд-назад-влево-вправо. Они падали. И конечности их отрывались. И какое-то время жили сами по себе, стремясь с тупой целенаправленностью.

Вонючая жижа чавкала и стонала под ногами. Нечто могучее, чёрное и беспомощное причитало: «Господи, Ты – Зло! И Духи твоих народов все злы. Они вольны лишать удачи или дать добычу. Боги могут наказывать беспредельно, истязать невыносимо, чтобы «проверить силу веры в себя». Се зло! Зло, требующее божественного оправдания, придуманное властителями!

Смотри! – И увидел на краткий миг различных богов, всех времён и народов, сидящих в креслах золотых и возлежащих на облаках – белоснежных ложах, и пляшущих видел среди диковинных цве-

тов и вьющихся растений. Боги то смеялись громогласно, то сердито угрожали в величественном гневе, то пытались куда-то устремиться, не в силах вырваться из золочёных цепей, прикованных к ногам, потому что всё, что требует Поклонения – есть Зло. И ваши людские цепи – страх Божий, – в руках вождей, живущих гибелью людей. – Этот шёпот преследовал в подземном мире, не умолкая ни на миг, превращаясь в шуршание, бессвязное и полное ненависти.

И вот мир безысходности: комнаты без окон, без дверей, высокие потолки, гладкие стены... и вдруг огромная бело-голубая зала дворца. Всюду, по стенам, яркие цветы, причудливые картины, витражи, сияющие на лже-окнах. Посреди пустоты – блестящий хирургический стол. Над ним многоглазый фонарь – прожектор. С другого края помещения выползло деловитое чудовище с зелёными яростными глазами. Человеческое лицо этой гусеницы заросло седой щетиной. Перед собой чудовище держало инструмент. Тысячи чудовищ запищали со всех концов дворца Милосердия: «Выскребем! Выскребем! Пожрём да спать пойдём!». На хирургическом столе сосуд, наполненный водами Вселенной. А в нём маленький зародыш шевелился, словно стремился убежать. Я схватил сосуд и помчался на свет. И далее по солнечному лучу вверх, вверх... и распахнулось великое пространство сине-зелёное. Внизу, кажущаяся чёрной, Верхняя Ангара. И прекрасная тайга! Она не сплошь лес, как мне думалось. А всюду сотни озёр, проток, речек, холмов,

поросших соснами, болота, травянистые долины и кустарниковые мари. А вот и БАМ – змеей прорезает долину от окоёма до окоёма. Отыскал в высоченных скалах ровную площадку, спрятал в камнях сосуд. Собрал по округе высокогорное растение – траву Яндони, траву шаманскую, убивающую заразу. Обложил травой чудесный сосуд. Травы спасёт нас во время Битвы с чудовищами. Битва происходила страшная и долгая. И, наконец, выполз из ущелья змей-дракон, сверкая огненными красными глазами. Началось беспамятное смертельное сражение. На исходе сил я вскочил на чудовище. Оно поползло стремительно к краю глубочайшей пропасти сбросить меня на острые камни. И ничего не оставалось, как грызть отвратительное месиво гигантского червяка. Догрыз до позвонков и перекусил какую-то жилу, и чудовище издохло. И наступила тишина, космическая тишина...»

– Ночью записал. Дней пять думал, вспоминал. И вот кое-что записал. Игра подсознания? Или что? И ещё там что-то было. Будто бы ты всё видел и слышал. А остальное «мы» тебе ещё доскажем, со временем. А где девочка Маша?

– Её увезли в Улан-Удэ. Отец с ней полетел. Да они уж там. Два часа полёта на АН-24.

– Значит, они победили?! Прости, я устал. Если что, не встану, ты уж прости меня, коли обидел тебя когда. Недолюбливал я тебя. При всех поправлял меня. Злился. Да видно зря. Всё зря!

– Ладно. Нет тут твоей вины. Выздоровливай. Завтра заеду. – Признание Семёна Петровича меня поразило. И я больше его не посещал. И запись больного бреда (тогда я сделал такой вывод), заставил себя прочитать.

2.

С Бандаковым Семёном Петровичем познакомился в 1996 году. Ему тогда уже за шестьдесят. Выпускник пединститута им. Герцена. Ученики дали ему прозвище «Банда». А дочь Светлану дразнили «Шайка». А позже «Бандитка». Я трудился учителем начальных классов. А он вёл математику и физику в старших классах. Однажды ко мне в дом влетели две девочки-старшеклассницы. Учились у меня в начальной школе. Им позволено со мной на «ты».

– Гурич, беги скорей к Семёну Петровичу! К Банде! Машка руки себе изрезала. Кровь хлещет. Таблетки возьми! – Какие там таблетки! Схватил чистую рубашку, на бегу разорвал на полосы. Маша лежала во дворе прямо на дорожке. Слышно: Семён Петрович кричал в трубку телефона. Перевязал глубокие порезы. Девочку начало тянуть судорогами. У Маши «по жизни» кожа мраморного цвета, стала тускло-серой. Девчонки торопились, совсем как прежде, высказаться. Но было не до них. Подхватив Машу на руки, выбежал в улицу. Старик и девочки бежали рядом. С фельдшером встретились на середине дамбы. Она успела

поставить укол, кажется, адреналина. А тут и «скорая» подоспела...

Долго стоял на коленях, уткнувшись в асфальт лбом и ладонями, «уговаривая» сердце успокоиться. Бандаков помог мне встать. Девочки отвели меня в сторону, стесняясь Семёна Петровича, хотя он всё слышал, рассказали: «Машка забеременела. Пока можно было – скрывала. Родители её выгнали. Отец отхлестал ремнём. И ещё кулаком ударил. Нос расквасил. Завтра хотят аборт ей сделать. Мама говорит, просто живот разрежут и вытащат всё! Вот она стеклом руки исполосовала. Мы к тебе её потащили. А она вдруг дёргаться начала. И глаза закатила! Поэтому к Банде затащили. И у него телефон!

– Ладно. Вы всё сделали правильно. И ничего никому не говорите. Идите, переоденьтесь. На рукавах пятна крови. Я вечером съезжу в больницу.

3.

У переулка Семён Петрович свернул, направляясь к усадьбе Машиной семьи.

– Не стоит этого делать, – сказал ему в спину. – Из больницы им позвонят.

– Да пошёл ты! – Не оборачиваясь. И чуть ли не побежал. Пришлось идти за ним. Когда подошёл к воротам, наш тщедушный физик подпрыгивал, размахивая руками, перед родителями и сестрой Маши. Вопил:

– Ей страшно! Ей страшно! Выбросили! – И рухнул, скрючившись.

– Ира! Вызывайте скорую! – Старшая сестра Маши заторопилась в дом. Я перевернул Семёна Петровича на спину, рванул воротник – пуговицы стрельнули. Достал из кармашка нитроглицерин, засовывал ему таблетку под язык. Но она почему-то выкатывалась. Отец Маши пробурчал:

– Защитники! Вам-то какое дело. Сегодня же за волосы и в больницу.

Мне стало дурно от возмущения.

– А она и так в больнице. Радуйтесь! Добились. Маша умирает. Вены перерезала сильно. Одна осталась во всём мире. А вы – не ваше дело! – Это был удар! Мать Маши бросилась в дом. А отец, Гавриил, покачиваясь, потащился следом.

Подъехала та же самая «скорая». Фельдшер, молоденькая бурятка, минут десять реанимировала физика, пока он не задышал нормально, а потом и застоялся. Пришли родители Маши, переодетые, в руках матери сумка.

– Ирина в больницу звонит. Я одежду ей взяла. Да питаться чем.

Но фельдшер резко отказала им:

– Добирайтесь сами. У меня тяжёлый! Второй за час... Девчонку кое-как довезла.

Рассказали, что Семён Петрович, очнувшись, будто что-то потерял, искал глазами, напряжённо и упорно. Увидев дочь, удивился: «Ты была с нами?»

«С кем?»

«Со мной и малышом! Я там, кажется, маму нашу углядел. Она очень тобой довольна. Я тоже тобой горжусь! Хорошо, что ты на меня не похожа. Совсем другая. Но поговорить с мамой не мог, было некогда...»

4.

Школу безответственные и тупоумные «реформаторы» нашу закрыли. И мне пришлось уехать работать в другое село. Семён Петрович, я интересовался, какое-то время работал электриком, потом в сельской администрации, а потом на покой. Скоро и мне пришлось уволиться. Таким, как я, в школе стало «не место». Для учителя гимназического типа репетиторство – смерть! Вернувшись в родное село, поразился стремительности разрушения. Село умирало. Молодые разъехались. Остались беспутные парни, без малейших перспектив осуществить своё право на продолжение рода, то есть завести семью и обрести смысл жизни. Не проходило и года, чтобы кто-то из них не заканчивал жизнь самоубийством. Я знал, что Семён Петрович здесь, тяжело болен. Долго не решался зайти к нему, а потом и вовсе отказался от затеи. Как-то дочь его встретила, попросила несколько дней побыть с ним. Преодолев необъяснимый страх, я пришёл. Старик сидел во дворе, среди высоченной травы, уронив голову на грудь. Серо-седые космы светились.

– Вам надо просто быть с ним. Он может упасть. Кормить и ухаживать за ним будет соработник. У меня с ней договор. Она его и спать уложит. Он не тягостный. Вы только дымокурчик поддерживайте. Гнилушки я приготовила. Так-то комаров немного.

Поставив рядом с коляской скамеечку, читал. Библиотека у него богатая. Поэтому я продолжал приходить, хотя надобность отпала – дочь вернулась из командировки. Каждое утро, если позволяла погода, его вывозили на траву. Огородом давно не пользовались, и он радостно зарос разнотравьем. К тому времени я научился уважать траву и цветы: они столько дают человеку и всему живому! И мясо, и молоко, и мёд, и лекарства. Эвон, вдоль оград, как разросся кипрей – чудотворный «Иван-чай».

Вздрыгнул. Семён Петрович замычал и силился повернуться к воротам, словно ждал кого-то. И, обессилив, уронил

голову на грудь. Минут через пять-шесть подкатила иномарка. Я закрыл книгу. Казалось, целая вечность прошла, когда ворота наконец-то отворились и во двор вбежал стройненький мальчик, лет шести, мне подумалось, белокожий, с редкой мраморной белостью. За ним явился пожилой, грузный мужчина. Он поздоровался и оцепенел, глядя на Бандакова. Мальчишка увлёкся бабочкой и бегал среди трав, не пытаясь её поймать, осторожно сгоняя с травы. Голосок радостно звенел на всю округу.

– Это Семён Петрович и есть? – спросил мужчина.

Я опять вздрогнул. Мне начало казаться, всё происходящее затеяно, чтобы доказать нечто великое и бесконечное.

– Да, – я не сводил взгляда с мальчишки. – Сколько ему?

– В третий класс перешёл! Отличник! Теперь он у меня ВСЁ!

Мальчик вернулся.

– Я просто с ней полетал. Её трогать нельзя. Она может погибнуть, если крылья тронуть. Пыльца сойдёт. Совсем как человек! – Он посмотрел на меня большущими синими глазами. – Пора прощаться? – Он осторожно подошёл к Семёну Петровичу, обнял за голову и сказал: – Я никому-никому не говорил, как мы летали в горы. И янда спасла нас. – Мальчик поцеловал старика в лоб, скорбно вздохнул, по-взрослому, и убежал к машине. Мужчина взял Семёна Петровича за плечи.

– Спасибо, что загрыз во мне зверя. За спасение спасибо! Надо будет, для дочери и для него, сердце своё вырву! – Он всхлипнул и ушёл. Машина развернулась и стремительно уехала. Старик опять замыкал и затих. На другой день я не застал старика на месте. На крыльцо вышла Светлана Семёновна.

– Папа умер, Гурич. Заходите. Я сейчас, ворота надо открыть настежь.

Покойник лежал в полутёмной спальне, на кровати. У стены на скамье сидели четыре старухи. Я был потрясён: Семён Петрович улыбался. Старухи заметили, что я ошарашен. Романова, бабушка, сказала:

– Светка тоже подумала, что он спит. Нет! Это он с Богом разговаривает. Царство ему Небесное!

Александр ЛАТКИН

село СТАРЫЙ УОЯН,
Республика Бурятия

ПИВА ХОШЬ?

В начале мая киногруппа Дальневосточной студии кинохроники отправлялась в дальний рейс – на Чукотку. Мы отплывали из Владивостока на борту ледокола «Москва» с караваном судов. Рейс выдался пробным. Никогда прежде пароходство не отправляло ледоколы на Север в такое время, когда льды ещё крепко держали взаперти посёлки Камчатки и Чукотки.

А Владивосток уже накрыла жара. Накануне отхода, мучимые жаждой, мы обошли все известные нам места, где можно было купить пива. Но даже в ресторане «Золотой рог» официанты лишь развели руками: «Чего нет, того нет».

Нам, хабаровчанам, дико было слушать такое. За дощатым забором киностудии, на берегу Амура в эту пору уже торговали пивом и в палатках, и на дебаркадере, и в бочках... Столь злчное окружение взрастило в нашем коллективе целую плеяду знатоков ячменного зелья. Мотаясь в командировках по всему Дальнему Востоку, они единодушно уверяли, что лучшее пиво варят в Магадане. Там и вода подходящая, и пивовары высшего класса остались ещё с той поры, когда отправляли их сюда по этапу.

По слухам, два судна из трёх, следовавших за ледоколом, везли полярникам вместе с техникой долгожданный груз – спирт и вино. А на ледоколе вскоре установились трезвые будни. Моряки исправно несли свои вахты, взбадривая дремлющих на льдинах тюленей. Операторы снимали в две камеры и тех, и других, а чаще всего, покоряющие воображение полыхающие в полнеба закаты.

Лишь однажды ледокол отклонился от курса. Команда рыболовного сейнера, затёртого льдами, узнав по радиации, что наш караван проходит вблизи, попросила прийти на выручку.

Ну и радости было у рыбаков, когда оказались они на чистой воде! В благодарность за освобождение из плена они подняли краном на борт ледокола редкую добычу – синекорого палтуса размером с медвежью шкуру. Его хватило поварам накормить свежатиной всю команду.

Посёлок Беринговский на юге Чукотки был первым пунктом, где надо было оставить часть груза. Круша полутораметровый панцирь бухты, «Москва» пробивалась к берегу два дня, всё с большим трудом одолевая торосы. Когда до

берега осталось не более мили, капитан приказал застопорить машины.

С борта даже без бинокля можно было разглядеть реденькие, занесённые снегом домики посёлка, тонкие паутины локаторов... Увы, на этот раз суда так и не смогли добраться до пирса. Эксперимент по более раннему, чем обычно, выходу каравана в море, давал сбой.

Рано утром меня разбудил старпом – кряжистый, в тапочках на босу ногу. Накануне я попросил его известить киногруппу, если вдруг появится подходящий объект для съёмки.

– Пойдём, пойдём! – поторопил он меня, загадочно улыбаясь.

Мы вышли на палубу. Пронзительная тишина витала над бухтой. По небу лениво клубились подсвеченные солнцем облака.

– Эх, надо же... Такая баба была! – сокрушённо выдохнул старпом.

– Где?

– Да вот... понимаешь, – ткнув пальцем в сторону облаков, он принялся объясняться жестами. – Зад круглый, и вот такие две сиськи, ну натуральная баба, чес слово. Вот только что была – и надо же...

Старпом так искренне удивлялся превратностям небес, словно сотканная из облаков и тоскующего воображения женщина и в самом деле была живой соблазнительной незнакомкой.

– Ну ладно, фиг с ней!.. Пива хошь?

– Пива? – с ещё большим изумлением переспросил я.

В каюте он щедро плеснул мне в стакан золотистой влаги. От неё исходил внятный аромат свежести.

– Невероятно!.. Откуда?

– Сказка. Рассказать кому – не поверят.

...Подходила к концу самая нелюбимая у моряков предутренняя вахта. Было уже светло, как обычно в эту пору на севере. Приглушённый гомон птичьего базара на дальнем мысу навевал дремоту. Как вдруг старпому почудилось среди торосов какое-то шевеление. Пригляделся – человек. Идёт к судну.

Старпом схватился за бинокль. Чукча. В кухлянке. Не молодой. Чего-то тащит...

Не дойдя до борта, ходок поднял над головой целлофановый пакет с подозрительно желтоватой жидкостью и крикнул:

– Пива хошь?

– Чего, чего?

– Пива хошь?

Для начала старпом послал доброхота очень далеко. От всей души, как может сказануть человек, которому наступили на большую мозоль. Но чукча оказался настырен. Подняв вверх, он продемонстрировал пакет и раз, и другой... Да и не очень походил на шутника: простецкое, с дублёнными скулами лицо, бесхитростная улыбка... Пришлось бросить на лёд «конец» – пеньковую верёвку.

Вытащив привязанный груз, старпом понюхал жидкость и едва поверил своему бывалому заветренному носу: в пакете плескалось пиво. Свежее, чуть вспененное пиво в забитой льдами бухте у Полярного круга. С ума сойти можно!

– Почти как магаданское, – сделав пару глотков, похвалил я.

– Не хуже! – убеждённо провозгласил старпом, наверняка отвыкший от вкуса настоящего пива.

– Откуда такое?

– Сказал, в посёлке варят. Здесь и шахтёры, и военные. Наверняка спецы остались из бывших. Тут лагерей этих было...

– И в самом деле сказка, – согласился я. – Рассказать кому – не поверят.

Юрий ЛЕОНОВ

Последняя жертва наркома Ежова

*Считайте все мои утверждения вопросами.
(фраза, приписываемая Нильсу Бору)*

9 декабря 1938 года «Правда» и «Известия» опубликовали сообщение о том, что «тов. Н.И. Ежов освобождён от обязанностей наркома внутренних дел» (само освобождение произошло двумя неделями ранее – 24 ноября).

10 апреля 1939 года Ежов был арестован. На допросах он сознался в преступлениях по всем пунктам обвинений, изблещавших его, как врага народа.

4 февраля 1940 года бывшего наркома расстрелили.

4 июня 1998 года Военная коллегия Верховного Суда отказала в реабилитации бывшего наркома внутренних дел Николая Ежова, признав его виновником репрессий 1936–1938 годов.

С просьбой о реабилитации в инстанцию обратилась клубный работник из посёлка Ола Магаданской области приёмная дочь наркома Наталья Николаевна Хаютина...

Даже для 1998 года – с его дефолтом, забастовками шахтёров, чехардой с отставкой аж двух премьер-министров, второй грузино-абхазской войной, убийством Галины Старовойтовой, захоронением останков императора Николая Второго и членов царственной семьи, расстрелянных в подвале Ипатьевского дома (снесён при участии будущего президента Ельцина), – даже, повторю, для 98-го года появление из преисподней «ежовского выродка» стало сенсацией.

Журналисты наладились летать на Колыму. Предвкушали встречу с адвокатом врага рода человеческого. А что о реабилитации организатора массовых репрессий хлопочет не родная дочь, а приёмная, заранее убеждало в том, что дамочка просто хочет прославиться.

Какая-то часть приезжего люда попала к НН через меня. Или со мной. К тому времени мы с НН дружили. А убеждала меня с ней познакомиться Нина

Львовна Кошелева, директор Пушкинской библиотеки (библиотека издала маленькую книжку стихов Хаютиной). Меня удивили тогда аргументы Кошелевой: «Не пожалеее, Наталья Николаевна хороший человек». Не довод – но познакомились. И вот тогда я и поняла, что имела в виду директор Пушкинки. Объяснить не сумею, но мне хотелось, чтобы НН хорошо обо мне думала.

Была она, конечно, дамой колоритной, такая, знаете, состарившаяся Кармен, девушка с табачной фабрики: «Уж и нрав у меня спокойный! / Уж и очи мои ясны! / Отпусти-ка меня, конвойный, / Прогуляться до той сосны!» Поводка была у неё, как у человека, который «ушёл в побег»... И мне нравилось смотреть на НН глазами чужих людей, менять свою оптику.

Вот зима 98-го года. Ночь, метель, мы с британским журналистом, по-моему, с Марком Франкетти и его переводчиком заходим в обшарпанный подъезд дома НН. Слепая синяя лампочка под потолком, разбросанные на бетонном полу шприцы – понятно, и уборщица давно в загуле. Описал ли журналист этот пейзаж? Но то, что предстало его взору через минуту, наверняка восхитило.

Явление женщины – коренастой, прокуренной и даже на первый взгляд – умной. Гости неожиданные, но НН не смущена, не суетится этак по-хозяйски. Да и хозяйство – пепельница да чайник... Хрипло предлагает незнакомцам оставаться в верхней одежде, потому что в комнате морозно, – и для наглядности закутывается по уши в вязаную шаль; из-под буйной шапки кудрявых волос смотрят два кошачьих глаза. На руках митенки (в их колымской версии – вязанные перчатки с разной длины оборванными пальцами). Затягивается сигаретой, прищуривает глаза (и прищур у НН был фирменный), непринуждённо выдыхает: «Ну»...»

Или вот ещё картина. Дома у Хаютиной французские документалисты Элен

Шатлен и Иосиф Пастернак. Элен – какая-то пра-прародня русского драматурга Островского, а Пастернак и вообще наш. На стене портрет Николая Ивановича, дым коромыслом, разговор про любовь – а про что же ещё: «Ты осень вспомни ты хоть раз, / Она во мне живёт и плачет. / Мне не забыть любимых глаз, / А это что-нибудь да значит». (Да ничего это на самом деле не значит, не было никакой любви. Был мальчик трусливый, которому объяснили – а он сразу и понял, как опасно быть рядом с девочкой Наташей. И был красивый такой ушкуйник, вольный и опасный, – не успел увидеть их дочку Женю, расстреляли за какие-то дела с золотом. Вот и вся любовь. Совсем вся – стихи только и остались. Да и кто рискнёт быть рядом с дочерью Ежова?)

– Отец – единственный, кто меня любил... Да! искалечил мне жизнь – и что? Я его не предаю.

На Колыме живут люди, которые остались здесь после освобождения из лагерей – некуда и не к кому возвращаться. «Бойтся ли Natalie встречи с неожиданным мстителем?» Ответ: «С неожиданным? Я его всегда жду»...

Сценарий фильма о Наталье Хаютиной («Последняя жертва наркома Ежова», 2003 г., «Первый канал», режиссёр Тая Варданян) я начну с посвящения «Поколению отрёкшихся от отцов на процессах 30-х годов»... Отрёкшихся, испугавшихся – и не обязательно только за себя, затаившихся, сменивших фамилии – бедолаг этих на свете на свете видимо-невидимо. Кто бросит в них камень? Тот, кто без греха, тоже не бросит.

НН вот именно хотела, чтобы все и везде знали, что она Ежова! Ежова! и Ежова! Семилетняя, в одиночных своих детдомовских пикетах кричала, что её папа – Ежов и скоро за ней приедет. Не отвлекалась на мелочи, и требовала только одного – папу!

Вот эпизод из книги Валерии Гордевой «Расстрел через повешение» (книгу НН прочитает уже в двухтысячных, но непридуманный описанный случай (случай) не однажды рассказывался ею журналистам в конце 90-х; память у неё была недетская).

«Распахнулись тяжёлые ворота, по обе стороны застыла охрана, и вдруг из глубины участка раздался восторженный детский крик:

– Моя лосадка! Моя лосадка!

– Сейчас увидишь спектакль, – тихо сказала (жена Ежова подруге)

На фото Расула Месягутова рядом с Натальей Николаевной журналисты Надежда Сулова и Михаил Ильвес. 2.12.1998г. пос. Ола, Магаданская область.

Ежов, отдав фуражку охраннику, встал на четвереньки... на асфальтовую дорожку... подбежавшая Наташа взгромоздилась ему на шею, вцепившись в волосы. И нарком пополз к дому, то и дело целуя голенькие ножки девочки, болтавшиеся у его лица. А девочка погоняла его, заливаясь счастливым смехом... И он, красный, в поту, всё целовал то одну её толстенькую ножку, то другую».

Когда детдомовка Наташа научилась подписывать конверты – писала Сталину, допрашивала, где отец. Дралась с комендантом, когда тот сорвал прищипленное над кроватью малюсенькое фото наркома; пыталась повеситься, загреметь к чёртовой матери в лагерь; снова писала, уже не Сталину – в прокуратуру...

Всем известно, когда кто-то упорно добывается чего-то в течение 40 лет – а тут в течение 60-ти, – у него это обязательно получается. Очередному её ходатайству дали ход в тот год, когда в стране

назревала угроза смены экономического режима, а в ФСБ – смена начальства (Николая Ковалёва должны были заменить Владимиром Путиным). И в мутные те дни, Некто (не будем гадать – зачем? но почему бы не заподозрить интригу?) решил разыграть карту с Ежовым. Но что из этого вышло – вернее, не вышло, – читай выше...

И тут началось интересное. Оказалось, что у Николая Ежова не было детей – ни родных, ни приёмных. На фотографиях с приёмной мамой – женой Ежова – Наташа была, а в документах не значилась.

Дальше – больше. У НН вопрос: «А почему это во всю-то её распроклятую жизнь за ней неусыпно-неустанно приглядывала госбезопасность?». Нет, она всегда делала, что хотела, перемещалась по стране – из детдомовской Пензы на Север, обратно в Пензу, обратно на Север. Короче, чувствовала себя расконвоированной – а зоной ей была страна. И куда бы Наташа не приехала – на Чукотку ли, на Колыму, – о её приезде всегда знал местный чекист. Почему это сына Генриха Ягоды, расстрелянного предшественника Ежова, система не щадила: парень дважды был в лагере – маленьким с матерью, до её расстрела, – и восемнадцатилетним. И почему система жёстко обошлась с сыном Берии, ежовского сменщика? Нет, тут что-то не то. Конечно, перед расстрелом Ежов просил воспитать его дочь. Но не верится, чтобы коллеги бросились исполнять последнюю волю врага народа. Кто мои настоящие родители?

Сталин? – проболталась я. НН глянула, но тему мы не развили. Я не сомневалась, что она размышляла об этом.

Рассказ Гроссмана «Мама» – с версией удочерения детдомовской малышки наркомом Ежовым, НН, разумеется, читала.

«Когда-нибудь ей, седой старухе, непонятно представлятся рыжие осенние осины, тепло материнских рук, тонкие пальцы, розовые без маникюра ноготки, два серых глаза, широко глядящих на родные поля».

Но ничего такого Наталье Николаевне не представлялось, никаких тебе родных осин и ни мамы и папы – расстрелянных «референта лондонского посольства и его милостивой жены». К тому же ни при каких обстоятельствах не мог Ежов удочерить ребёнка врагов народа, не тот он был человек.

Но почему, почему он захотел удоче-

рить именно эту девочку? И полюбил её ещё до того, как увидел?

В 2004-м году я по переписке познакомилась с московской журналисткой и писательницей Валерией Ильиничной Гордеевой; фрагмент из её книги «Расстрел через повешение» цитировался выше. Так вот в той же любопытной книге была, отличная от гроссмановской, версия удочерения девочки Ежовым. Гордеева считала, что Наталья Хаютина – дочь Сталина. (Даже не сомневайтесь, мы с Гордеевой не обошли вниманием и такой индикатор, как: а вот если к НН на фотографии пририсовать усы, как у ИВ, то... Но на случай, чтобы читатель не подумал о серьёзнейшей и дотошной Гордеевой неправильно, – она, тогда одна из немногих, была допущена к работе в архиве КГБ; знакомилась с делами репрессированного отца и др.).

Вот ещё один из фрагментов из её книги. Умирает подруга Жени, жены Ежова. Перед смертью просит позаботиться о своей новорождённой дочери. Женя, зная, что Ежов о б я з а т е л ь н о удочерит девочку, привозит её домой.

«Ежов, увидев красный пищащий комочек, буквально рехнулся. Он... орал на Женю и экономку, чего раньше никогда не делал:

– В доме две б...и, но некому перепеленать ребёнка! А потом вызвал врачей. А когда они увезли девочку, чтобы сделать всё, что необходимо, в больничных условиях, замучил жену своими страхами:

– А они её не подменяют? Не перепутают?

Так у Ежовых появилась Наташа, хорошенькая девчушка с крутыми чёрными кудрями, видно, в папу-грузина... Николай Иванович обожал приёмную дочь. И та отвечала ему тем же.... Ежов безгранично любил лишь двух людей, Сталина и Наташу».

Наталья Николаевна Хаютина умерла в январе 2016 года, оплаканная дочерью Женей и внуками. Мне кажется, что последние 18 лет своей жизни она была счастлива. Узнала, что её любила... Не только отец... О Сталине мы больше никогда не говорили... Да и странно было бы болтать о нём по телефону. В письмах мне НН тоже писала о другом. Одно из писем я сохранила – и читаю в дни её памяти: «Надежда Антоновна, радость моя далёкая, здравствуйте».

Надежда СУСЛОВА

Александр РЯЗАНЦЕВ

КРОВЬ, ВИНО И СИЯНИЕ ЗВЁЗД

Заметки о скандинавских фильмах

«Если в фильме есть две звезды, я знаю, что на деле их всегда три. Третья звезда – камера». Так писал авторитетный американский режиссёр Сидни Люмет в книге «Как делается кино». Он не стал бы классиком, если бы не любил фильмы; можно сказать, что они были его звездами.

Но Сидни Люмет жил в Америке и мог сравнить искусство кино лишь с звёздами Запада. Тогда как мы, русские и скандинавы – люди северные, и вдохновляют нас звёзды Севера. Потому так часто хочется посмотреть что-то сине-холодное, страстно-эмоциональное и наполненное глубокими идеями. Прочсть ещё несколько страниц в истории кино Скандинавии.

Наступает зима. Самое время погрузиться в чёрно-белые миры Ингмара Бергмана или полные суровой, эстетической красоты ленты Ларса фон Триера. Потому я решил посмотреть несколько скандинавских фильмов и рискнул записать свои впечатления. Ведь эмоции пощекочут душу и уйдут, прикрыв дверь, а написанные на бумаге слова останутся.

На дворе ночь, и вдалеке виднеются звёзды. Скоро выпадет снег, который погасит костёр моих впечатлений. Потому достаю ручку, раскрываю тетрадь и погружаюсь в тёмную реку мрачных, а иногда добрых историй, из которых и состоит скандинавское кино.

Кто знает, чем кончится моё плаванье.

ДАНИЯ

«Ещё по одной»
(2020, реж. Томас Винтерберг)

Американский социолог Роберт Мёртон считал, что социальные условия общества становятся причиной девиации его отдельных индивидов. Грубо говоря, почему многие из нас неумеренно пьют, хотя это не одобряется? Потому, что правило создаёт искушение его нарушить.

Томас Винтерберг триумфально вернулся в наши сердца, сняв свой лучший фильм за последние 8 лет. Выбрав самых могучих датских актёров, он подарил нам кино про необычный социальный эксперимент – четверо друзей решили по примеру Эрнеста Хемингуэя поддерживать определённое количество алкоголя в крови, время от времени выпивая бокал вина или делая глоток водки, но только в рабочее время. Герои, естественно, нарушают правила созданной ими же игры; они пьют много, порой изысканно, порой по-свински; но это не превращается в безумный алко-трэш, так как снято по-скандинавски тонко, ярко и необычно. Томас Винтерберг, похоже, решил соединить размеренный европейский реализм с философией Догмы-95, знаменитого киноманифеста, нацеленного на создание максимально «естественного», живого кино. Режиссёры отказывались от дорогих камер и спецэффектов, используя крайне скромные средства для того, чтобы рассказывать свои истории

о любви, боли, пролитой крови и разбитых сердцах. Кстати, начало знаменитому кинематографическому эксперименту положил сам Томас Винтерберг, сняв первую «догму» – фильм «Торжество» (1998) про уставшего от жизни молодого человека, решившего испортить торжественный вечер, посвящённый дню рождения собственного отца-деспота.

Спустя 22 года после создания «Торжества» режиссёр вновь использует отработанные временем и зрительским вкусом художественные приёмы: он играет с фокусом, предлагает мастерские монтажные ходы, отчего начало многих сцен непроизвольно вызывает улыбку, а потом и смех. Особенно запоминается главный сюрприз – неожиданная вставка кадров из документальной хроники, где нам показывают Брежнева, Ельцина, Клинтона, Меркель с кружкой «Шпатена» и депутатов Европейского Союза, которые пьют на публичных мероприятиях, смеются, краснеют... В этом главная философия фильма – габитус, то есть регулярное воспроизведение каких-то социальных практик, не гарантирует стабильности. Ты можешь прийти на работу и общаться с коллегой, который пьян – но даже не заметишь блеска в его глазах и заплетающегося языка, так как не ожидаешь такое увидеть. Всё условно, и от окружающих можно ожидать чего угодно. Особенно от тех, кто создаёт условия нашей жизни – то есть, политиков.

Финал «Ещё по одной», яркий и насыщенный винными парами, с удовольствием нам напоминает, каким долж-

но быть настоящее кино. Финал можно трактовать совсем по-разному – с одной стороны, концовка достаточно позитивна... Но датчане не настолько прямолинейны. Молодые люди, празднующие окончание школы смехом, слезами и брызгами шампанского, могут показаться героям лишь видимостью приближающегося счастья, за которым таится неизбежность смерти. Можно сказать, что финал «Ещё по одной» – своеобразный тест на то, кто ты: оптимист или пессимист. Ответ кроется на самом дне фильма – надо лишь сделать последний глоток и распробовать.

Завершу отзыв моей любимой цитатой из этого фильма: «Россию создали люди, пьющие за рулём».

9/10

«Заблудившийся» (1998, реж. Симон Стахо)

Встретились как-то на одной исландской дискотеке Ганнибал Лектер и Джейме Ланнистер, да давай наркотики продавать... Похоже на начало глупого анекдота, но нет – с такой сцены начинается дебютный фильм датского режиссёра Симона Стахо «Заблудившийся» (буквально переводящийся как «Дикая сторона»). Рубаха-парень Оззи (Николай Костер-Вальдау) приезжает из Дании проведать своего старого друга Джимми (Мадс Миккельсен). Они дружили 8 лет, пережили не одно приключение что на родных просторах, что в тайских джунглях, и перепробовали всё на свете – от том-яма до самых крепких наркотиков. Но теперь Джимми живёт в Исландии, создал семью и, казалось, перечеркнул лихой период своей жизни.

Но тут приезжает Оззи. А беда, как известно, не приходит одна. Убедив друга, обладателя могучего социального капитала, продать подделанные наркотики, Оззи целенаправленно разрушает жизнь Джимми – и неожиданно обретает счастье, прекрасное само по себе, но тягостное из-за причин своего появления.

Датская мелодрама на криминальном фоне во многом появилась на свет благодаря Николаю Костер-Вальдау, который и сыграл главную роль, и приложил руку к сценарию. Качество фильма низкое, но снят он профессионально; первые полчаса мне вообще казалось, что это одна из «догм», детищ

Догмы-95. Но нет.

«Заблудившемуся» не хватает каких-то неожиданных сценарных решений; вторая половина фильма поражает несколькими довольно жёсткими сценами, но поднятые в них конфликты завершаются очень быстро и без особых потерь для всех сторон. Не обошлось и без «социалки» – когда мы узнаём, что герой Вальдау болен СПИД-ом, то градус крутости фильма как-то сразу понижается. Зато есть интересный лингво-геополитический подтекст – герои-датчане вынуждены коряво говорить с исландцами по-английски, так как те то ли нарочно, то ли из-за устоявшейся практики изоляции не могут их понять. Чистый намёк на то, что Исландия не признаёт себя Скандинавией. Но давайте вспомним, что это датский фильм, где почти все герои говорят по-датски, и сделаем соответствующий вывод... Ещё очень порадовала сцена с Вальдау и красной крокодилницей с детёнышем, у меня такая же игрушка в детстве была. Вальдау тянет за крокодильчика – и мама возвращает его назад, судорожно машет лапками. В этом герой видит свои отношения с жизнью. Грошовый символизм – зато бьёт.

Прямо по лбу.

6/10

«Меланхолия» (2011, реж. Ларс фон Триер)

Не ожидал такой вялости от старины Ларса, соратника Томаса Винтерберга. Его фильмы, несмотря на довольно длинный хронометраж, отличаются насыщенностью и беспощадностью – будь то бесконечное насилие в «Доме, который построил Джек» или неожиданный уход от размеренной медитативности в жестокий минималистический трэш «Догвилля». «Меланхолия», в отличие от признанных шедевров мэтра, кажется откровенно затянутой, несмотря на присутствие всех фирменных триеровских приёмов: живая, трясущаяся камера (Догма-95, привет!), актёры-харизматы в эпизодических ролях, ёмкие диалоги, обилие красок и важная роль освещения в передаче атмосферы и скрытых в сцене смыслов. Триер зарядил барабан всеми пулями-приёмами, но револьвер не выстрелил; по крайней мере, моё сердце они не пронзили.

Скорее всего, всё дело в Кирстен

Данст, откровенно слабой и «пролетарской» актрисе как в плане игры, так и по внешним данным. Она занимает почти всё время в фильме, и если поначалу к ней привыкаешь, то где-то к середине фильма от неё уже утомляешься. Я честно не понял, за что здесь можно дать «Золотую пальмовую ветвь» Каннского кинофестиваля...

Тем не менее, в «Меланхолии» Кирстен соответствует своей роли, так как все её недостатки органично вписываются в облик персонажа – плохой прикус, простецкое лицо и практически полное отсутствие каких-либо эмоций. На её фоне очень выигрышно смотрится Джон Хёрт, которого я, можно сказать, заново для себя открыл. А ещё меня искренне удивило, что у Данст, оказывается, прекрасный бюст – и это, пожалуй, стало моим главным откровением.

5/10

ШВЕЦИЯ

«Седьмая печать» (1957, реж. Ингмар Бергман)

Легендарная картина, ставшая одной из визитных карточек культового шведского режиссёра Ингмара Бергмана. Кадр со Смертью и Рыцарем, играющими в старинные шахматы, я

впервые увидел в школьном учебнике по мировой художественной культуре рядом со «Сладкой жизнью» Федерико Феллини и «Расёмоном» Акиры Куросавы. Эти фильмы я посмотрел несколько лет назад, а вот до Бергмана так и не добрался.

Обидное упущение.

Притча в средневековых тонах, пронизанная религиозными подтекстом и экзистенциальными изысками, «Седьмая печать» не сразу приходится по вкусу; мне понадобилось порядка получаса, чтобы сблизиться со странствующим рыцарем Антонием Блоком и его оруженосцем Йонсом. Только тогда я сумел разглядеть яркие краски, спрятанные под черно-белым слоем. Особый колорит придавал страх героев перед чумой, которую никто из них в глаза не видел...

Нет, видел. Оруженосец Йонс, который в начале фильма находит чумной труп, но не рассказывает об этом Антонию и вскоре его заражает. А Блок заразил уже остальных персонажей, в финале исполнивших дружную пляску смерти.

«Седьмая печать» пронизана метафорами, которые не уводят в ненужные абстракции, а подчёркивают бергмановский киноязык. На мой взгляд, игра Блока со Смертью в шахматы с целью отсрочить свой смертный час символизируют внутреннюю борьбу героя

с болезнью с собственными страхами, за которыми кроется надежда. Смерть – не слово и не знак; Смерть стоит перед тобой, и ты понимаешь, что твой земной путь завершился. Тогда становятся понятны сомнения Антония Блока и его смелые попытки обыграть Смерть в шахматы – ведь человек по-настоящему раскрывается только тогда, когда он попадает в экстремальную ситуацию, в которой решается – жить ему или умереть.

И, к сожалению, вывод Бергмана горек: отсрочка возможна, но смерть – неизбежна.

7,5/10

«Дьявольское око» (1960, реж. Ингмар Бергман)

Неожиданная комедия от северного классика, чёрная, будто дьявольский кот.

Дон Жуан вместе с верным слугой, будто рыцарь Антоний Блок со своим оруженосцем, возвращается на свет божий после 300-летней отсидки в Аду, чтобы совратить девственницу. Её невинность стала причиной ячменя в глазу Дьявола, к чему последний не привык. Дон Жуан должен исправить положение, если бы не внезапно нагрянувшая любовь, чувство, доселе ему неведомое.

Неплохой фильм с очень стильным началом, но довольно средними вторым и третьим актом. Очень запомнился образ Дьявола и обаятельная Биби Андрессон. Линия её отца, священника, запершего в шкафу чёрта, меня даже вдохновила на творчество – это самый удачный фрагмент фильма, потому что, в отличие от остальных линий, его можно трактовать двояко: с одной стороны, это составная часть общего озорства, а с другой – возможный намёк на психическое расстройство священника, который видит чертей и пишет о них в своём дневнике. Так комедия становится самой что ни есть бергмановской трагедией.

Пока классик идёт у меня с прохладой, его фильмы не сильно интригуют – во многом утомляет статичная камера, несколько минут стоящая под одним углом и фокусирующаяся на лицах. Побуду еретиком, но скажу честно – это отдаёт архаикой. Зато душевной.

6/10

НОРВЕГИЯ

«Неуместный человек» (2006, реж. Йенс Лиен);

Молодой, очень одинокий человек бросается под поезд в метро и попадает в Вальгаллу. Но вместо бравых викингов и рек крови и пива он видит современный норвежский мегаполис, обитатели которого работают в офисах, ходят друг другу в гости, пьют вино и не пьянеют, едят – но не чувствуют вкуса. Герой пытается приноровиться к новой жизни, но фальшь и отчуждение окружающих друг от друга вновь его вынуждают пойти на молчаливый, бессмысленный бунт.

Очень умный и красиво снятый фильм, несмотря на постоянное безумие, происходящее на экране. Йенс Лиен практически детально воссоздал концепцию общества потребления с мостиками в религию и норвежские представления о Рае и Аде, страдании и счастье. Пренебрежение людей друг к другу, показное, но неискреннее дружелюбие, представление о людях как массах, а не личностях становится системой, убеждающей каждого из нас в том, что такое счастье и как к нему относиться. Общество потребления, которое изначально относилось к экономике, перешло к потреблению наших мыслей и чувств, возвращая веру в какие-то диктуемые ей стандарты и полностью убивая любые проявления индивидуализма. Либо ты программируешь себя на жизнь в конвейере реакций и представлений, либо искренне гнёшь свою линию – и спускаешься по ледяным ступенькам, ведущим в Ад.

Глубокий анализ общества потребления, после которого можно не читать Бодрийера с его симулякрами, могучая игра Тронда Фауса Аурваага (и имя могучее!), замечательная музыка Эдварда Грига и сбалансированная, красивая съёмка слегка портит излишняя любовь режиссёра к метафорам – например, в десятиминутной сцене, где герой повторно бросается на рельсы, но не может умереть, и по нему всё время ездят поезда, ломая кости и превращая тело в кашу.

Интересно, что бы про это лихое безобразии сказал Харри Холе, герой романов Ю Несбё и знатный ценитель кино...

7/10

Александр ПЕТРУШИН

Запретная история Югры

90 лет назад 10 декабря 1930 года Президиум ВЦИК СССР принял постановление «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера». Было образовано Остяко-Вогульский (с октября 1940 года – Ханты-Мансийский) национальный округ с центром в селе Самарово.

Первые

Однако представители партийных, советских и чекистских органов появились здесь только с началом навигации по Тоболу и Иртышу в мае-июне 1931 года. До 1-й окружной партийной конференции ВКП(б) в январе 1932 года работой по созданию нового национально-территориального образования в составе Уральской области руководило оргбюро, утверждённое 24 мая 1931 года на заседании секретариата Уралобкома ВКП(б) (протокол № 28).

Председателем оргбюро был назначен Яков Матвеевич Рознин. В метрической книге Богородицкой церкви села Осиновского Шадринского уезда Тобольской губернии за 1896 год значится: «Новорождённый Яков. Рождён и крещён 28 апреля. Родители: Осиновского села крестьянин Матвей Стефанов Рознин и законная жена его Серафима Андриановна, оба православные...».

В архивном фонде Осиновского волостного правления в документах «о призываемых к исполнению воинской повинности» есть «расписка от 31 июля 1915 года: «...Обязуемся явиться в г. Шадринск на сборный пункт воинского начальника, в чём и подписуемся: Рознин Яков Матвеевич, 1896 г. Отец – 44 л., мать, братья родн. Василий – 16 л., Иван – 12 л., Михаил – 9 л.»

После Брестского мира с немцами 1918 года взводный командир Яков Рознин возвратился домой большевиком и стал служить в волостных и уездных советских учреждениях. В его анкете от 20 августа 1923 года отмечено: «...Возраст – 27 лет. Жена – 18 лет. Место нахождения семьи – г. Шадринск. С 23 июля 1923 г. занимает должность заведующего уездным отделом управления (уотуправом). Знает ещё специальности – в области канцелярии и административной работы. Основная специальность – хлебороб. Образование – начальная школа. Социальное положение – крестьянин – бедняк. Участие в общественной жизни – как член профсоюза и РКП(б) несёт все лежащие на нём обязанности, вызываемые моментом. Сидел в тюрьме за большевизм. Кроме службы источников дохода – никаких. Обращение с посетителями вполне товарищеское. При исполнении своих обязанностей со служащими проводимая линия тверда и корректна. Грамотность вполне соответствует занимаемой должности. Находится на своём месте...».

«Звёздный час» заведующего Шадринским окружным земельным управлением Рознина наступил в декабре 1928 года. В окружной «Крестьянской газете» был опубликован его доклад «Общественно-экономические мероприятия по поднятию урожайности». В следующей статье

«Вопросы колхозного строительства» он обосновал необходимость создания коммун-гигантов, «в которые объединялось большое количество сёл, деревень и даже целые административные районы». К началу марта 1929 года в Шадринском округе такие коммуны «охватили 80% коллективизированных хозяйств». Тех, кто не хотел в них вступать, выслали на север – 3779 семей. Урожайная курганская нива обезлюдела. Для «перековки» упрямых крестьян партийные власти Уральской области направили теоретика «колхозного коммунизма» в Самарово. Здесь 25 февраля – 3 марта 1932 год состоялся 1-й окружной съезд советов Остяко-Вогульского национального округа. В протоколе съезда отмечено: «...Всего делегатов туземцев: мужчин – 40 чел. и женщин – 15 чел., русских: мужчин – 40 чел. и женщин – 8 чел., зырян: мужчин – 3 чел. и женщин – 1 чел.».

Открывая съезд председатель оргбюро по организации округа Рознин заявил: «Мы строим окружной национальный центр, воздвигаем дома среди дремучих лесов. Строящийся город предлагаю назвать – Остяко-Вогульск».

В декабре того же года президиум окрисполкома постановил: «...Закончить строительство зданий медтехникума, педучилища, амбулатории, кинотеатра, электростанции и четырёх 24-квартирных домов». Тогда же в записке в Уралобком ВКП(б) Рознин так определил социальный статус строителей Остяко-Вогульска – репрессированных советской властью крестьян: «Спецпереселенцы

есть социально-опасный элемент, который находится на режиме людей, лишённых гражданских и политических прав. Расценивать их как местное население не следует...»

Торжества сталинской национальной политики Рознин не дождался – скоропостижно скончался в своём кабинете 13 мая 1934 года. Его похоронили в центре Остяко-Вогульска среди посаженных спецпереселенцами берёз (со временем могила затерялась), а одну из улиц в новом городе назвали его именем.

Ещё одно забытое в новейшей истории Югры имя: Фёдор Лаврентьевич Дружинин – секретарь окружкома ВКП(б). Родился в 1891 году в деревне Дружинино Хлебниковской волости Уржумского уезда Вятской губернии. Не доучившись в Чусовском железнодорожном училище, работал с 1906 года истопником вагонов, сторожем по охране грузов, стрелочником, конторщиком. После октябрьской революции стал большевистским секретарём на Чусовском заводе. В 1927 году его перевели в Свердловск и поставили на организацию всяких видов страхования. Но временное оживление рынка быстро закончилось, и Дружинина отправили на партийную работу в Ирбит, а через год – в Самарово. Его анкета по сравнению с другими участниками тех далёких событий скучна и неинтересна. На вопрос «участие в революционном движении до 1917 года» – ответ: «с половины 1914 года до февральской революции выполнял работу библиотекаря ячейки РСДРП». Или: «подвергался ли репрессиям за револю-

Самарово ок. 1910 г.

ционную деятельность? – «Один раз в 1910 году встретил возражение против приёма меня на транспорт со стороны жандарма Товарева». И дальше: «В старой армии не служил. В боях во время гражданской войны не участвовал».

В своём выступлении на 1-ой окружной партийной конференции 11–16 января 1932 года он отметил: «Население округа 46 тыс. 957 душ, из них русских – 21 тыс. 882, остяков – 12 тыс. 933, вогул – 5 тыс. 965, зырян – 4 тыс. 159, ненцев – 1 тыс. 364, прочих – 595... В 1932 году к Самаровской и Сургутской консервным фабрикам, лесопильному и кирпичному заводам намечается постройка консервной фабрики в Покуре и экстрактного завода в Нахрачах...»

С 1 июля 1931 года строится окружной центр... Сдано 12 домов. Предлагается приступить к постройке гидроаэродрома и автомобильного тракта Тобольск – Самарово. В новом городе появится учебный комбинат, который будет иметь не только окружное значение, но и областное, и даже республиканское...»

Знал ли партийный секретарь Дружинин, кто и как претворит эту мечту в реальность?

В адресованной ему докладной записке коменданта окружной спецкомендатуры ОГПУ Логинова отмечалось: «... На 01.1934 г. в Остяко-Вогульском нац. округе на учёте состоит 30313 спецпереселенцев, размещённых в 150 спецпоселках... За отсутствием надлежащего питания большая часть спецпереселенцев, потерявших трудоспособность, не могла обеспечить выполнение плана лесозаготовок, вследствие чего леспромхоз дал распоряжение о привлечении на лесозаготовку всех без исключения спецпереселенцев, без различия пола и возраста, установив нормы выработки даже для детей 12-летнего возраста и стариков... По этой причине спецпереселенцы, дабы выполнить норму выработки, оставались в лесу целыми сутками, где зачастую замерзали, обмораживались и подвергались массовым заболеваниям».

Сохранившаяся в Государственном архиве социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО) анкета Дружинина датирована ноябрём 1931 года. Его дальнейшая судьба после 1934 года неизвестна. Из-за своей заурядности он мог пережить массовый политический террор 1937–1938 годов и военное лихолетье. Ведь ничего не делал – только мечтал.

Главным чекистом Остяко-Вогульского национального округа назначили 30-летнего уроженца Перми Николая Николаевича Петрова. В своём докладе 8 марта 1932 года на закрытом (секретном) заседании окружкома ВКП(б) он отметил: «Территория округа насыщена антисоветским контрреволюционным элементом, в категории которого входят ссыльные, спецпереселенцы, бывшие бандиты и повстанцы из местного населения. Их активность проявляется не только в форме антисоветской агитации, но и в попытках срыва хозяйственных компаний, а также проникновения в местные колхозы с целью разложения их изнутри. Отмечается пьянство колхозников с административно ссыльными...». К докладу Петрова прилагалась секретная справка «О политическом состоянии округа на 1 марта 1932 года». В ней, в частности, отмечалось: «В округе проживает спецпереселенцев 30 тыс., адм. ссыльных – 600, б. банд повстанцев (т.е. участников восстания 1921 года) – 454, к/р актив в спецпоселках – 435, к/р актив из местного туземного населения – 775, прочих участников контрреволюции – 127. Итого без спецпереселения – 2 тыс. 491. А если приплюсовать ссыльных крестьян и вычесть это количество из численности всего населения округа, то получится лишь 14 тыс. 466 человек относительно лояльных советской власти».

Петров докладывал: «За 1931–1932 годы окротделом ОГПУ изъято 200 человек. Кроме того за вторую половину 1931 и текущую часть 1932 года окротделом проведено 71 следственное дело с общим количеством оперированных 327 человек, в большинстве уже осуждённых коллегией ОГПУ. У туземного населения за зимний период 1931–1932 годов изъято до 500 единиц винтовок».

После 1936 года Петрова перевели в Тюмень, где он возглавил «большой террор». При нём в той части Омской области, в которой 14 августа 1944 года была образована Тюменская область в составе Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого национальных округов, безвинно расстреляно 7 тысяч 290 человек, а более 10 тысяч отправлены в лагеря. В 1938 году Петров назначен начальником Особого отдела НКВД Киевского военного округа. В отличие от высоких партийных мечтателей чекист Петров реально оценил (прежде всего для себя) приближение войны с гитлеровской Германией и запросился на нижестоящую должность начальника от-

дела НКВД в город Лысьва Молотовской (Пермской) области. В глубоком тылу он переждал всю войну, а после её окончания стал министром государственной безопасности вошедшей в состав СССР Тувинской народной республики. Только после смерти Сталина его уволили из КГБ, а в 1959 году исключили из КПСС «за нарушения социалистической законности».

Подарок к юбилею

27 ноября 1935 года бюро Остяко-Вогульского окружкома ВКП(б) постановило: «В связи и в ознаменование приближающейся пятилетней годовщины со времени окончательной организации в июне 1931 года Остяко-Вогульского национального округа в целях популяризации экономического и культурного роста округа как торжества ленинско-сталинской национальной окраины Советского Союза необходимо:

1. Издать книгу «Прошлое и настоящее хантэ-мансийского края» как сборник историко-этнографических очерков.

2. Организовать пробег представителей ханты и манси на оленьих и собачьих запряжках (так в тексте. – А.П.) по маршруту Остяко-Вогульск-Москва.

3. Для руководства подготовкой празднования 5-летнего юбилея округа создать комитет в составе: тт. Марпург (секретарь ОК ВКП(б), Трусов (окрисполком), Крыласов, Доровин (ОК ВЛКСМ), Смирнов, Зыков (редакция газеты «Ханты-Манси Шоп»).

К протоколу этого заседания прилагалась «Краткая экономическая характеристика Остяко-Вогульского национального округа». В первой части документа отмечалось: «Округ занимает территорию 61 403 000 гектар. Удобной земли – 19 353 000, а неудобной, занятой водоёмами и болотами, – 42 050 000. Из общей удобной земли 17 260 000 гектар покрыты лесом, а 2 093 000 – не залесённой площади. В округе проживает 55 787 человек основного населения и 23 329 спецпереселенцев, т.е. всего 79 116 человек. По национальному составу население разделяется: ханты – 15 474 человека, манси – 4642, ненцы – 1319, зыряне – 3705, русские и пр. – 30 647. Всего в округе имеется 14 926 хозяйств, из них хозяйств, подлежащих коллективизации – 11 258, коллективизировано 5020, создано 209 колхозов, процент коллективизации – 44,59. На первом месте по

удельному весу в хозяйстве округа стоит рыба – 39,65, затем идут пушнина – 18%, лес – 13,8%, сельское хозяйство – 10,4%, местная промышленность – 4,8%, кустарь – 5%, второстепенные заготовки (грибы, ягоды и пр.) – 8,4% ...»

Автором сборника очерков истории округа стал Мелетий Александрович Зыков, назначенный приказом окрисполкома от 21 марта 1935 года № 14 ответсекретарем газеты «Ханты-Манси Шоп». В Остяко-Вогульске он представлялся помощником (заместителем) редактора газеты «Известия» Николая Бухарина и зятем наркома просвещения РСФСР Андрея Бубнова.

Через Омский обком ВКП(б) Остяко-Вогульский окружком партии затребовал из Тобольского музея «огромную часть исторических документов и научно-исследовательских работ, которые лежат там без использования, в то время как здесь, в округе, учителя, врачи, совпартработники испытывают острую нужду в изучении этих материалов». К требованию прилагался список 70 наименований книг и документов (список хранится в ГАСПИТО).

Спустя три месяца после решения о праздновании 5-летнего юбилея округа рукопись книги «Прошлое и настоящее хантэ-мансийского края» на 256 страницах была отправлена в Омск. Однако вместо ожидаемого юбилейного издания в газете «Омская правда» от 16 августа 1936 год за подписью «Журналист» была опубликована статья «Троцкистский последыш и либеральные меценаты».

В статье сообщалось: «В 1935 году в Остяко-Вогульск по приглашению бывшего тогда председателем окрисполкома Васильева приехал некий Зыков. Перед этим исключённым из партии троцкистом, контрреволюционером и прожжённым авантюристом нынешний председатель окрисполкома Ануфьев, его заместитель Денгин и редактор окружной газеты Смирнов широко открывают государственную кассу и местные архивы.

Тобольский музей, доверяя остяко-вогульским либералам, допускает Зыкова в книгохранилище и выдаёт ему на руки редкие материалы. Окрисполком с ведома окружкома партии заключает с Зыковым договор на четыре тысячи рублей о написании книги по истории народов хантэ и манси. Получив деньги, Зыков за полтора месяца состряпал книгу объёмом в 13 с половиной печатных листов...»

«Журналист» дал этому произведению соответствующую тому времени аннотацию. Днём ранее, 25 августа 1936 года, в Москве расстрелом Зиновьева, Каменева, Рейнгольда, Сиринова, Мрачковского, Тёр-Ваганяна и других видных коммунистов (всего 16 человек), ставших идейно-политическими противниками Сталина, завершился открытый судебный процесс по делу так называемого «антисоветского объединённого троцкистско-зиновьевского центра».

«Рукопись Зыкова, – писал «Журналист» – чуждого человека, усыпавшего бдительность остяко-вогульского окрисполкома, представляет собою халтурную компиляцию из очерков буржуазных историков и сибирских областников... Зыков целыми страницами цитирует разные небылицы вроде: «В реке Таханине водится некая рыба с головой, глазами, носом, ртом и другими частями совершенно человеческого вида...»

Рукопись Зыкова в 256 страниц отводит периоду истории с 1917 года до настоящего, наиболее интересному времени в жизни народов хантэ и манси только 18 страниц. Причём эта XI глава не даёт действительной картины возрождения народов севера советской властью и коммунистической партией. Зато Зыков спешит сообщить, что в 1616 году в Тобольск была отправлена в ссылку невеста царя Михаила Фёдоровича Романова Мария Хлопова. На основании этого и других эпизодов Зыков выдвигает «теорию», что ссылка «представляла собой скорее колонизационную политику, а не карательную». Между тем хорошо известно, что царизм высылал на тобольский север политических преступников и опальных людей. Замалчивая роль партии Ленина-Сталина, Зыков ничего не сказал о работе организаций ВКП(б) и о борьбе с кулаками и шаманами ...

Окружком партии и окрисполком забыли сталинские указания о большевистской бдительности и проглядели антисоветскую работу Зыкова. Некоторое время – до декабря прошлого года Зыков по совместительству работал корреспондентом «Омской правды». На эту должность он был приглашён бывшим редактором Шпаером, который знал его прошлое. Уволили Зыкова втихомолку, политического лица не разоблачили. После этого Зыков продолжал работать в Остяко-Вогульске над своим «трудом». Сдав его в 1936 году и получив государственный гонорар, он благополучно выбыл в неиз-

вестном направлении, оставив с носом благодущных меценатов из породы гнилых либералов, потерявших представление о большевистской бдительности».

Зная сегодня позицию Бухарина (1888–1938), Бубнова (1884–1938) и других видных коммунистов, выступавших в конце 20-х – начале 30-х годов XX столетия против быстрой и насильственной индустриализации и коллективизации крестьянства, можно предположить, что Зыков выразил в своей рукописи сомнения в необходимости ликвидации самобытного хозяйственного уклада и культуры коренных народностей севера, что уже привело в 1933–1934 годах к их вооружённым выступлениям по реке Казыму на путях паломничества к «святым местам: «Троицкому шайтану», «Святому озеру» – Торым» – лор, Божьему озеру» – Нум-то.

Обвинённые в августе 1936 года в различных преступлениях против советской власти подсудимые по делу «троцкистско-зиновьевского центра» дали показания в отношении Бухарина, Рыкова, Томского, Бубнова и других. Тогда же было объявлено о начале следствия, завершившегося в марте 1938 года процессом по делу «правотроцкистского антисоветского блока». Большинство подсудимых, включая Бухарина и Бубнова (21 человек) были расстреляны (после 1988 года реабилитированы).

Статью «Журналиста» бюро Остяко-Вогульского окружкома ВКП(б) признало «правильной». В своём выступлении секретарь окружкома Павлов отметил: «Книгу в Омск послали помимо моего желания и согласия. Я был против её издания. Это не я, а бывший председатель окрисполкома Васильев привёз в марте 1935 года в Остяко-Вогульск троцкиста Зыкова и устроил его в редакцию газеты «Ханты-Манси Шоп». Предлагаемое издание книги «История народов хантэ и манси» – дело хорошее и нужное. Плохо, что её редактирование было поручено троцкисту. В этом и есть либерализм некоторых коммунистов – работников окружных организаций... На этом примере надо мобилизовать всех коммунистов на борьбу против преступного ротозейства и гнилого либерализма... по повышению революционной большевистской бдительности... Материалы партийного расследования в отношении Васильева, члена ВКП(б) с 1917 года, за прямое покровительство троцкиста Зыкова передать в судебные органы для привлечения

Самарово сегодня

к уголовной ответственности и сообщить в парторганизацию по месту его настоящей работы о связях с троцкистами ...»

29 сентября 1936 года Политбюро ЦКВКП(б) приняло крайне жёсткое постановление «Об отношении к контрреволюционным троцкистско-зиновьевским элементам». Эти «элементы» рекомендовалось рассматривать в качестве «разведчиков, шпионов, диверсантов и вредителей фашистской буржуазии в Европе». Масштабы арестов среди лиц, в малейшей степени причастных к антисталинской оппозиции, приобретают характер массовой операции. Если до середины 1936 года было арестовано около пяти тысяч оппозиционеров, то к концу года их число достигло 23 279 человек.

Два редактора

За псевдонимом «Журналист» скрывался внештатный корреспондент газеты «Омская правда» Николай Васильевич Иваненко. В своей анкете он отметил: «Родился в 1900 году в Петербурге, из мещан, печатник, в РКП(б) с октября 1919 года, служил в политотделе бригады 9-й армии Северо-Кавказского фронта. В 1929 году по решению Кубано-Черноморского комитета партии направлен на работу в окружную газету «Пролетарий Черноморья» (г. Новороссийск), «Трактор» (г. Сальск), «Знамя коммуны

(станция Курганская Северо-Кавказского края). В сентябре 1933 года по мобилизации ЦКВКП(б) направлен в Сибирь начальником политотдела МТС (машино-тракторная станция) Маслянского (Сладковского) района Омской области, потом был утверждён секретарём этого райкома ВКП(б)...».

Его статья о «троцкистском последыше» Зыкове и «либеральных меценатах» из Остяко-Вогульска получила в обстановке начинавшегося в стране «большого террора» высокую оценку партийного руководства. «Журналист» – Иваненко был назначен заместителем редактора газеты «Омская правда» и спецкорреспондентом газеты «Правда» в Омской области.

Когда началась Великая Отечественная война, его мобилизовали в политотдел формируемой в Тюмени 368-й стрелковой дивизии редактором дивизионной газеты «Вперёд». С ноября 1941-го по июнь 1944-го это соединение держало оборону по левому берегу реки Општа, между Онежским и Ладожским озёрами против финских войск, захвативших южную Карелию, форсировавших реку Свирь и рвавшихся на соединение с немцами, окружившими Ленинград. Потом дивизия участвовала в составе войск Карельского фронта в освобождении Петрозаводска, заполярного порта на Балтийском море Петсамо (Печенги) и Северной Норвегии. Войну закончила как 368-я стрелковая Печенгская

Краснознамённая дивизия. Заместитель начальника политотдела дивизии – редактор газеты «Вперёд» майор Иваненко был награждён 29 июля 1944 года орденом Красной Звезды «за оказание большой помощи политаппарату в организации и проведении партполитработы в наступательных боях».

А «благополучно выбывший» в 1936 году из Остяко-Вогульска «в неизвестном направлении» ответственный секретарь газеты «Ханты-Манси Шоп» и автор запрещённой книги «История народов хантэ и манси» Зыков объявился летом 1942 года в форме батальонного комиссара Красной армии в Берлине на Викториаштрассе, 10 в организованном немцами «штабе» русских сотрудников отдела пропаганды Верховного командования вермахта.

«Его привезли с передовой линии фронта откуда-то из под Ростова на самолёте, – вспоминал служивший в отделе пропаганды член русской эмигрантской организации НТС (национально-трудовой союз), созданного в 1929 году в Болгарии молодёжью, чьи родители были участниками Белого движения в России, Александр Казанцев. – Человека такого масштаба, таких способностей я не встречал. На следующий день после приезда в Берлин он решил написать брошюру о советской экономике, что и было им сделано в течение нескольких дней... Я часто заходил к нему во время работы; он писал без единой строчки пособий и без справочников. От первого до последнего слова по памяти. Написана она (брошюра) блестяще. О сложной технологии металлов, о возможностях десятков многих незнакомых мне даже по названиям фабрик и заводов. О распределении сырья, о способах его переработки Зыков писал как геолог. О работе транспорта, об использовании рек, каналов и железных дорог – как путеец. Специалисты по всем этим проблемам могли соглашаться или не соглашаться с его выводам, но то что брошюра (она называлась «Неминуемый крах советской экономики») написана с большим знанием дела – признавали все.

Как журналист он поразил меня ещё больше. Ничего подобного я не видел в жизни. Отделение пропаганды штаба выпускало для той стороны газету, носившую название «Боевой путь». Она была закамуфлирована под одну из советских фронтовых газет. Я однажды присутствовал при том, как Зыков продиктовал стенографистке весь номер с начала до

конца, от первой до последней строчки. Там была передовая, какой-то очерк, фельетон, сообщение с фронта, телеграммы из-за границы, головоломки для солдат, заканчивающиеся шахматной задачей, Всё это он продиктовал не поднимаясь из-за стола, как будто прочёл по книге. Работа продолжалась около трёх часов».

Бывший инженер и сын владельца большого коммерческого предприятия в Риге Сергей Фрелих считал Зыкова самой значительной фигурой в Русском освободительном движении, возглавляемом попавшим в плен в июле 1942 года и изменившим Родине командующим 2-й Ударной армии Волховского фронта генерал-лейтенантом Андреем Власовым.

«О своём прошлом Зыков рассказывал многое и каждый раз разное. Когда напивался, то хвастал своими подвигами с саблей в руке на диком скакуне в рядах знаменитой кавалерийской армии Будённого. Это, конечно, было выдумкой, потому что Зыков, вне всякого сомнения, был сугубо штатским. В этом можно было убедиться по военной форме, которая висела на нём как мешок из-под картофеля. Зыков был высоким партийным функционером, предположительно, заместителем редактора газеты «Известия» Бухарина. Состоял в родстве с возглавлявшим политическое управление Красной армии, а потом наркомат просвещения Бубновым (женат на его дочери). Во время сталинских чисток, при которых Бухарин и Бубнов стали жертвами, Зыкова сослали в Сибирь. Через три года о нём вспомнили, восстановили в партии и послали как комиссара на фронт. Он уже в апреле 1942 года попал в плен к немцам и был привезён в специальный лагерь за несколько месяцев до Власова. В этот лагерь собирали военнопленных и перебежчиков, которых немцы хотели использовать для борьбы против сталинского режима. Зыков отнюдь не скрывал, что он убеждённый марксист, но злоупотребление догмой марксизма при Сталине его разочаровало. Вскоре по прибытии в специальный лагерь Зыков разработал план мобилизации русского народа на борьбу со сталинским режимом. Он предложил поручить руководство этим антисоветским движением какому-нибудь популярному генералу Красной армии. Постепенно Зыков превратился в главного идеолога власовского штаба. Он стал редактором двух издаваемых отделом восточной пропаганды вермахта газет – «Доброволец» и «Заря». Первая была

предназначена для отрядов «Русской освободительной армии (РОА) и «хиви» (с немецкого «желающий помочь». – А.П.), из которых немцы комплектовали личный состав вспомогательных частей – шофёры, ремонтники, обозники, строители, охранники... «Доброволец» имел вначале тираж в 20 000 экземпляров, а с осени 1944 года – уже 60 000. «Заря» выходила тиражом в 100 000 номеров и предназначалась для оstarбайтеров и военнопленных. Обе газеты выходили два раза в неделю... Для гестапо Зыков представлял скрытую угрозу, особенно потому, что он был еврей, хотя все, кто об этом знал, упорно молчали...».

Попавший в плен в октябре 1941 года в окружении под Вязьмой начальник химической службы 67-го стрелкового корпуса подполковник Владимир Поздняков, ставший одним из активных представителей Русского освободительного движения и его послевоенным летописцем и архивариусом (в США), рассказал: «...В конце августа в наш специальный лагерь в Берлине поступил Зыков. Меня удивило, что военнопленный носил знаки различия батальонного комиссара, и красная звезда политработника не была спорота. Обмундирование выглядело непоношенным и даже не помятым. Офицерские хромовые сапоги начищены. Он был побрит и неистощен, следовательно, в плену находился недолго. Никаких вещей у него не было, даже шинели. На вид ему можно было дать не более 35 лет. Внешне – маленький, плотный, но не толстый. Ярко выраженная еврейскоарабская голова, толстые губы, низкий лоб и очень живые подвижные глаза. Произносил каждое слово обдуманно и не спускал при этом взора с собеседника. Беседы с Зыковым были напряжёнными. Он попал в плен на Ростовском направлении, прибыл в Берлин на самолёте по распоряжению Геббельса и завтра должен быть у него. Ни в каких лагерях военнопленных он не был. О своём прошлом Зыков рассказал тогда очень немного. Упомянул, что работал в редакции газеты «Известия», а около года, 1935–1936, в Остяково-Вогульске, на севере Омской области, в окружной газете, и параллельно корреспондентом «Омской правды». Опубликовал десятки статей, фельетонов, экономических обзоров и заметок. В 1937 году был арестован, а в 1941 году – освобождён, восстановлен в партии, аттестован на звание батальонного комиссара и назначен заместителем военного комиссара

стрелковой дивизии, в качестве какового и попал в плен ...».

На допросе в Главном управлении контрразведки «Смерш» наркомата обороны СССР 25 мая 1945 года Власов показал: По предложению немцев я написал 10 сентября 1942 года антисоветскую листовку, в которой указал, что война проиграна Россией из-за неумелого руководства со стороны советского правительства, которое не способно руководить страной, и призвал русский народ его свергнуть. 17 сентября того же года немцы привезли меня в Берлин в штаб русских сотрудников отдела пропаганды Верховного командования, который располагался на Викториаштрассе, в здании номер 10.

В этом же отделе находились генералы Малышкин – начальник штаба 19-й армии Западного фронта, Благовещенский – начальник училища ПВО ВМФ в Либаве, а также бывший сотрудник редакции газеты «Известия» Зыков. Им я рассказал о своём намерении начать борьбу против большевиков. Создать русское национальное правительство и приступить к формированию добровольческой армии для ведения вооружённой борьбы с советской властью. Малышкин, Благовещенский и Зыков поддержали меня... причём Зыков заявил, что, попав в плен под Батайском Ростовской области, уже написал меморандум о политическом аспекте военных действий. Этот меморандум произвёл большое впечатление на полковника Генерального штаба барона фон Фрайтаг-Лорингхофена, который доложил о нём Геббельсу, а тот распорядился отправить Зыкова в Берлин в отдел пропаганды редактором издаваемой немцами для советских военнопленных газеты «Заря» ... При участии Зыкова и Жиленкова – секретаря одного из райкомов ВКП(б) Москвы, бригадного комиссара члена Военного совета 32-й армии Западного фронта мы разработали в декабре 1942 года политическую программу «Русского комитета» под названием «Смоленской декларации» ... Зыков переработал все 13 пунктов декларации, внося туда призыв к бойцам и командирам Красной армии переходить на сторону действующей в союзе с Германией Русской освободительной армии...»

Свыше миллиарда листовок со «Смоленской декларацией» было отпечатано и сброшено над позициями советских войск.

Несмотря на запреты и репрессии (за найденную вражескую листовку крас-

ноармейцев расстреливали) эти листовки читали многие солдаты и офицеры. Точных данных о числе перебежчиков на сторону немцев за первый год войны, когда их было особенно много, нет. По данным «Независимой газеты» (1991, 29 октября) «во второй половине 1942 г. перебежали 61 тыс. красноармейцев. В 1943 г. число перебежчиков уменьшилось до 24 тыс., а за первые три месяца 1944 г. их оказалось всего 2,2 тыс. Даже в марте 1945 г., когда в поражении Гитлера не сомневался уже никто, на Одере к немцам всё же перебежали 18 советских военнослужащих». По официальным сведениям немецкого командования, из взятых в плен за период с декабря 1944 г. до середины март 1945 г. 27 629 красноармейцев не менее 1710 были перебежчиками. Почти каждый перебежчик имел при себе одну или несколько «власовских» пропагандистских листовок.

29 февраля 1943 года в 40 км к югу от Берлина близ маленькой деревушки Дабендорф с одобрения Отдела пропаганды Верховного командования вермахта открылась школа пропагандистов РОА, ставшая идейным, организационным и кадровым центром власовского движения. По разным оценкам за время существования до апреля 1945 года через Дабендорфскую школу РОА прошло до пяти тысяч курсантов (12 выпусков). Бюджет школы включал содержание восьми генералов, 60 старших офицеров, а также несколько сотен младших офицеров (из попавших в плен 86 генералов и комбригов Красной армии 27 человек погибли в плену, 6 человек бежали из плена; в формированиях врага служили: генерал-лейтенант (Власов), 6 генерал-майоров, 3 комбрига, 29 полковников, один бригадный комиссар, 16 подполковников, 41 майор, 11 военинженеров, один капитан 1-го ранга ВМФ и 3 старших лейтенанта госбезопасности, приравненных к армейскому званию майор). Формально Дабендорф должен был играть роль курсов по подготовке пропагандистов для лагерей военнопленных, рабочих команд оstarбайтеров, оккупированных территорий и прифронтовой полосы. Очень скоро школа в Дабендорфе стала замаскированным военным училищем, в котором готовились унтер-офицеры и офицеры РОА. Прибывавшие в Дабендорф из лагерей военнопленных курсанты в идейном отношении воспитывались в духе 13 пунктов «Смоленской декларации» (после 1991

года она доступна для российских историков. – А.А.).

В Дабендорфе разместились редакция обеих русских газет «Доброволец» и «Заря», которые редактировал произведённый в майоры РОА Зыков. Сотрудники школы между собой звали его «наркомзятём» из-за рассказов о родстве с Бубновым.

Идеолог РОА

В Дабендорфе Зыков помог Власову составить знаменитое письмо «Почему я встал на путь борьбы с большевизмом», опубликованное в газете «Заря» 3 марта 1943 года.

«Письмо – наиболее продуманный из всех документов по организации Русского освободительного движения, – пишет Екатерина Андреева в книге «Генерал Власов и Русское освободительное движение». – Чувствуется, что составители письма знали, что им необходимо искусно маневрировать, учитывая нажим и требования со стороны Третьего рейха. Они понимают психологию и положение тех, кто станет читать письмо и наиболее выгодно излагают власовское начинание... Письмо взывает к патриотическим чувствам великороссов; так же как и Смоленская декларация... Составители тщательно различают разницу между государственным режимом и народом: письмо говорит о сотрудничестве именно с немецким народом, но никогда – о сотрудничестве с Третьим рейхом».

Сам Зыков своё видение перспектив власовского движения тезисно изложил в беседе с Поздняковым в апреле 1943 года: «...Без нас, без участия русских Германия не может победить СССР. Немцы будут вынуждены поддерживать и развивать русское освободительное движение, как это и ни противоречит интересам нацистов... Оккупировать Советский Союз не сможет ни одна страна в мире – 22 млн кв. км! Даже нацисты будут вынуждены согласиться с организацией временного русского правительства в оккупированных областях и помочь ему создать армию... Если аппетиты нацистов будут слишком велики – мы всегда сможем их урезать. В этом нам помогут и нынешние союзники Советского Союза – США, Великобритания, Франция, Польша... Для того, чтобы поднять на борьбу народные массы, нужна ясная политическая программа... мы дали основу этой программы – 13 пунктов «Смоленского воззвания»...

Мы признаём принцип частной собственности, но против крупных монополий. Земля должна принадлежать крестьянам. Организационные формы её использования они выберут сами. Кроме того мы не допустим никаких реставрационных попыток со стороны немцев и белой эмиграции – помещики и фабриканты своей земли и заводов не получают. Никакой мести за прошлую деятельность власти мы не допустим. Значит и интеллигенция будет поддерживать нас».

По инициативе Зыкова 12 апреля 1943 года в Дабендорфе состоялась «Первая антибольшевистская конференция военнопленных командиров и бойцов Красной армии, вставших в ряды Русского освободительного движения» – своеобразный «учредительный съезд» власовского движения. Конференция приняла резолюцию о поддержке политических целей, изложенных в «Смоленской декларации» и в «Открытом письме Власова». Резолюция подчёркивала, что соотечественники должны объединиться против общего врага – сталинизма.

Идеолог власовского движения Зыков ликовал: «Теперь джинн выпущен из бутылки, и пусть они – нацисты и большевики попробуют загнать его внутрь».

Власов весьма дорожил идеологом своего «движения». Курировавший его капитан вермахта переводчик Штрик-Штрикфельд в своей книге «Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское освободительное движение», изданной на русском языке в 1993 году, писал: «Зыков называл себя сотрудником центральных советских газет. Разумеется, этого мы не могли проверить, как и его якобы близких отношений с Бухариным, Бубновым и другими крупными советскими руководителями, позже ликвидированных Сталиным. Зыков был человек подкупающего ума и исключительно обширных знаний... Он не предавался иллюзиям относительно Германии, ясно видел немецкую политику, амбиции национал-социалистической партии и её организаций, хаос в различных министерствах, колеблющиеся позиции и трудное положение ведущих офицеров вооружённых сил Германии, которые по словам Зыкова, должны служить чистой истине, независимой от каких-либо идеологий, даже если это против любимых теорий Гитлера. Характерной для Зыкова была его оценка положения, сделанная им, безо всяких прикрас, в разговоре с Власовым и со мной осенью 1942 года,

когда немецкие войска ещё успешно продвигались на кавказском и сталинградском направлениях:

– Национал-социалисты свою войну проиграли, но это открывает богатые возможности для антисталинской Европы. Эти возможности надо использовать, уважаемый Андрей Андреевич...

Однажды Власов спросил меня – сумеем ли мы сохранить Зыкова в штабе, поскольку он, видимо, еврей. Что нам вместе надо отстаивать Зыкова. Что он считает сотрудничество Зыкова крайне ценным...

– Зыков единственный такой из всех, встреченных здесь мною до сих пор. Второго Зыкова мы так легко не найдём. Да и в Советском Союзе мало людей такого калибра – всех их отправил на тот свет товарищ Сталин.

Похищение

Опасения Власова оказались не напрасными. Гитлер был взбешён попытками Зыкова подредактировать национал-социалистическую идею. 8 июня 1943 года в Бергхофегорной резиденции Гитлера в Верхних Альпах состоялось совещание с высшими чинами вермахта. Говорили о восточной политике, о Власове, о Русской армии (стенограмма этого совещания сохранилась). Ясно и чётко было объявлено, что никакой Русской освободительной армии создаваться не будет и всё выступление пленного генерала Власова и его окружения – лишь пропагандистский ход, рассчитанный на действующую Красную армию. Иного решения Гитлера после капитуляции в Сталинграде фельдмаршала Паулюса трудно было ожидать. Меньше месяца оставалось до Курской битвы, от которой Гитлер ждал реванша за Сталинград.

Когда советские войска перешли государственную границу СССР, о власовском движении вспомнили радикально настроенные немецкие офицеры, которые в 1944 году уже готовы были пожертвовать и национал-социализмом и самим Гитлером для спасения Германии. Некоторые историки Второй мировой войны считают, что в планах заговорщиков отводилось место и Русской освободительной армии. Использование РОА после убийства Гитлера обсуждалось бароном Фрайтаг-Лорингхофеном с Зыковым, чтобы «путём намёков» подготовить Власова к той роли РОА, которую она должна будет сыграть в будущем.

20 июля 1944 года в ставке Гитлера

«Вольфшанце» взорвалась бомба, заложенная полковником Штауффенбергом, но фюрер остался жив. Многие из заговорщиков, кто планировал изменение ост-политики и использование РОА в своих целях, были казнены. Контактировавший с Зыковым барон Фрайтаг-Лорингхофен застрелился. А идеолог РОА, зять наркома Бубнова, ученик Бухарина, ответсекретарь газеты «Ханты-Манси Шоп», автор книги «Прошлое и настоящее хантэ-мансийского края» Мелетий Александрович Зыков исчез 26 июля 1944 год. К тому времени он женился на русской эмигрантке из Югославии и жил в маленьком пригороде Берлина Рангсдорфе. Когда Зыков обедал дома с женой и своим адъютантом поручиком РОА Ножиным, бывшим аспирантом Института органической химии АН СССР, мобилизованным в октябре 1941 года в московское ополчение и попавшим в плен под Вязьмой, пришла хозяйка трактира и пригласила «герра Зыкова» к телефону. Сопровождаемый адъютантом Зыков вышел из дома, но до трактира, где был телефон, не дошёл. За углом их остановил мужчина в длинном кожаном пальто, обычной в то время одеждой гестаповцев. После возбуждённого разговора все трое сели в автомашину и уехали. После этого никто больше не видел Зыкова и Ножина. Согласно немецкой официальной версии их похитили агенты НКВД. Не исключено, принимая во внимание «неожиданное» появление в Берлине Марии Вороновой, которая скрашивала генералу Власову фронтовые будни и под Москвой, где он командовал 20-й армией Западного фронта, и в Волховских болотах. При первой же встрече с Власовым она созналась, что была послана чекистами с заданием отравить его. Другие попытки убийства «Ворона», под такой кличкой Власов проходил в агентурно-оперативных разработках НКГБ, также оказались неудачны (в общей сложности на него охотились более 42 разведывательно-оперативных групп общей численностью 1600 человек в районах Пскова, Смоленска, Минска, Риги, Борисова, Витебска и других городов). Но к похищению Зыкова и Ножина, по мнению сотрудников Дабендорфской школы РОА, причастны эсэсовцы, считавшие их евреями и большевистскими агентами. После покушения на Гитлера власовское движение перешло от отдела пропаганды вермахта в ведение СС. 16 сентября 1944 года Власов встретился с рейхсфюрером СС Гиммлером, от кото-

рого получил согласие на создание «Комитета освобождения народов России» и на формирование из военнопленных трёх пехотных дивизий РОА. В таком случае дальнейшее сотрудничество с выражавшим русскую национальную идею Зыковым стало невозможным.

На следующий день после этой встречи Власов вызвал нового редактора газеты «Заря» поручика РОА Ковальчука, бывшего корреспондента газеты «За Родину» 2-й Ударной армии и старшего преподавателя Дабендорфской школы капитана РОА Зайцева, бывшего аспиранта биологического факультета МГУ, попавшего в плен в августе 1944 год в Эстонии, и приказал составить новую программу Русского освободительного движения (обнародована 14 ноября 1944 года в Праге при создании КОНР – комитета освобождения народов России).

«В составлении манифеста участвовали Жиленков и работники его отдела, – показал Власов на следствии в Москве в мае 1945 года. – Редактировал манифест я сам при участии Жиленкова и Малышкина. Написанный нами проект манифеста был передан на утверждение Гиммлеру. Последний внёс в него свои поправки. После этого манифест был переведён на немецкий язык, и Гиммлер снова проверил его».

При этом, вспоминал Зайцев, Власов сильно переживал из-за исчезновения Зыкова:

– Жалко, что уже нет Зыкова, который мог бы сказать своё слово. Может быть, еврей нашёл бы выход. Он всегда чуял его. А я выходы искать не умею.

Выступавший перед курсантами Дабендорфской школы РОА с лекциями по идеологическим вопросам Зайцев (после 1945 г. – Артёмов) в послевоенных публикациях в журналах НТС «Посев» и «Грани» считал, что «Зыков принадлежал к «Левому флангу» Русского освободительного движения, члены которого признавали захват власти большевиками и боролись за политические цели эпохи Гражданской войны. Их позиции были сходны с позициями бухаринского крыла оппозиции. Они продолжали ориентироваться на революционные настроения ранних лет и считали, что ленинизм, каким он был перед Гражданской войной и во время её, и есть подлинное лицо коммунизма. Зыков доказывал, что Февраль 1917 года положил начало переменам, а Октябрь 1917-го стал подлинным началом перемен и прогресса. И Февраль, и

октябрь 1917 года Зыков рассматривал как составные части народной революции, которой ещё предстоит выполнить все данные народу обещания. Зыков думал, что важнее краткосрочные тактические ходы, чем долгосрочные идеологические цели. Вначале нужно превратить Русское освободительное движение в жизнеспособное предприятие, и, когда существование координирующего центра антисталинской оппозиции получит широкую огласку, немцы будут вынуждены дать ему зелёную улицу. Поэтому Зыков был готов идти на компромисс с нацистской пропагандой, если это даст Русскому освободительному движению возможность бороться со Сталиным. Вместе с тем Зыков считал, что несмотря на разрушительную сторону сталинизма, советская система в целом имеет и положительные аспекты».

В октябре 1944 года сразу после обнаружения Пражского манифеста Власов принял на себя командование всеми Вооружёнными силами КОНРа. В течение недели поступило свыше 60000 заявлений на вступление в РОА. Одновременно было достигнуто соглашение с германским командованием о переводе в РОА военнопленных офицеров и солдат, находившихся в частях вермахта и СС. Это позволяло планировать формирование 30 русских дивизий. Но наступил 1945 год – последний год войны.

В неизвестном направлении

Финал власовского движения известен. Осознав неизбежность поражения Германии, руководство РОА в последних числах апреля 1945 год приняло решение выйти из подчинения немецкого командования и пробиваться на запад для сдачи в плен союзникам СССР по антигитлеровской коалиции – англичанам и американцам. В начале мая 1-я дивизия РОА генерал-майора Буняченко, бывшего полковника РККА, командира 389-й стрелковой дивизии Закавказского фронта, захваченного в плен в декабре 1942 года в районе Орджоникидзе (Владикавказ), приняла участие в Пражском восстании против немцев. Пражане приветствовали «русских освободителей, цветами и овациями». Как писали в последствии в СССР и ЧССР, «они не поняли, что происходит». Чешское радио передало сообщение, что «героическая армия Власова освобождает город от немцев». Власовцы покинули Прагу 8 мая, из-за нежелания

чешского политического руководства «портить отношения» с командованием Красной армии». Ранним утром 9 мая в город вступили советские войска. В ходе уличных боёв 5-9 мая 1945 года в Праге погибло 1500 чешских повстанцев, 300 бойцов РОА, 30 красноармейцев, 1000 солдат вермахта и СС, 4000 мирных жителей.

11 мая 1-я дивизия РОА пыталась сдаться американцам, но они отказались принять капитуляцию в зоне ответственности Красной армии. Через три дня дивизия была распущена и до 11 000 её солдат и офицеров попали в советский плен. Части Южной группы власовцев, общей численностью 21 267 человек, командование которыми принял генерал-майор РОА Меандров, бывший полковник заместитель начальника штаба 6-й армии Юго-Западного фронта, попавший в плен в августе 1941 года в Уманьском «котле», сдались американцам. В соответствии с решениями Ялтинской конференции, большинство военнопленных РОА было передано советским властям, после чего одних расстреляли без суда и следствия, других отправили в лагеря (в 1956 году их амнистировали).

Что же касается Власова, то в конце апреля 1945 года испанский диктатор Франко предоставил ему политическое убежище и послал за ним самолёт, который мог доставить командующего РОА в Испанию. Власов отказался бросить своих солдат.

12 мая в колонне из 7 автомобилей он отправился в чешский Пльзень на переговоры с командованием 3-й американской армии. В пути колонна, сопровождаемая двумя «виллисами» с американцами, была встречена автоматчиками отдельного мотострелкового батальона 162-й танковой бригады капитана Якушева. По предварительной договорённости между советскими и союзными спецслужбами Власова задержали и доставили в советскую зону в штаб маршала Конева и далее в Москву.

Согласно протоколу обыска, у задержанного Власова, бывшего командующего 2-й Ударной армией генерал-лейтенанта Красной армии, кроме «Открытого письма солдат и офицеров РОА к правительствам США и Великобритании о предоставлении им политического убежища» были изъяты расчётная книжка начальствующего состава РККА, удостоверение личности генерала Красной армии № 431 от 13 февраля 1941 года и пар-

тийный билет члена ВКП(б) № 21 23 998.

Также изъято 30 тыс. германских имперских марок, датские кроны, золотой нательный крест и золотое обручальное кольцо.

Другие единомышленники Власова добрались до расположения американских войск, но были выданы СССР. Где-то с осени 1945 года следствие начинают интересоваться не столько имена и характеристики руководителей РОА, сколько сама идеология власовского движения. Решение о смертном приговоре в отношении Власова и его сообщников было принято Политбюро ЦК ВКП(б) 23 июля 1946 года. Планировалось проведение открытого судебного процесса, причём Сталин потребовал вывести на процесс 12 обвиняемых. Что связывал с этой цифрой воспитанник духовной семинарии Иосиф Джугашвили, догадаться нетрудно. Для любого христианина таково количество учеников Христа апостолов. Может, повесив двенадцать руководителей Комитета освобождения народов России, Сталин хотел уничтожить саму идею сопротивления любой диктатуре. Однако министр государственной безопасности генерал-полковник Абакумов, возглавлявший во время войны контрразведку «Смерш», обратился к Сталину с предложением: «... дело предателей... заслушать в закрытом судебном заседании... без участия сторон». Он опасался изложения подсудимыми «антисоветских взглядов, которые объективно могут совпадать с настроениями определённой части населения, недовольных советской властью». Предложение Абакумова было принято: в закрытом судебном процессе Власова и одиннадцать его последователей приговорили к смертной казни. 1 августа 1946 года всех двенадцать осуждённых повесили во дворе Бутырской тюрьмы. Тела казнённых кремировали, их прах высыпали в безымянный ров Донского монастыря, куда в 30-е годы ссыпали прах расстрелянных в Москве коммунистических вождей, красных наркомов и военачальников, учёных, писателей, священников... объявленных «врагами народа». Время, место и обстоятельства упокоения идеолога Русского освободительного движения Зыкова неизвестны. Как писала 26 августа 1936 года «Омская правда»: «... благополучно выбыл в неизвестном направлении».

Секретарь окружкома

Автор статьи «Троцкистский последний и либеральные меценаты», рецензент рукописи Зыкова «Прошлое и настоящее хантэ-мансийского края» Иваненко запросился, когда закончилась война, на партийную работу в.. Ханты-Мансийск. Свою просьбу мотивировал тем, что «хорошо знаю обстановку в Ханты-Мансийском национальном округе по прошлой (до войны) работой специальным корреспондентом газеты «Правда». В 1946 году его назначили секретарём по пропаганде окружкома партии, через год избрали 2-м, а в декабре 1947-го утвердили 1-м секретарём «В связи с 20-летием Ханты-Мансийского национального округа и достигнутыми успехами в развитии народного хозяйства и культуры» награждён орденом Ленина. В 1952 году его перевели в Тюмень заведующим отделом административных органов обкома КПСС. В анкетах он отмечался журналистом, но в действительности оставался партийным цензором. Поэтому в 1957 году ему доверили организацию регионального телевидения. Директору тюменской студии телевидения Иваненко пришлось на себе испытать критику, не претерпевшую особых изменений после 1936 года. 22 января 1959 года бюро обкома КПСС отметила «низкий идейный уровень телепередач, поверхностное освещение вопросов хозяйственного и культурного строительства, плохое разъяснение трудящимся партийных документов...». В вину ставилось «пустословие, нежелание вскрывать резервы, недооценка агротехники возделывания кукурузы» и другие идеологические прегрешения. Строго предписывалось «устранить, повысить, обратить внимание, пропагандировать, усилить контроль, показывать ярко и доходчиво». Жизнь научила, как реагировать на подобные обвинения. Через газету «Тюменская правда» Иваненко сообщил, что «критика признана справедливой; принимаются меры к улучшению качества телевизионных передач». Ждать результатов «улучшения» обком не стал и отправил Иваненко на пенсию. Никто не знает, сохранил ли он рецензированную в 1936 году рукопись книги «История народов хантэ и манси». Возможно, эта «запретная история Югры» хранится в архивных недрах ФСБ в следственном и розыском делах идеолога Русского освободительного движения Мелетия Александровича Зыкова.